

Евгений Дудкин

Русские. 1812– 1814

За Родину!

Евгений Дудкин

Русские. 1812–1814. За Родину!

«Издательские решения»

Дудкин Е.

Русские. 1812–1814. За Родину! / Е. Дудкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931732-2

Историческая повесть о героической борьбе русского народа за свободу и независимость своей Родины, событиях Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии в 1813–1814 годах. Исправленное и дополненное издание книги «Россия. 1812 год».

ISBN 978-5-44-931732-2

© Дудкин Е.
© Издательские решения

Содержание

Пояснение	6
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Русские. 1812—1814 За Родину!

Евгений Дудкин

© Евгений Дудкин, 2018

ISBN 978-5-4493-1732-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пояснение

Мой интерес к Отечественной войне 1812 года возник с появлением в нашей квартире (жили тогда, в конце 50-х годов, в старом московском доме в Столовом переулке у Никитских ворот) бумажных солдатиков в форме пехоты Российской империи и Французской республики конца 18 века, которых, где-то раздобыл, как я понимаю, мой старший брат. Потом родителями я был допущен позже установленного распорядком времени к вечернему просмотру по телевизору КВН американского фильма с Одри Хепберн «Война и мир» и французского «Марсельеза» или «Марсельский батальон» (трудно, наверное, поверить, но тогда, в проклинаемые сейчас продвинутой публикой советские времена, по ТВ и в кинотеатрах шло много качественных западных фильмов). В первом, естественно, из-за малолетства я мало что понял, но зато увлекли батальные сцены. Что касается второго фильма, то совпало так, что одновременно я читал книжку Феликса Гра «Марсельцы», которую мне друг подарил на День рождения и поэтому был в теме. Потом, отстояв пять часов в очереди и насмерть продрогнув, в роскошном кинотеатре «Россия» смотрел схожую по трюкам с французским фильмом «Три мушкетера» комедию Рязанова «Гусарская баллада». Учась в 3-м классе 110-й московской школы, забрел в т.н. детский зал Исторической библиотеки на Красной площади, где мне с некоторым недоумением библиотекарь по запросу приносила тома юбилейного издания 1912 года «Отечественная война и русское общество». Настольной книгой стал очередной подарок друга – детгизовское издание 1949 года «Бородинское сражение» Николая Попова. Чуть ли не каждую неделю ходил в Исторический музей, благо недалеко жил. Счастьем было прорваться в музей-панораму «Бородинская битва». 2—3 часа в очереди, попросишь кого-нибудь из взрослых гостей столицы «усыновить» меня на время экскурсии (без взрослых не пускали) и час блаженства! Конечно, многое воспринималось глазами, а не разумом, но хотелось узнать все больше и больше.

Событием стала покупка на сэкономленные на школьных завтраках гривенники книг Е. Тарле, которые отлавливал на букинистических развалах у театра Вахтангова на Арбате. В районной библиотеке на Пресне попались довоенного издания воспоминания Наполеона о его итальянской компании,

В великолепной сельской библиотеке (сейчас даже самому не верится, что в подмосковной деревне целая изба помимо технической литературы об устройстве комбайнов и тракторов была набита несколькими тысячами книг на все вкусы, в том числе и по военной истории) брал нужное и с перерывами на футбол, танцы с девчонками-дачницами и работы в саду, читал все каникулы. Играло воображение при чтении сочинений К. Осипова, Л. Рубинштейна, С. Григорьева, Л. Раковского, Л. Никулина, С. Алексеева. Но серьезной литературы по теме не хватало, был какой-то провал, как-будто стали забывать о 1812 годе, а, может быть, тогда просто было не до событий стопятидесятилетней давности. Случайно купил книги Л. Бескровного и П. Жилина, которых с началом торжества демократии клянут все кому не лень как партийных функционеров от истории, и которые, согласно обычным дразгам в научной среде, само собой, на корню гнобили восходящие яркие таланты из разных уголков нашей Родины. Но тогда, для меня эти книги были чуть ли ни сокровищем. Каким методом, марксистским или еще каким-то, эти два генерала работали и доносили до людей свою правду, меня абсолютно не трогало. Главным была фактура, карты боевых действий, даты, планы, политика, цифры, сопоставления, высказывания и сами действия полководцев. Тогда, к сожалению, доступа к работам Д. Бутурлина, М. Богдановича, А. Михайловского-Данилевского, А. Геруа, Б. Колюбакина, И. Липранди, В. Харкевича, Н. Поликарпова, французов, кроме Коленкура и Сегюра, американцев, англичан и других авторов не имел. Отрывки из их произведений можно было прочитать

лишь в упомянутом семитомнике» Отечественная война и русское общество», счастливо купленного на последние рубли. Впрочем, читал в основном в те времена двух советских генералов и с большим удовольствием. Тут подоспели фильм С. Бондарчука «Война и мир» и книга А. Манфреда. Последним зачитывался, а фильм воспринимался как выдающаяся экранизация Толстого, но, почему-то, ассоциированная в сознании с вечно заплаканными глазами героинь.

После окончания школы попытался поступить на истфак МГУ, но неудачно. Самое смешное, что срезали на истории. Один из трех вопросов был как раз о войне 12 года. Я и разошелся. У экзаменаторов сначала глаза на лоб полезли, а потом они, почему-то в первую очередь лупоглазенькая дамочка, решили, что у меня была шпора – неуд и прощай университет! Ходил с апелляцией даже на прием к заместителю декана, но кто будет слушать глупого и неопытного мальчишку, тем более, что курс был уже фактически набран из особенно одаренных ребят, блатных и рабфаковцев? Отслужив в армии, в МГУ я, все-таки, поступил, но на юридический, поскольку охоту отбили и от темы отошел.

Сейчас, в 65 лет, с удовольствием вспоминаю свое увлечение и горжусь предками. Очень рад пробуждению интереса к истории нашей страны и изданию множества качественных работ. Но, наблюдая, сколько в последние годы пишут о 1812 годе, иногда с горечью отмечал, что одновременно появилось много конъюнктурной халтуры и как-то пришла шальная мысль для интереса попробовать описать свое видение тех событий. Спецобразования не имею, что дает мне право надеяться на снисходительность знатоков. Мои пристрастия, как русского человека, думаю, что оправданны и понятны.

Внезапно вспыхнувшая искра тщеславия и любопытство толкнули на неожиданный для себя шаг – опубликовать своё писание. Недосуг делать ссылки на авторов (их, наверное, больше сотни), чьи мысли учитывались, поэтому работу облек в форму исторической прозы с вымышленными героями.

Часть 1

РОССИЯ. 1812 ГОД. (даты указаны в старом стиле).
ВТОРЖЕНИЕ.

Постучавшись, в избу вошел вахмистр Вагин и, вытянувшись, доложил :

– Ваше высокоблагородие, у ляхов суета. К уланам приезжал какой-то пухлый начальник, сидел в седле как мешок, ездил по берегу и все на нас тарасился. Важный гусь. Уланы вокруг него как пчелы вились. Одет по-польски. Ребята в шутку ему свистнули, так они сабли повыхватывали, начали ругаться. А он засмеялся, нам рукой махнул и ускакал. Урядник говорит, что очень он на Бонапарта похож. Когда в седьмом году с французом замирение было, он его в десяти шагах видел.

– Спасибо, вахмистр, иди.

Есаул Кузнецов пристегнул саблю и вышел из избы, сел на подведенного вестовым коня и не спеша поехал к разъезду. В тишине ясно различался колокольный звон из расположенного в нескольких верстах пограничного, некогда цветущего, городка Ковно. Даже отсюда просматривались крыши замка и костела Петра и Павла.

Казакки расположились в кустарнике у самой воды. Один, в стороне, наблюдал за противоположным берегом, четверо, усевшись в кружок, закусывали чем Бог послал. Стреноженные кони паслись рядом.

Казакки вскочили и урядник – Петр Брусков, доложил о появлении на том берегу Немана каких-то важных военных.

– А, правда, что ты в одном Бонапарта признал?

– Далековато было, но похож.

Есаул въехал в воду, отпустил поводья и дал коню напиться. Стало смеркаться.

И вдруг сквозь легкий плеск реки Кузнецову явно послышался все нарастающий гул на другом берегу и тут же там, из-за холма, появились больше сотни польских улан, одна за другой стали выезжать фуры, в которых были видны бородатые солдаты в синих мундирах и белых фартуках – французские саперы. Фуры остановились в нескольких десятках метров от реки, а уланы расположились рядом и стали раскладывать костры. Саперы вылезали из фур, не торопясь разгружали их. Можно было рассмотреть кирки, лопаты, топоры, канаты, какие-то ящики. Несколько офицеров расхаживали вдоль реки, рассматривали противоположный берег.

Гул становился все отчетливее, Кузнецову даже слышались отдельные голоса, ржание лошадей, скрип и стук колес, но больше никого из-за холмов не появлялось.

– Брусков! Возьми с собой еще казака и скачи в полк. Расскажи полковнику что видел и передай от меня, что я сам наблюдал на берегу большие фуры и французских саперов. Лети!

Брусков не ошибся – он во второй раз в жизни действительно видел в этот день императора французов Наполеона, который двумя днями раньше уже известил своих маршалов о начале войны, а, завтра, 12 июня 1812 года, отдаст приказ своей громадной 608 -и тысячной многоязычной Великой армии о начале войны и переходе границы Российской империи. Стоит отметить, что по данным инспектора по смотрам Великой армии Пьера Денье для войны с Россией предназначалось даже 678 тысяч солдат. Почти столько же солдат располагалось внутри империи.

Еще никогда за всю мировую историю до этого и вплоть до Первой Мировой войны ни один полководец не располагал такой многочисленной армией. Эти тысячи вооруженных до зубов французов, немцев, поляков, итальянцев, голландцев, швейцарцев, испанцев, других европейцев (492 тысячи пехоты, 96 тысяч кавалерии, 20 тысяч инженерных войск и фурштадта

при 1372 орудиях), с десятками тысяч в гарнизонах крепостей в Пруссии и Польше), а также обслуги – некомбатантов, были собраны Наполеоном для вторжения в пределы Российской империи. Из этих войск 2 корпуса с гарнизонами крепостей (94 тысячи) были предназначены для охраны баз в Пруссии и Польше. На протяжении всей войны эти корпуса из своего состава пополняли главные силы и приняли участие в боевых действиях на территории России.

Величайший полководец, политик, администратор, боготворимый армией император Наполеон решился начать «вторую польскую» войну. Ни опыт Карла XII и Фридриха II, ни поражения французов от гениального А.В.Суворова, ни их неудачи при Кремсе, Шенграбине, Пултуске, Прейсиш-Эйлау не остановили императора. Для этой войны он более года готовил силы, собирал солдат, артиллерию, порох, свинец и снаряды, лошадей и волов, продовольствие и фураж, укреплял крепости в Пруссии и Польше, тщательно маскируя свои приготовления. Французские шпионы и польские доброхоты активнейшим образом собирали сведения о планах, численности и передвижении русских войск и передавали их в штаб Даву, а оттуда они уходили непосредственно к Наполеону. В этих доносах шпионы, особенно «пылкие и увлекающиеся поляки», часто преувеличивали силы русских, но общая картина французскому императору была ясна, тем более, что в марте 1812 года прусское правительство подобострастно передало ему расписание русских войск. Наполеон был уверен в том, что его громадная армия раздавит противника, но раскрывать карты до полного сосредоточения своих войск на границе он не собирался. Его беседы с русским посланником князем А.Б.Куракиным и военным представителем полковником А.И.Чернышевым являли собой образец лицемерия и лжи. Постоянно заверяя их в своих дружеских чувствах к русскому императору, он развернул в северной Германии семидесятипяти тысячный корпус маршала Луи Николя Даву, другие корпуса стягивались ближе к русской границе, он окончательно включил в состав Империи Голландию, подчинил немецкие торговые приморские города Гамбург, Бремен, Любек, завалил оружием Герцогство Варшавское и сформировал из поляков третий по численности после французского и немецкого воинский контингент, объясняя все эти свои шаги защитой от английской угрозы.

Уже с начала 1811 года императору Александру I, его приближенным, дипломатам и генералам стало очевидно, что война не за горами. И Россия стала готовиться. Стали укрепляться припограничные крепости, началось размещение магазинов на возможных направлениях боевых действий, армия доведена до 480.000 человек (некоторые авторы с учетом инвалидных команд, гарнизонных батальонов, поголовно всех казаков и др. иррегулярной конницы доводят ее численность по всей стране от 620 до 870 тысяч). Тайно рассматривались перспективы совместных действий с потенциальными союзниками – Британией, Швецией, Португалией и Испанией. Но времени и возможностей не хватало. Благодаря усилиям официального военного агента (атташе) во Франции Чернышева, сети тайных русских агентов, разбросанных на коммуникациях наполеоновских войск, среди которых было немало евреев (русские командиры вообще с большим уважением отмечали помощь еврейского населения западных областей империи, оказанную действующей армии в 1812 году), стало известно, что у Франции под ружьем миллион двести тысяч солдат и, хотя триста тысяч из них воевали в Испании, более полумиллиона отборных, опытных солдат, закаленных в многочисленных походах и боях могут быть использованы против России, общие людские ресурсы империи и ее союзников намного больше русских, не говоря уже о превосходстве в экономическом потенциале.

О нападении русских первыми не могло быть и речи. Это стало бы безумием. Польские генералы Понятовский и Сокольниковичи вероломно провоцировали Наполеона на войну рассказами о готовящейся русской агрессии с целью захвата Варшавского герцогства. Они довольно подло толкали императора на войну в первую очередь заботясь о восстановлении чужими руками польской государственности, утраченной почти двадцать лет назад по собственному легкомыслию, а он сделал вид, что поверил в вероломство русских и оправдывал им свои приготовления к войне. О наступлении Александр действительно подумывал в 1810 году,

в январе 1811 года военный министр М.Б.Барклай -де-Толли даже представил ему «наступательный» план боевых действий против французов на территории Варшавского герцогства, но уже через несколько месяцев от этого плана отказались. Пруссия и Австрия, хотя и против своей воли, подчинились Наполеону. На сухопутном театре военных действий в центральной Европе союзников не осталось. На Западной границе Россия смогла выставить в составе трех армий всего 210 тысяч солдат при 910 орудиях. Остальные были на Дунае – 57 тысяч, в Крыму и Новороссийском крае – 20 тысяч, на Кавказе – 34 тысяч и 30-тысячный корпус Ф.Ф.Штейнгеля в Финляндии, а другие были разбросаны по гарнизонам внутри государства, проходили обучение в сформированной 27-й пехотной дивизии Д.П.Неверовского в Москве, а также состояли в запасных батальонах и эскадронах и сразу в начале войны не могли быть использованы на фронте.

Но было понятно, что войны не избежать. Пятилетняя передышка, во время которой было многое сделано, вот-вот должна была закончиться. Реформированная с использованием французского опыта армия была готова сражаться и ее военачальники желали реванша за поражения под Аустерлицем и Фридландом. Участие в блокаде Англии душило экономику страны и от этой обузы необходимо было быстрее отказываться. Понимая, какой сильный враг стоит на пороге, что придется воевать одним против почти всей Европы во главе с доселе непобедимым Наполеоном, войну ожидали с волнением. Но русские не унывали, верили в себя и были готовы жертвовать всем ради победы.

Этой жертвенности Наполеон не понимал. Он, человек практичный и не сентиментальный в военных делах и политике, не представлял, как можно сжечь свой родной дом, чтобы он не достался врагу, не поднять руки вверх после тяжкого поражения, а продолжать драться дальше с еще большим ожесточением не жалея себя. Привычка европейцев, забыв о совести и чести подчиняться врагу, чтобы, не дай бог, не потерять свою собственность и спокойствие, сдавать без боя города и подобострастно преподносить победителю ключи от городских ворот, Наполеону была более понятна и он ожидал, что поведение русских не будет противоречить принятым «просвещенными народами» правилам. Но это были другие люди. Ключи от городов не вручали. Всю свою историю они жили трудно. Суровый климат, постоянные войны и стычки с беспокойными соседями приучили людей к разумному терпению, вере в лучшее будущее. Ни о какой покорной созерцательности своего бытия речи не шло. Народ был бодр и предприимчив. Исторический опыт, природная мудрость и оптимизм, глубокое осознание того, что после неудач всегда придут и обязательные победы, убежденность, что когда надо, то и Бог поможет, утвердили в русских чувство непобедимости своей страны в схватке с любым противником. При этом не было никакого презрения или проявления шовинизма по отношению к другим народам, что неудивительно с учетом многовекового мирного сосуществования людей в многонациональной стране.

Французы, которых еще Суворов гонял по полям Северной Италии, непомерно превозносили свои достоинства, как истинные, так и придуманные, а русских надменно оценивали как недостойных противников. Удивительно, что в 1829 году битый этими самыми русскими бывший наполеоновский генерал Пеле писал: " Две первые армии в мире готовились оспаривать скипетр Европы. С одной стороны были двадцать лет триумфов, искусство и привычка к войне, превосходная организация, храбрость блестящая и просвещенная, доверие, основанное на постоянных победах, пылкость, которую одна смерть могла остановить. С другой стороны – желание восстановить старинную известность и заставить забыть многочисленные неудачи, преданность слепая и храбрость бездейственная, страдательное повинование, выработанное железною дисциплиной, наконец, решимость умереть скорее, чем уступить. Увлеченная любовью к славе столь далеко от отечества, которое она желает прославить, Французская армия спокойна, полагаясь на одного человека. Армия древних Скифов защищает землю, на которой она родилась, и свои храмы, единственный очаг, который рабство позволяет ей

знать. В наших рядах каждый принимает участие в делах, рассуждает, соображает, предвидит: каждый составляет свой план, по счастливому выражению наших храбрых солдат. Нет Унтер-Офицера, который не мог бы командовать своею ротой; нет Подпоручика, неспособного вести свой батальон. Во всех родах оружия находятся Офицеры высоких достоинств, готовые заместить всякое место. Посреди противной армии, между племенами дикими и полуазиатскими ордами, которые отчасти входят в ее состав, рабски исполняют полученное приказание, там мало искусства у начальников и понятливости у солдат. Все чины плохо заняты и еще труднее замещаются; каждая смерть, каждая рана, производят пустоту. Выдвигается ли какой либо талант, это иностранец, и по одному этому он подозрителен и даже внушает отвращение. Должно также сказать, что между этими Офицерами отличались многие Французы, изгнанные из отечества несчастиями наших старых времен и которым Русские обязаны большею частью своих успехов. Таким образом Французов встречаешь всюду, где только стоит приобрести какую-либо славу». Запомнил ветеран, что за те же двадцать лет Россия победоносно дважды воевала с турками, покорила поляков, отвоевала у весьма не слабых шведов Финляндию, разгромила армии двух талантливых французских полководцев Моро и Жубера. Он все-речь думал, что благодаря французам на русской службе Эммануилу Сен-При, Александру Ланжерону, итальянцу Филиппу Паулуччи, тому же несчастному Жану Моро русские победили Наполеона? Без юмора также нельзя относиться и к остальным опусам Пеле.

После аустерлицкой и фридландской побед Наполеон возомнил, что он справится с русскими и в новой войне, что уже после захвата Литвы царь примет все его условия и он потом спокойно сможет расправиться с ненавистной ему Англией. Он знал, что после Суворова у России нет равных ему военачальников, нет такой громадной армии как французская и в своем успехе не сомневался. Это «золотце», как и многие его предшественники и будущие последователи, было не оригинально в оценке своего врага. «Русские – есть варвары, которые не имеют чувства родины» – был убежден самозванный император. Окончательно стало понятно решение Наполеона воевать с Россией после его хамского разноса, устроенного на приеме во дворце Тюильри русскому посланнику Куракину в присутствии нескольких союзных дипломатов. Император французов не понимал, что в новой войне русские будут драться за свою землю до последнего, что теперь для них все намного серьезнее, чем было в Богемии и Пруссии и они не дадут себя победить.

Сотня Кузнецова обогнала свой полк, который прикрывал фланг арьергарда армии, и вела разведку местности. Кони мягко ступали по влажному ковру из опавшей хвои. Тишину прерывали лишь щебетание птиц, всхрапывание лошадей и переговоры вполголоса людей. После полудня в стороне, из-за леса стали все четче доноситься звуки боя. Вереница подвод с нехитрым крестьянским скарбом перегородила казакам лесную дорогу. На подводах расположились женщины с детьми. Кузнецов подъехал к передней подводе и спросил у крепкого еще деда, откуда держит путь?

– Из Новых Троков. Там бой идет, пушки бьют. Вот мы и решили уйти от греха подальше. А мужики сначала помогли вашим ручей для проезда пушек замостить, а потом в лес подались.

Подскакал молодой хорунжий.

– Господин есаул, генералом Шаховским приказано всему нашему полку собраться и идти к селу Новые Троки. Это в трех верстах в полуденной стороне. Там встать слева от дороги и помочь корпусному арьергарду. Поспешайте, господин есаул!

Сотня пошла рысью и через четверть часа выехала из леса. Кузнецов сразу увидел, как красавцы французские конные егеря в зеленых доломанах, кто в меховых шапках с красными султанами, кто в киверах, из-под которых выбивались заплетенные в косицы волосы, ведут перестрелку с нашими драгунами, лейб-уланами и казаками, а до двух рот пехоты в синих мундирах бегом пошли в атаку на кучку русских grenадер, засевших у сараев.

Как раз, разворачиваясь в лаву, атаманцы понеслись на французских пехотинцев, врубались в их порядки. Фузилеры даже не успели дать залп и побежали, теряя ружья и киверы назад к своей кавалерии. Казаки, смяв пехоту, затем вместе с каргопольскими драгунами ударили по егерям, перекололи пиками несколько человек и обратили в бегство. Через четверть часа егеря привели себя в порядок и тронулись было в атаку, но их тут же остановил беглый огонь двух конных орудий. Егеря изменили направление, повернули вправо и понеслись на гренадер. Наперерез Кузнецов повел свою сотню. Французы удара во фланг не ожидали и после короткой схватки, оставив убитых на изумрудно-зеленом ржаном поле, ускакали. Передовой отряд 2-й дивизии легкой кавалерии генерала Ватье получил достойный отпор. Впервые с начала войны русские взяли пленных.

Бой был выигран. Сотня потеряла всего трех казаков ранеными.

К Кузнецову подошел командир гренадеров и протянул ему руку.

– Капитан Данилов. Спасибо господин есаул, выручили, совсем француз зажал, – и крепко пожал сотнику руку. – Мы были в стрелках от нашей 11-й дивизии. Утром случился конфуз – ударили французы и отрезали от своих. Лесом вышли к вам, соседям, а тут и бой начался.

Французы подвезли артиллерию и вокруг завизжали ядра. Наши пушки снялись с позиции и их повезли в тыл.

Подъехавший к Кузнецову штабной офицер передал приказ – отходить.

– Генерал видел Вашу атаку и благодарит. Молодцы!

ПРИКАЗАНО ОТСТУПАТЬ!

Вторжение Наполеона не стало для русского командования неожиданностью, к нему давно готовились. И все же не удалось определить точное время и направления его ударов, скорость, с которой будет переправлена через Неман армия, задачи ее группировок, их настоящая численность.

Армия отступала. Мужество подавлялось колоссальным количественным превосходством наполеоновских войск. Это были не турки, у которых после первой неудачной стычки, желание воевать ощутимо пропадало. Здесь были умелые, настойчивые бойцы, которые воевали не считаясь с потерями, яростно, с убежденностью в своем превосходстве.

Наполеон, принимая 19 июня в Вильно посланника царя генерал-адъютанта А.Д.Балашова, высказал убеждение, что войну русские проиграют, кичливо прибавив, что их генералы неспособны сопротивляться ему, а солдаты заранее уверены в поражении от французов. Все это было произнесено в кабинете, в котором еще неделю назад пребывал Александр I.

Оставив Вильно, Первая Западная армия М.Б.Барклая-де-Толли, все больше удаляясь от Второй армии князя П.И.Багратиона отступала к укрепленному лагерю в Дриссе. Шли с неохотой, солдаты ругали дождливую и холодную погоду и отступление, офицеры хмурились. Генералы открыто осуждали план сражения на этой позиции хотя и порядочного, но неспособного трезво оценивать обстановку прусского генерала Фуля, приглашенного на русскую службу Александром, который за шесть лет так и не выучил почти ни одного русского слова. Итальянец на русской службе, генерал-адъютант и начальник штаба Первой Западной армии Паулуччи прямо заявил Фулю: " Этот лагерь был избран изменником или невеждой. Выбирайте любое, Ваше превосходительство». Наполеон мог, пользуясь огромным численным преимуществом своих войск, окружить лагерь, заблокировать, обойти его с любой стороны и беспрепятственно двинуться на одну из столиц. Благожелательно настроенное к нему польско-литовское население этого края только бы способствовало операциям французов.

Армия пришла в Дриссу, стала занимать позиции, разбирать припасы с огромных складов, но все чувствовали, что в этом лагере -мышеловке армия долго не задержится.

Ни о каком фланговом ударе армии Багратиона по французской армии не могло быть речи. Багратион сотнями километров южнее метался под натиском корпусов маршала Даву и Жерома Бонапарта и все больше удалялся от Барклая.

Нужно было быстрее уходить из дрисского лагеря, самим идти на соединение с армией Багратиона и, изматывая французов, отступать до уравнивания сил. Командующий Первой Западной армией Барклай-де-Толли был уверен в правильности такой стратегии, чувствовал негласную поддержку императора Александра, но и знал о несправедливых и едких высказываниях о нем начальника штаба его армии генерала А.П.Ермолова и некоторых других генералов и обвинениях в трусости и, даже, в измене. В таких условиях было очень трудно сохранять хладнокровие и делать свое дело. Но Барклаю хватало мужества и настойчивости выполнять свой долг. Армия в полном порядке продолжила отступление. Непрерывно ведя ожесточенные арьергардные бои с наседающими французами, русские неизменно наносили им большие потери, удачно выходили из расставляемых ловушек и оставляли за собой лишь пустые или сожженные деревни, лишая вражеские войска продовольствия и фуража. Талант Наполеона столкнулся с выдержкой, умом и опытом русских генералов, стойкостью и героизмом русских солдат и офицеров. Преимущество в численности французских войск постепенно таяло, разгромить русских не удавалось, возбудить белорусское и, тем более, русское население к бунту не получилось. Поляки, естественно, встретили французов восторженно, литовцы – дружелюбно. В Вильно была устроена иллюминация, сразу колоборанты, особенно шляхтичи, начали помогать захватчикам в создании новой администрации, стали даже организовываться какие-то опереточные части «литовских казаков». Тем не менее, количество завербованных тех и других в наполеоновскую армию было меньше ожидаемого. Всего 20 тысяч солдат пополнили её ряды, да и их выучка была крайне низкой. Неприятностью для русского командования стало массовое дезертирство из двух уланских полков уроженцев недавно присоединённых западных земель. При этом надо отметить, что подавляющее число военнослужащих польской национальности в русской армии честно и храбро исполняли свой воинский долг. Что касается белорусов, то никакой радости от незваных пришельцев они не испытывали. Сегодня, правда, почитатели «европейского выбора» в Белоруссии, выдавая желаемое за действительное, ожесточенно стараются доказать чуть ли ни участие в ведении белорусами совместно с польским и литовским населением партизанской войны против русской армии. Действительно, было несколько фактов нападений на мародеров и обозников, предательства части православного духовенства, но ни о какой войне и речи быть не может. Евреи, которые составляли довольно большую часть населения западных губерний, в целом остались верны русскому императору и занимались своим основным делом – торговлей, хорошо почистив при этом карманы завоевателей.

План войны ломался и Наполеона все чаще охватывало раздражение.

Через три дня русская армия ушла из лагеря и направилась в сторону Витебска на соединение с Багратионом. Первый корпус П.Х.Витгенштейна отделился от армии Барклая и занял линию по Западной Двине, прикрывая дорогу на Петербург.

Преследуя Первую Западную армию, Наполеон делал все, чтобы не допустить соединения войск Барклая и Багратиона и разгромить их поодиночке.

По пятам за русскими армиями как саранча, оглашая окрестности говором на десятке языков, топотом ног и копыт, ревом быков и ржанием лошадей, грохотом колес повозок и орудий, на восток двигалась разноплеменная наполеоновская рать. Оторваться от нее никак не удавалось и бои шли ежедневно. Арьергард состоял из казаков, регулярной кавалерии и пехоты. Казаки вели разведку наступающих наполеоновских войск, нападали на вырвавшихся вперед и быстро отходили, если враг заметно превосходил их в численности. Когда завязывался серьезный бой, на выручку казакам неслись гусары, драгуны и уланы, подходила пехота и артиллерия. Отбив нападение, русские выставляли заслоны и вновь отходили. В результате

этих боев потери французов неизменно превосходили потери русских. Они не смогли окружить и разгромить не только русские армии или корпуса, но даже ни одного пехотного батальона. И это при подавляющем численном превосходстве не только пехоты, но и многочисленной кавалерии! Наполеоновские маршалы допускали грубейшие просчеты, которые в итоге серьезно повлияли на весь ход войны. Говорят о не совсем точных картах территории России, которыми были снабжены французские генералы и они мешали правильно маневрировать. Это так. Но также верно и то, что, несмотря на наличие большого количества легкой кавалерии, французское командование не смогло организовать эффективную разведку.

Несмотря на то, что французов сопровождали огромные стада скота и провиантские транспорты, им даже удалось захватить часть русских магазинов с провиантом, почти сразу с начала войны Великая армия стала ощущать недостаток продовольствия и фуража, возникли трудности с перевозками. Обычным делом становились реквизиции у населения повозок, скота, хлеба, водки, дров. Суровые дисциплинарные меры, вплоть до расстрелов, в отношении мародеров в частях, укомплектованных природными французами, помогали мало, а на союзников особого впечатления они не производили – немцы и поляки не церемонились и грабили вовсю. Но, в общем, армия пока еще оставалась «Великой», хотя что-то не ладилось, некоторые замыслы не исполнялись, а главное понемногу выяснялось, что не Наполеон, а русские диктовали условия борьбы. Хотя они и оставляли свою территорию, но дороги на главные центры империи ими были перекрыты, армия цела, а в тылу шло интенсивное формирование новых военных сил. План скоротечной и победоносной войны с заключением выгодного мира рушился на глазах, но Наполеон верил в свою звезду и вел свою пока ещё непобедимую армию все дальше и дальше вглубь необъятной Российской империи.

Покинув Дрисский лагерь, войска Барклая, отбиваясь от французов, пошли к Полоцку и дальше на юго-восток на сближение с Багратионом. Сильная жара после проливных холодных дождей, плохие дороги, нехватка питьевой воды, само по себе отступление, к чему армия не была приучена, раздражали людей. Но одновременно в армии росла решимость быстрее сразиться с врагом, наказать его за унижение.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ.

Пан Болеслав Шиманьский, секретарь мирового суда, торопился домой. Жаркий июльский день был в самом разгаре и секретарь то и дело вытирал потное лицо платком, ругая себя, что пожалел деньги и не взял извозчика. Утром в суд заходил родственник, служащий в Сенате, и поведал, что русские крепко напододали саксонцам, 13 числа заняли Брест и, вполне вероятно, уже приближаются к Варшаве. Французский император был уже далеко на востоке и ничем помочь не может. Беспокойства добавил французский офицер, встреченный в кондитерской, который на бодрый вопрос Болеслава: "Как идут дела в России?" «ответил, что «лучше не бывает», но так зло посмотрел на него, что тот поспешил допить кофе и поскорее ретироваться. Сейчас он шел по мосту через Вислу и вспоминал, как на этом самом мосту и на улицах города восемнадцать лет назад толпа избивала безоружных русских солдат («Варшавская заутреня», на которой были убиты 2.000 человек), направлявшихся в церкви и последовавший за этим уже через полгода кровавый штурм Суворовым варшавского пригорода – Праги, когда разъяренные гибелью своих товарищей, русские беспощадно отомстили мятежникам. Были убиты или утонули при бегстве 15 тысяч солдат и горожан, взято в плен около 13 тысяч человек, русские потеряли полторы тысячи. Болеслав неожиданно для себя перекрестился, хотя до костела было еще далеко. Навстречу тянулись запыленные господские экипажи и крестьянские телеги. Уставшие люди безучастно посматривали по сторонам и на любопытные вопросы отвечали, что едут от границы, спасаясь от русских.

Подходя к воротам своего дома, он услышал за оградой щебетание своей жены Агнешки и войдя во двор увидел, что она поливала маленькой лейкой розы и мило разговаривала с соседом, бездельником и ловеласом. Болеслав недовольно посмотрел на жену и, как бы не заметив

соседа, вошел в дом. Свою жену он любил, но, постоянно ощущая ее неразгаданную сдержанность, был чрезмерно ревнив. Она всегда выдерживала его взгляд и не отводила глаз, но в них плясали такие черты, что невольно приходила мысль, что имя жены означавшее «непорочная» дано ей явно по ошибке.

За обедом, обсудив возможную угрозу, супруги решили переехать к родственнику на левый берег Вислы и переждать там несколько дней пока не прояснится обстановка. Поляки опасались, что если придут русские, то будут мстить за их участие в военном походе Наполеона в Россию. Знали бы они императора Александра, который, прекрасно осведомленный о составе Великой армии, еще пару месяцев назад покорял своим расположением польских магнатов и их жен.

Вечером чета Шиманьских, оставив прислугу присматривать за домом, в потоке бегущих перебралась на левобережье Варшавы.

Русская Третья резервная обсервационная армия (46 тысяч человек, 168 орудий) под командованием генерал-лейтенанта А.П.Тормасова с началом войны, располагаясь на Воляни в районе Луцка, имея перед собой 30-ти тысячный при 60 орудиях австрийский вспомогательный корпус князя Шварценберга и 7-й армейский (саксонский) корпус Рейнье (19 тысяч человек, 50 орудий), не стала отступать вглубь Империи, а, наоборот, по предписанию Барк-лая-де-Толли развернула из Луцка активные наступательные действия на север в направлении Гродненской губернии против саксонцев. Основные силы корпуса Рейнье находились в Слониме, несколько отрядов стояли в Бресте, Янове, Пинске, а наиболее крупный, бригада пехоты и уланский полк, стоял в Кобрине. Тормасов принял решение очистить эти города. Уже 3 июля русский отряд под командованием генерал-адъютанта К.О.Ламберта с целью рекогносцировки вторгся в пределы Великого Герцогства Варшавского, занял город Грубешов, захватил в нем ценные бумаги, свидетельствующие о малочисленности войск, оставленных Наполеоном в Польше. Ламберт дальше намеревался занять Люблин, но получил приказ двигаться к Кобрину и вернулся в пределы Российской Империи. 13 июля отряд генерала А. Г. Щербатова, выбив саксонцев из Бреста, присоединился к войскам Ламберта и вместе с ними с запада начал наступление на Кобрин. С южного направления к этому городу направлялись главные силы Тормасова, в авангарде которых шел генерал-майор Е.И.Чаплиц с 13-м егерским, Павлоградским гусарским, Донским казачьим полками, батальоном лубенских гусар и 6 орудиями.

В Кобрине была сосредоточена саксонская бригада Кленгеля из 22-й пехотной дивизии в составе четырех батальонов и приданного полка улан общей численностью до 2,5 тысяч человек. Ламберт, оставив у села Бульково на трехчасовой отдых свою пехоту, состоящую из 4 егерских батальонов, в ночь на 15 июля с кавалерией двинулся к Кобрину. Перед городом на ржаном поле саксонцы встретили русским частым ружейным огнем. Атаковать их в конном строю было крайне неудобно и опасно, поэтому пришлось спешивать тверских и стародубовских драгун, которые стали действовать как стрелки. Александрийским гусарам и казакам, направленным за реку Муховец для блокирования пути отступления саксонцев, удалось рассеять два эскадрона улан и подойти вплотную к городу. Попытки прорыва саксонской пехоты были отражены орудийным огнем. В это время к Кобрину подошли войска Чаплица и после ожесточенного боя ворвались в горящий город. Павлоградские гусары разгромили несколько эскадронов саксонских улан и захватили две пушки и вместе с 13-м егерским и Рязским пехотным полками выбили противника из города. Отброшенные к монастырю и старому полуразрушенному форту на окраине города, саксонцы, окруженные уже со всех сторон, после яростного сопротивления, сложили оружие. Были захвачены 4 знамени и 8 орудий, пленены 1.200 солдат и офицеров и их генерал Кленгель. Остальные погибли или рассеялись по близлежащей округе. Русские потеряли всего 77 убитых и 482 раненых.

За первую и безусловную победу в войне и умелое руководство войсками Тормасов был награжден орденом Св. Георгия 2 степени и Александр пожаловал ему еще 50 тысяч рублей.

Ламберт получил саблю, усыпанную бриллиантами, а Чаплиц – знаки ордена Св. Анны. Благодаря этой победе Наполеон не смог использовать на главном направлении австрийский корпус Шварценберга, который уже было направился против Багратиона. Австрийцев и одну польскую пехотную дивизию из корпуса Понятовского, пришлось вернуть для действий против Торماسова. Как бы эти 40 тысяч солдатгодились французскому императору под Москвой!

Кроме этого, успешные действия Торماسова на Волыни показали местному населению, сочувственно относящемуся к наполеоновским войскам, силу русской армии и заставили многих отказаться от мятежей, которые были готовы разгореться.

Владимир Данилов пошел по стопам своего старшего брата Александра и, когда пришло время, получив благословение своей горячо любимой матушки, избрал для себя путь военного. Воспользовавшись связями, Владимир в десятом году поступил в Гродненский гусарский полк и уже через полтора года безупречной службы был произведен в корнеты. Это событие было воспринято им с восторгом. Вечером, правда, пришлось поучаствовать в пирушке, устроенной офицерами полка. В избу торжественно была внесена здоровенная деревянная бадья, в которую под радостные крики были вылиты шампанское, портер и бургундское. Затем в клещах принесли раскаленную подкову от только что раскованной на дворе лошади, с шипением погрузили ее в бадью и под рев: " Пей до дна! «заставили выпить целую кружку этой бурды. Утро корнет встретил в сенах в огромной охапке сена.

Новый чин потребовал и новых трат. Жалование корнета было не Бог весть каким и его едва хватало на покупку самого необходимого. Выручил брат, навестивший Володю весной и привезший из Москвы деньги. Были куплены положенные для гусарского офицера серебряные галуны и пуговицы, этишкеты и лядунка, вороной трехлетний поджарый жеребец с лукавыми лиловыми глазами, нареченный Марсом. Посматривая с улыбкой на брата, Александр, показывая чубуком трубки на его расшитый серебром мундир, заметил :

– В таком наряде и на балу с паненками не грех в мазурке поскакать, а не только саблей биться. Здесь у вас в Литве красавиц ясновельможных хоть пруд пруди.

Владимир смутился, румянец выступил на щеках.

– Я, Саша, и в простом мундире готов воевать, да порядок такой у нас заведен: стал офицером – хоть провались, а изволь серебряные вещицы нацепить. В некоторых других полках, не говоря уже о гвардии, полагается вообще золото нашивать. Ты не думай, мне это не нужно, но полковой наш командир строго спрашивает, хотя и прекрасной души человек. Что касается паненок, нет на них времени. Муштруют нас нещадно, ведь война уже на пороге. Говорят, что уже вся Пруссия и Польша забита наполеоновыми войсками.

Лицо старшего брата стало серьезным. Он с удовлетворением подумал: " Все понимает. Из этого мальчика будет толк. Храни его Бог».

Первый пехотный корпус под командованием генерала графа П. Х. Витгенштейна после ухода русской армии их дрисского лагеря по предписанию императора Александра был отделен от основных сил и расположился у покинутого лагеря по правому берегу Западной Двины с задачей не пропустить французские корпуса Макдональда, Сен-Сира и Удино через рубеж р. Двина – Псков – Новгород, имея ввиду и возможные действия по защите Санкт-Петербурга. Макдональд, оставив прусский вспомогательный корпус осаждать Ригу, в поисках переправочных средств на правый берег Двины осторожно двинулся со своей 7-й пехотной немецко-польской дивизией к Якобштадту. Удино попытался взять Динабург, но получил отпор. Наполеон через своего начальника штаба маршала Бертье выразил неудовольствие бесполезными действиями командира Второго армейского корпуса и предписал ему наступать в сторону Полоцка и не давать русским переправляться на левый берег Двины. Шестой армейский, баварский, корпус Сен-Сира не воюя, к этому времени умудрился потерять уже половину своего состава.

Понос косил солдат и офицеров, не помогали ни водка, ни опий, который доктора давали наиболее слабым. Сен-Сир медленно тянулся за Удино.

Дивизии Удино к середине июля заняли Дисну и Полоцк и двинулись на север. Намечалась вполне реальная угроза наступления французов на Петербург. Они форсировали Двину, а потом и Дриссу и 18 июля у мызы Якубово встретились с авангардом войск Витгенштейна под командованием генерала Кульнева. В полдень гродненские гусары атаковали передовой отряд дивизии Леграна и заставили его вернуться в Якубово, где стали накапливаться крупные силы французов. Из обширного леса напротив мызы стали выходить и строиться 4 полка русских егерей. Впереди них расположились конная и батарея артиллерийские роты и сразу открыли губительный огонь по противнику. Все атаки французской пехоты были отбиты с большими для них потерями. В наступление пошли русские егеря вместе с прибывшие к месту сражения Пермским, Могилевским, Севским и Калужским пехотными полками. Силы сторон были равны, но важную роль сыграли русские батареи, которые подавляли все попытки неприятеля контратаковать. В итоге, французы были выбиты из Якубово и откатились за ее восточные окраины.

Еще затемно, ранним утром 19 июля французы попытались отбить Якубово, но вновь, как и вчера, очень эффективно действовали русские артиллеристы. Наступление захлебнулось и Витгенштейн бросил в бой несколько пехотных полков, которые отбросили противника к р. Ницца. Французы на этом рубеже также не удержались и отступили по мосту к мызе Клястицы. Их саперы успели поджечь мост, сама мыза и округа была заполнена пехотой, на берегу и между домами установлены орудия. Успех сражения зависел от решительности и мужества русских солдат и офицеров, командира авангарда корпуса генерала Я.П.Кульнева, самого Витгенштейна.

Вперед был брошен второй, резервный, батальон Павловского гренадерского полка (1-й и 3-й батальоны полка воевали в составе 1-й гренадерской дивизии в армии Барклая). Медь гренадерских шапок заиграла в солнечных лучах среди облаков порохового дыма. В плотной колонне под огнем артиллерии и стрелков по горящему настилу моста гренандеры ворвались в Клястицы и выбили французов из мызы. Героев поддержали Могилевский и Пермский пехотные полки, а по броду, с трудом преодолевая крутые берега Нищи, были переправлены орудия. Успех развил Ямбургский драгунский полк. Французы стали поспешно отступать на юг к р. Дрисса с целью удержать русских на новом рубеже. Их попытки контратаковать во время отступления пресекались русской кавалерией. Перед тем как перейти на левый берег реки, французские 23-й и 24-й конно-егерские полки атаковали наседавший русский авангард.

Оба батальона Гродненского гусарского полка, миновав Клястицы, продвигались по лесной дороге. Она то расширялась, то, спускаясь в низины, сжималась ельником до такой степени, что по ней с трудом проезжала артиллерийская упряжка. Наконец, лес стал редеть и отступать от дороги. Ветер донес медовый аромат таволги.

Впереди отчетливо слышалась ружейная пальба, изредка доносился гулкий выстрел орудия. К передовому эскадрону, в котором служил Владимир Данилов, подлетел ординарец и передал приказ Кульневу – полку на рысях идти вперед к мосту через Дриссу, где французская кавалерия атакует передовые части русского авангарда. Полк тронулся и уже через полторы версты выехал на довольно большой луг, на котором рубились ямбургские драгуны и французские конно-егеря. Рядом друг против друга стояли шеренгами и кучками пехотинцы обеих сторон и вели батальный и одиночный огонь. Судя по количеству убитых и раненых, лежащих между противниками, недавно здесь произошел жаркий встречный бой. Русские не видели, что за кустарником выстроились и готовились атаковать их во фланг не менее одного полка французских конно – егерей. Французы ринулись было вперед, но в тот же момент заметили гродненцев и стали осаживать лошадей.

Владимир посмотрел на своих гусар. С 1806 года, когда был сформирован Гродненский гусарский полк, прошло всего шесть лет, но за это время он уже успел покрыть себя славой в сражениях с наполеоновскими войсками при Гутштадте и Фридланде, в войне со Швецией, когда перешел по льду Ботнический залив и заставил сдать гарнизон одной из крепостей. Узнав об этом подвиге, Александр I, повелел наградить всех участников специальной медалью «За переход на шведский берег 1809». И сейчас мундиры многих гусар украшали эти медали.

В начавшейся войне они тоже уже успели отличиться. 16 июня четыре эскадрона Гродненского гусарского полка 9 часов подряд в составе арьергарда Первого пехотного корпуса под командованием шефа полка генерал-майора Я.П.Кульнева не выходили из тяжелого боя против превосходящих сил противника и участвовали вместе с другими войсками во взятии городка Вилькомир. 3 июля на берегу Западной Двины у селения Оникшты, находясь в арьергарде под командованием генерала Кульнева, гродненцы вместе с полком казаков атаковали 11 конно-егерский французский и 10 уланский польский полки. В нескольких атаках они сначала смяли фланги противника, затем опрокинули центр и гнали егерей и улан 15 верст. Были захвачены генерал Сен-Жени, 3 офицера и 140 солдат. Сами же потеряли убитыми и ранеными 54 человека. Перед тем боем Владимир был послан командиром полка Ф.В.Ридигером к Кульневу с донесением и о славной победе он узнал от товарищей.

Лица солдат и офицеров были сосредоточены и серьезны. Знали, что через несколько минут придется сойтись с опытными в кавалерийском деле, умелыми и смелыми бойцами. Каждый понимал, что этот бой может стать для него последним, но, в то же время, и надеялся, что смерть минует его, как это было раньше. Одновременно каждый начинал прикидывать, как лучше ударить по французу, стал появляться военный азарт. Видели, что силы были примерно равны и это вселяло уверенность в успехе. Смотря на усатых ветеранов, Владимир почувствовал, как утихает дрожь в руках.

Переживания ушли после сигнала об атаке. Все восемь эскадронов, один за другим, двинулись вперед. Копыта коней мягко вязли во влажном торфянике, на котором расстелился ковер изумрудной травы. Вот уже выхвачены из ножен сабли и через мгновение разгорелся кавалерийский бой. На корнета налетел конный егерь. Он был без кивера и без сабли, но, бросив поводья и не останавливаясь, неся прямо на Владимира, целясь из карабина. Пьяные глаза француза вылезли из орбит и усмешка кривила губы, кровь стекала на лоб. Пуля прожужжала над головой корнета и тут же француза сбил пикой какой-то гусар.

Владимир размахивал саблей, отбил несколько чьих-то ударов, увидел, как перед глазами мелькнула голубая молния клинка и почувствовал удар по левому предплечью. Спасли серебряные шнуры на ментике и то, что Марс дернулся в сторону, уводя своего хозяина от прямого удара. Тут же он налетел на отощавшую французскую лошадь и сбил ее вместе с всадником своей широкой грудью.

Владимир как-будто ощутил какой-то толчок в спину и увидел, что конно-егеря стали поспешно поворачивать коней и отходить к реке. В толпу сражающихся врезались вовремя подоспевшие рижские драгуны и вместе с гусарами загнали французов в воду. Потом гнали их еще несколько верст до тех пор, пока кони не начали сами останавливаться от усталости.

Основные силы корпуса Витгенштейна расположились на бивак в Клястицах, а авангард Кульнева после короткой передышки продолжил преследование французов. Его отряд в составе 2,5 полков кавалерии, батальона пехоты, 4 орудий и нескольких сотен казаков – всего немногим более 3.700 человек, в ночь на 20 июля перешёл Дриссу и двинулся в сторону деревни Боярщина. Дорога была заставлена брошенными французами повозками, разной рухлядью, оружием. Чувствовалось, что бежали они очень поспешно. Постепенно стали появляться группы неприятельских стрелков, которые, впрочем, обстреляв русских, откатывались дальше. Кульнев, предупрежденный Витгенштейном о нежелательности вступления в бой с крупными силами противника, был уверен, что преследует лишь разрозненные толпы бегу-

щих французов и не останавливаясь, без должной разведки шел вперед. У Боярщины его ждал весь корпус Удино. Дивизии Леграна и Вердье в первой линии, а за ними швейцарцы из дивизии Мерля выстроились на дороге, проходящей в узком дефиле в окружении болот и кустарника. Отряд Кульнева, попав в ловушку, был сразу атакован с трех сторон намного превосходящими силами французов. Впервые с начала войны в бою приняли участие швейцарцы – их 2-й пехотный полк. Стойкие, как всегда в обороне, солдаты в красных мундирах в медвежьих шапках и киверах с красными султанами отбили первоначальный натиск русского авангарда, а затем на него обрушился перекрестный огонь артиллерии. Под градом пуль и снарядов, постоянными наскоками французских конно-егерей и кирасиров, мощным давлением масс пехоты русские начали поспешно отступать. Кульнев, сойдя с лошади, ободряя своих солдат, шел в последних рядах. Наконец, у Сивошина перебрались через Дриссу под защиту своей батареи, но в этот момент генералу ядро оторвало обе ноги. Умирая, он снял георгиевский крест и, чтобы он не достался врагам, передал его своему адъютанту Нарышкину. Чтобы не узнали в нем генерала, из последних сил завернулся в солдатскую шинель. После очередной атаки французов, тело погибшего осталось на территории, занятой неприятелем.

Командир французского 23 конно-егерского полка Марбо, первостатейный лжец и фигляр (на записки которого, впрочем, ссылаются некоторые серьезные историки), без стыда живописал, что его егеря напали на спящих русских, а Кульнева поразил саблей в горло один из офицеров полка. Французский петушок прокукарекал!

Дивизия генерала Вердье, преследовавшая русских, торжествовала совсем недолго. Стремительно наступая, она, повторяя ошибку русского авангарда, оторвалась от основных сил своего корпуса и натолкнулась на самого Витгенштейна. Картина зеркально повторилась. Под натиском русской пехоты и кавалерии, теряя множество людей от огня артиллерии, дивизия Вердье стремительно покатила назад и увлекла за собой остальные дивизии Удино, который, сжигая мосты на реках, спешно стал отступать к Полоцку.

До гродненских гусар дошла весть о гибели шефа полка. Ярость и стыд рвали души. Гусары вместе с рижскими и ямбургскими драгунами до последнего прикрывали отход авангарда своего корпуса. Отступив по мосту за Дриссу, дрались за русские батареи у Сивошиной, дали пехоте привести себя в порядок, честно выполнили свой долг. Сейчас обе стороны готовились к продолжению сражения. Перед гусарами стояли густые батальонные колонны французской пехоты, железная стена из кирасир дивизии генерала Думерка, полки легкой кавалерии.

Перед строем появился командир гродненцев полковник Ридигер. Указывая саблей на французов, он крикнул: " Братцы! Отомстим за гибель нашего начальника! ». Ему никто не ответил, но гусары сами, без команды, молча тронулись с места и, набирая ход, ринулись на латников. С фланга их поддержали два эскадрона гвардейских драгун и улан. Кирасиры дрогнули и сразу начали поворачивать лошадей, но все уйти не успели. Удар был страшен, в плен никого не брали, рубились остервенело. В этот момент гусары могли разнести не полк, а всю дивизию Думерка. В этой сумасшедшей атаке, в суете кавалерийской сшибки Владимир Данилов никак не мог выбрать противника. Тот, на свою беду, нашел его сам и теперь лежал в траве с рассеченной головой. Как уже говорилось, Владимиру не пришлось участвовать в сражении под Вилькомиром 16 июня, где четыре эскадрона гродненцев вместе с другими частями арьергарда Кульнева бились с французами. Так что, сражение при Клястицах стало для корнета боевым крещением. Уроки фехтования, полученные от брата, и полтора года службы в полку не пропали даром. Отразив с размаха колющий удар палаша, Владимир вдогонку молниеносно обрушил свою саблю на каску неповоротливого кирасира...

Не останавливаясь, раз за разом сбивая противника с позиций, русские ворвались в Сивошино, перебрались через Дриссу, миновали страшное дефиле, где попал в мясорубку русский авангард, заняли Боярщину.

Тело генерала Кульнева было найдено и предано земле. О талантливом командире, храбрце и любимце солдат, скорбела вся русская армия, потерявшая в этой войне своего первого генерала.

Сражение при Клястицах было безоговорочно выиграно сорокачетырехлетним Витгенштейном. Уступая Удино в численности войск и боевом опыте, находясь под угрозой окружения тремя французскими корпусами, он не спасовал, атаковал сильнейший из них, сумел решительными действиями отбросить противника с петербургского направления и причинить ему значительный урон. Его заслуженная победа была отмечена Александром I, который выразил генералу свою глубокую признательность и щедро его наградил.

К костру, у которого сидели Владимир и его эскадронные товарищи, подъехал смугловатый, с характерным грузинским носом с горбинкой, поручик, которого бурно приветствовали офицеры. Гусар легко соскочил с коня и подошел к костру, обнял ротмистра, обменялся рукопожатиями с остальными. Принял кружку с горячим чаем и расположился рядом с Владимиром. Потолковав о полковых делах с ротмистром, поручик откланялся. Когда в ночной мгле стих цокот копыт, ротмистр поведал историю поручика.

– Как вы, наверное, знаете, сему достойному офицеру, Цитлядзеву Павлу Александровичу, после Клястиц был поручен поиск на той стороне – мы видели, как он отъезжал. Взяв с собой 13 гусар, он направился в сторону Дриссы. Увидев партию французов из сорока человек на лесной дороге, он их неожиданно атаковал и всех повязал. Они и пикнуть не успели. Отправил их с тремя гусарами в Клястицы, а сам еще два дня рыскал за Двиной. Идет там транспорт в два десятка фур и двести человек в конвое. Идут и в ус не дуют. Ну, а тут и наш поручик ударил, да так, что 160 человек сразу руки подняли. За три дня Цитлядзев с дюжиной гусар и одним унтером полонил 200 французов. Яркий пример для всех нас, господа, как надо воевать!...

После русской победы в сражении при Клястицах, Наполеон не устал напоминать Удино о крайней важности сдерживания Витгенштейна и охраны по Двине коммуникаций основных сил Великой армии, двигавшихся к сердцу России.

Маршал Макдональд, действуя в Прибалтике, захватил Динабург и осаждал Ригу, которую защищал генерал Эссен. Пруссаки у Риги, впрочем как и русские, особой активности не проявляли, первые – ждали осадную артиллерию, а Эссен ссылаясь на малочисленность гарнизона. Происходившие стычки каких-то серьезных результатов сторонам не приносили. По Двине периодически курсировали русские канонерки и обстреливали позиции противника.

Второй и Шестой армейские корпуса численно превосходили корпус Витгенштейна, но тот медленно, но упорно продвигался к Полоцку, одновременно поджидая подхода Финляндского корпуса Штейнгеля и Петербургского ополчения. В то же время по обеим берегам Двины действовали русские «летучие» армейские отряды. Недалеко от Динабурга произошло первое столкновение знаменитых прусских лейб-гвардейских «черных гусар», наводивших страх на врагов еще во времена Семилетней войны, с русской кавалерией. Отряд майора Изюмского гусарского полка Бедряги в составе 120 гусар и казаков атаковал эскадрон пруссаков. Полсотни немцев попали в плен, еще столько же были убиты. Русские потеряли лишь трех лошадей. Одним из «летучих» отрядов командовал подполковник Непейцын, потерявший ногу еще во время осады турецкого Очакова, вышедший в отставку, но вернувшийся в строй с началом наполеоновского вторжения. Отряд, состоящий из трех эскадронов драгун, напал на мелкие гарнизоны и фуражиров, отбивал обозы, уничтожал или брал в плен мародеров. За проявленный героизм Непейцын был награжден орденом Св. Георгия 4 класса, получил чин полковника, позднее был в этом же чине зачислен в гвардейский Семеновский полк, с которым дошел до Парижа.

30 июля авангард корпуса Витгенштейна вышел к притоку Двины неширокой, но глубокой в крутых берегах речке Свольна. Командование корпусом вместо заболевшего командира принял на себя начальник его штаба генерал-майор Довре. Французы занимали позиции на левом берегу реки, выставив сильные батареи. На правом берегу были оставлены их фланкеры, которые контролировали подходы к позициям от деревни Свольна до деревни Острый Конец. В первой линии стояла 6-я пехотная дивизия опытного 60-летнего генерала Леграна, за ней – пехотные дивизии Вердье и Мерля, легкая кавалерия и 3-я дивизия кирасир Думерка.

Гродненские гусары, заметив впереди фланкеров, построились по-эскадронно и рысью пошли вперед. Французы стали сбиваться в кучки и с близкой дистанции встретили частым огнем, затем стали быстро отступать к реке. Гусар поддержал казачий полк и вместе они вылетели на околицу Острога Конца. Французы засели в домах и выбивать их оттуда оказалось делом чрезвычайно трудным. Не особенно разгуляешься верхом на коне среди заборов и разных построек. Кроме того, с противоположного берега открыла огонь вражеская артиллерия и по мосту на помощь фланкерам стала переходить многочисленная пехота. Гродненцы и казаки были вынуждены отойти от деревни и стали ждать поддержки на более или менее безопасном расстоянии. Все больше французов накапливалось в деревне и они уже были готовы атаковать и отрезать от своих левый фланг русского авангарда, когда на них посыпались снаряды с батарей, срочно установленных по приказу Довре у деревни Пожарище. Колонны французов из 26-го легкого полка, уже было изготовившиеся к атаке, заколебались. В еще большее расстройство их привел огонь внезапно появившейся перед ними 14-й батареей роты. А, когда они все-таки, решились наступать, их атаковали 2 эскадрона Сводного кирасирского полка, Ямбургский драгунский, Эстляндский и Тенгинский пехотные полки, которые привел командир авангарда корпуса генерал-майор К.Ф.Казачковский. Удар поддержали гродненцы и казаки. Французы не выдержали и, неся большие потери, поспешно ретировались на левый берег Свольны. Они успели зажечь деревню и мост, после чего боевые действия на этом участке прекратились.

После этого Казачковский со своим отрядом обратился к правому флангу и атаковал деревню Свольна, стоящей, так же как и Острый Конец, на правом берегу одноименной реки. Здесь уже действовали артиллерия, Пермский пехотный полк, сводный гренадерский батальон и два эскадрона кирасир. Перестрелка все более и более усиливалась. Батальон французской пехоты, защищавший мост в Свольне, еле держался и уже был готов отступить на левый берег под защиту конных егерей бригады Костекса и кирасир Думерка. Русские это почувствовали и усилили натиск. Пермский пехотный полк в рукопашной стал очищать деревню. В этот момент со стороны Острога Конца подошла пехота Казачковского и без приказа атаковала с правого фланга французов. Те не выдержали этой яростной атаки, оставили деревню и бросились на мост. За ними в пылу атаки на левый берег, не обращая внимания на сильно укрепленные позиции противника перед собой, перебежали стрелки Эстляндского и Пермского полков. Половина французов была загнана в реку, многие из них перетоплены. За мостом русские сразу были встречены губительным орудийным огнем, а затем на них обрушились кирасиры Думерка. За бесшабашную удачу пришлось расплачиваться кровью. Латники врезались в расстроенную толпу русских пехотинцев и засверкали палаши. Часть стрелков была отрезана и попала в плен, часть бросилась через мост обратно в деревню. Кирасиры увлеклись и атаковали русскую пехоту уже на другом берегу.

Командир гродненцев подполковник Ридигер после удачного дела на левом фланге спокойно возвращался со своими эскадронами к основным силам авангарда корпуса, когда заметил избиение французскими кирасирами нашей пехоты. Прозвучала команда и гусары, переходя с шага на рысь, а затем в галоп, понеслись в гущу боя.

Владимир Данилов шпорами бодрил Марса и тот, вытянув вперед шею и раздувая от возмущения ноздри, все ускорял свой бег. Он стал уже настоящим боевым конем, с яростью

и нетерпением ждал столкновения с врагом. Два шрама от французской сабли, полученные в бою, придавали огня. Ласковый и послушный вне строя, сейчас Марс наровил все делать сам. Владимиру иногда даже казалось, что конь как-то по-дружески сам исправляет его ошибки в выезде. «Чертовщина какая-то!» – про себя думал корнет и невольно улыбался.

«Ну, вот и французы!». Кирасиры вошли в раж и не сразу заметили угрозу. Лишь метров за пятьдесят они стали разворачивать коней вправо, но перестроиться не успели и были смяты. По болотистому берегу реки Владимир погнался за кирасиром и достал его своей саблей. Клинок отлетел от кирасы, но удара хватило, чтобы француз, уклоняясь от него, потерял стремя и рухнул в воду. В ней уже прохлаждалось с десятков его товарищей, сброшенных с крутого берега гусарскими дротиками. Остальные, показав тыл, устремились по улице Свольны к спасительному мосту. Еще когда кирасиры гонялись по деревне за русскими стрелками, 1-я гренадерская рота Пермского полка, вызвавшаяся с подпоручиком Дружининым в полном составе пойти охотниками», по команде майора Тарбеева засела в домах и за забором помещицкой усадьбы и теперь ружейным огнем в упор провожала кирасир.

Гусары преследовать их не стали. За дело взялась опять русская артиллерия. Ядра и гранаты посыпались на французскую кавалерию и неприятельские батареи. Конные егеря 23-го и 24-го полков, и так в течении дня серьезно пострадавшие от оружейного огня, вслед за кирасирами были отведены назад. Ночью войска Удино снялись с позиций на реке Свольна и начали отступать к Полоцку. Русский Первый отдельный корпус, несмотря на то, что значительно уступал французам в численности, одержал очередную победу и заставил Удино отказаться от исполнения приказа Наполеона о вытеснении Витгенштейна за Двину дальше на север.

В первые дни августа, зная, что уступает противнику в числе войск почти на треть, Витгенштейн решил продолжить наступление, взять Полоцк и отбросить неприятеля на правый берег Западной Двины. Удино уже начал отвод части своих войск и обозов за реку, но отдавать Полоцк не собирался. Город был хорошо укреплен, с севера прикрывался рекой Полотой, войск с приходом баварского корпуса генерала, без пяти минут маршала, Гувииона Сен-Сира вполне хватало. Баварские дивизии и кавалерийскую бригаду Корбино Удино расположил у деревни Спас на своем правом фланге и в центре, левый фланг защищала дивизия Леграна, в Полоцке в резерве стояла дивизия Мерля, на левом берегу Двины в полной готовности ждали своего часа дивизия кирасир Думерка и пехотная дивизия Вердье.

Утром 5 августа баварцев атаковал авангард русского корпуса под командованием генерала Властова в составе двух пехотных и одного егерского полка и вытеснил их за Полоту. Были заняты несколько каменных построек в Спасе вокруг иезуитского монастыря. Этот монастырь был скорее укрепленный замок за толстыми стенами и стал важным опорным пунктом противника. Артиллерия русского авангарда усилила огонь, но баварцы продолжали удерживать большую часть деревни. Бой шел с переменным успехом, но постепенно русские стали одолевать и оттеснили противника за овраг, который пересекал деревню. Одновременно в центре на стыке двух неприятельских корпусов начал отступать французский 26-й легкий полк из дивизии Леграна. Возникла угроза того, что баварский корпус будет отрезан от войск Удино. Маршал вовремя оценил ситуацию и на свой правый фланг начал быстро перебрасывать подкрепления. Баварская артиллерия была усилена французской. Удино лично прибыл к Спасу и остановил отход одной из баварских колонн. Когда положение стабилизировалось, при возвращении в Полоцк маршал попал под огонь русской артиллерии и был серьезно ранен картечной пулей в плечо. Командование перешло к генералу Сен-Сиру.

Полки 6-го армейского корпуса привели себя в порядок и перешли в контрнаступление. Русские отбивались, но положение их левого фланга становилось угрожающим. Тогда Витгенштейн снял из центра своей позиции три пехотных полка, полуроту артиллерии и направил их к Спасу, где они остановили баварцев, но деревню пришлось покинуть.

Заметив, что русские ослабили свой центр, в наступление перешла дивизия Леграна. Дважды она атаковала и оба раза с потерями откатывалась назад из-за мощного огня русских батарей и штыковых контратак батальонов егерей, Тульского, Навагинского и Эстляндского пехотных полков.

Остаток дня прошел во взаимных атаках в центре вдоль невельской дороги и в районе Спаса по правому берегу Полоты. С обеих сторон активно действовала артиллерия. К ночи бои затихли. Стороны остались на позициях на которых утром начинали сражение.

Генерал Сен-Сир ночью собрал военный совет и объявил о том, что атакует русских. Он ошибочно полагал, что те имели превосходство в силах и поэтому решил, применив военную хитрость, атаковать их неожиданно, застать врасплох. Утром 6 августа франко-баварские войска пришли в движение. С места начали сниматься обозы и уходить в сторону Полоцка. За ними, как бы в прикрытие, тронулась французская 8-я пехотная дивизия. Поднялись тучи пыли, которые закрыли для русских расположение войск Сен-Сира. А они в это время, вовсе не думая уходить, быстро проводили перегруппировку своих сил. Налево к Спасу переместилась дивизия Леграна еще более усилив баварцев, ее место на левом фланге заняла перешедшая Двину дивизия Мерля. 8-я пехотная дивизия генерала Валантена, сменившего тяжело раненого накануне Вердые, оставив обозы, вернулась в центр и была дополнительно усилена легкой кавалерией. С левого берега Двины на позиции была переброшена почти вся артиллерия корпуса Удино. Вряд ли для русского командования все эти перемещения и значительное усиление противника напротив нашего левого фланга остались незамеченными, но войск не хватало и дополнительные силы туда переброшены не были. Именно на русский левый фланг и был обрушен главный удар.

В пять часов вечера заговорила вся французская артиллерия и против 5 русских полков у Спаса двинулись 5 французских и 11 баварских пехотных полков. Сопrotивление почти сразу было подавлено и русские, несмотря на переброшенные подкрепления и после своих нескольких отчаянных контратак, были отброшены подавляющими силами противника к опушке леса у деревни Присменицы, где располагался штаб Витгенштейна. Одновременно в центре начала наступать французская 8-я пехотная дивизия. Генерал-майор А.Ю.Гамен пытался ее сдержать с семью пехотными батальонами и в результате ожесточенной штыковой контратаки отбросил назад. Вовремя своих поддержала тяжелая кавалерия. Два запасные эскадрона Кавалергардского и Конного полков под командой полковника Протасьева несколькими атаками расстроили одну из неприятельских бригад. Лишь твердость одного из французских пехотных полков остановила русскую конную гвардию. Противники вернулись на свои прежние позиции, но стрелки не переставая продолжали вести свое смертельное состязание.

Французы еще более усилили огонь своих батарей, вновь пошли в наступление и Гамен был вынужден отойти к тем же Присменицам. Мызу удержать не удалось и русские с потерей семи орудий были отброшены еще севернее к Ропно. При отходе генерал Гамен был дважды контужен и без сознания вынесен солдатами с поля боя.

На русском правом фланге атаки французов были отбиты Тенгинским пехотным полком. Когда его попытался атаковать неприятельская бригада легкой кавалерии Корбино, по ней ударили эскадрон кавалергардов, эскадрон гродненских гусар, два запасных эскадрона кирасирских полков Его и Ее Величеств и гнали ее до позиций французской кирасирской дивизии в предместье Полоцка. Во время отступления кавалеристы 7-го конно-егерского полка проявили необыкновенную сноровку и только благодаря этому сумели избежать полного разгрома. Серьезно пострадали также 20-й конно-егерский и 8-й польский уланский полки. Кирасиры по ходу атаковали французскую пехоту и захватили 15 орудий. Два были ими увезены, а остальные, из-за отсутствия упряжных лошадей, заклепаны и брошены на месте.

Вечером 5 августа эскадрону поручика Мишковского, где служил корнет Данилов, который весь день со своим батальоном был в деле, была поручена охрана брода в Полоте в семи

верстах севернее деревни Спас. Также гусары должны были вести разведку и следить, чтобы французы не вышли незаметно в тыл левому флангу русских войск. Ближе к Спасу у наведенного еще два дня назад моста через Полоту расположилась рота Павловского гренадерского полка.

Ночью гусары пришли к броду. На той стороне реки было тихо, лишь в верстах в двух за рекой мигали огоньки костров баварцев. Поручик Мишковский распорядился выставить пикет, а остальным гусарам отдыхать. Владимир намотал на руку конец аркана, купленного как-то у казака, и, привязав другой конец к ослабленной подпруге Марса, отпустил его пастись. Сам же улегся под ветлой на неостывшую после знойного дня землю и мгновенно заснул.

С первыми лучами солнца округа наполнилась громким щебетанием птиц. Корнет поднялся и сам повел Марса на водопой. Под берегом вспугнули стайку пескарей, метнувшихся в траву. На песчаной отмели под тонким слоем воды переливались на солнце одетые перламутром мелкие черные камешки. Такие же, в сейчас уже казавшемся далеком детстве, Володя с деревенскими друзьями находил в Жуковском ручье и собрал их целую корзину. Кольнула мысль: "Как там сейчас в Жукове? Сегодня Яблочный Спас. Матушка понесет освящать в церковь яблоки».

Выстрел прозвучал неожиданно. Над кустами на противоположном берегу взвилось облачко дыма и мелькнула фигура баварского стрелка. Данилов подхватил повод и пригнувшись стал бегом выводить коня из-под обстрела. Затрещали новые выстрелы, в перестрелку ввязался пикет. Через несколько минут стрельба также внезапно прекратилась, как и началась.

За рекой как-будто все вымерло. Лишь иногда с поля вчерашнего сражения доносилась редкая ружейная пальба. Что там происходило, с поста было не рассмотреть, но было ясно, что перестреливались лишь фланкеры, до настоящего боя дело не доходило. Гусары обсуждали – будет ли сегодня смена или придется еще один день кормить озверевших слепней на реке.

Мишковский хотел уже направить Ридигеру вестового напомнить о своем эскадроне, но у Спаса и павловцев на мосту вдруг загремела сильнейшая артиллерийская канонада, перемежавшаяся с частой ружейной стрельбой. Гусары сели на коней и стали ждать дальнейшего развития событий. Равнина, отделявшая гусар от роты павловских grenадер, стала быстро заполняться неприятельской пехотой, которая батальон за батальоном переправлялась вброд через Полоту и стала теснить павловцев. Но растерянность от неожиданного нападения, первоначально охватившая русских, стала быстро проходить. Их артиллерия открыла сильный огонь по противнику и заставила его замедлить свое наступление. Некоторые роты не выдерживая огня были вынуждены залечь. В этот критический момент с фронта баварцев стремительно атаковали три эскадрона Гродненского гусарского полка во главе с самим командиром полка Ридигером и сводный гренадерский батальон. Баварцы были отброшены, но назад за реку возвращаться не стали, а начали обходить левый фланг русских, одновременно отсекая эскадрон Мишковского от своих, оттесняя его к реке. С другого берега гусар стал обстреливать пехота, а затем появилась баварская легкая кавалерия и понеслась на гродненцев. Поручик Мишковский, не дожидаясь полного окружения, повел эскадрон на прорыв. Сначала гусары сразу завязли в густых порядках неприятеля, но потом, крутясь как черти на сковородке, направо и налево отбиваясь от штыков и сабель, рассеяли кавалерию и заставили расступиться пехотинцев. Баварцы, сначала решившие, что гусары станут для них легкой добычей, поразились дерзостью этих «синих дьяволов» и оробели. Эскадрон Мишковского не только пробился, но и сумел приостановить наступление большой колонны пехоты из бригады генерала Беккера.

После боя у Полоты эскадрон гродненцев вышел к своей пехоте и занял место в первой линии у леса слева от невеликой дороги. Напротив строились колонны неприятельской пехоты и кавалерии. Гусары переводили дух, перевязывали раны, пили из манерок воду, приводили в порядок оружие и аммуницию. Баварский штык пробил гусарский ментик и теперь Данилов

щеголял о отметиной от лихой схватки в виде приличной дыры на своем мундире. Корнет с досадой ощупывал дыру и жалел испорченный ментик. Мысль о том, что несколько минут назад он был в шаге от смерти, его почему-то сейчас не заботила. Баварцы выдвинули вперед новую батарею и начали жестокий обстрел, а затем эскадрон вновь был атакован неприятельской легкой кавалерией, не выдержал и начал отходить в лес. За Владимиром увязались сразу трое баварцев, явно намереваясь взять его в плен. Двое отстали, но третий стал догонять. Гусар осадил Марса, развернулся и встретил врага. Крутясь на месте, они наносили удары друг другу и каждый раз сабля одного со звоном отлетала от булата другого. Силы Владимира стали уже иссякать, но баварец допустил ошибку и подставился. Гусар последним усилием обрушил удар на каску своего противника и украшавший ее белый султан был срезан словно бритвой. Оглушенный баварец отпрянул в сторону, а затем дал шпоры коню и исчез среди деревьев.

Уже в лесу гусары попали под огонь наводнившей чашу французской пехоты. Вести стрельбу среди деревьев было несподручно, да и русские появились как-то неожиданно и эскадрон сумел почти без потерь прорваться к своему батальону за Присменицами.

Полуторное преимущество наполеоновских войск начало сказываться к концу дня. Сен-Сир грамотно расположил свои силы, задействовал всю артиллерию, упорно атаковал большими массами войск и ему удалось остановить продвижение 1-го русского корпуса и удержать Полоцк. Русские, в свою очередь, устояли в сражении, нанесли противнику потери сопоставимые со своими и, несмотря на неудачу в центре позиции, сумели организованно отойти с поля боя. Витгенштейн ожидал подхода значительных подкреплений – из Финляндии шла переброска корпуса Штейнгеля, формировались Петербургская и Новгородская ополченческие дружины, и в скором времени преимущество французов исчезнет. Активные боевые действия на северо-западе России прекратились.

Через несколько дней после Полоцкого сражения в перестрелке на аванпостах Владимир Данилов будет ранен pistolетной пулей, чудом вывезен из-под огня и переправлен на лечение в Новгород. Несколько месяцев ему потребуется для того, чтобы встать на ноги. Он покинет военную службу, к Рождеству вернется в Москву и займется восстановлением полусгоревшего в сентябрьском пожаре дома. А в июне победного 1814 года обвенчается в ермолинской церкви с красавицей Любой Звонаревой.

В БЕЛОРУССИИ.

Сотня Кузнецова шла на правом фланге арьергарда и каждый день имела стычки с польскими уланами и вюртембергскими конно-егерями. Если уланы все время лезли на рожон и атаковали зло и храбро, то немецкие егеря в своих зелёных мундирах быстро исчезали при первых выстрелах, но затем преследовали казаков упорно и не отставали.

Кузнецов видел, что люди за последние дни устали и требовался отдых, но просить о выводе сотни из боев не хотел до последнего. Лишь сегодня, после серьезной стычки с потереями, вместе с ранеными он послал вестового в полк и попросил рассказать полковнику о положении. Преследователей хорошо потрепали и они, заливая свои раны, пока не показывались, а у сотни появилась возможность перевести дух.

Миновав густой сосновый бор, казаки выехали, наконец, в чистое поле, на краю которого, у небольшого озера раскинулась деревня, а, чуть в стороне, виднелся и деревянный господский дом в окружении лип и берез.

Армия шла от этих мест немного стороной и ее близкое соседство еще пока никак не отразилось на деревне и ее жителях. На околице встретились несколько мужиков, которые поведали, что деревня называется Стрижево и принадлежит она пану Казимиру Куклевскому, уехавшему несколько дней назад вместе со своим племянником Стахом в Вильно.

Кузнецов распорядился разбивать бивак и казаки рассыпались по деревне. Уже через четверть часа разгорелись костры, к которым один нес кур, выменянных на медвежью шапку французского гренадера, другие тащили барана, которого местный кузнец отдал за трофейный

карабин, бабы, растроганные байками Вагина, наносили воды и разной нехитрой крестьянской снеди. Забулькал во всегда свято сохраняемых казаками медных котлах наваристый и ароматный кулеш. После ужина казаки разговорились с деревенскими, которые поведали, что их пан повез племянника определять к фрацузам в жолнеры, а своим хлопам пообещал скорую польскую власть. Кузнецов зарекся запомнить имя предателя.

На рассвете пение петухов слилось с отдаленной частой ружейной трескотней в бору. Прискакавший из пикета казак сообщил, что валом повалила французская пехота и кавалерия, а дозор отстреливается от фланкеров. Кузнецов послал вестового в полк с донесением и приказал быстро собраться и, не теряя из виду неприятеля, отходить к своим.

Пройдя несколько верст, сотня миновала эскадрон сумских гусар. Одетые в серого цвета доломаны и ментики, в красных чакчирах и черных киверах, усатые молодцы выглядели великолепно. У некоторых из них виднелись окровавленные повязки. Недавно они были в бою. Их командир, майор, приказывал им отойти на правый фланг ближе к гвардейской Черноморской сотне и 2-му Тептярскому казачьему полку. Дальше казаки вышли к позициям изготовившихся к бою егерей и батальону Бутырского пехотного полка. На фланге расположилась артиллерийская батарея из четырех орудий, а на правом берегу Двины в резерве стоял казачий полк Кузнецова. Есаул присоединился к своим и узнал, что командир корпуса генерал от инфантерии Д.С.Дохтуров приказал задержать французов, чтобы из местечка Бешенковичи на правый берег Зап. Двины успели вывезти магазины. Значит снова отступать, а пока...

Французы показались сразу в большом числе и стали строиться для атаки. Вперед лихо выскочила конная артиллерия и уже через несколько минут стала пристреливаться и посылать гранаты и ядра. Большие мастера! Наши пока молчали, но фейерверкеры держали в руках тлеющие запальники, а стволы единорогов с забитыми в них зарядами были наведены на противника. Вражеские гранаты не долетали, но ядра стали доставать до позиции русских и тогда батарея открыла ответный огонь. Рикошетирующая стрельба ядрами сразу внесла беспорядок в построение французской пехоты и она оттянулась немного назад.

К гусарам подошел еще один их эскадрон и они вместе с Черноморской сотней и тептярским полком укрылись в березняке слева и справа от бутырцев. Фланги пехоты теперь были прикрыты.

Через полчаса перестрелки из леса вытянулись и начали строиться для атаки эскадроны французских кавалеристов. По зеленым мундирам и каскам с красными и белыми султанами Кузнецов узнал в них драгун.

Не прошло и нескольких минут, как французские драгуны эскадрон за эскадроном, набирая ход, понеслись на пехотный батальон. Батарея перенесла огонь на них и стала бить картечью. Драгуны проскочили через неглубокий овраг, протянувшийся вдоль русских позиций, пошли рысью постепенно переходя в галоп. И тут дружные ружейные залпы бутырцев и егерей стали сметать их передовые ряды. Драгуны заметались. Сумские гусары и казаки уже были готовы их атаковать, но полк французской пехоты прикрыл драгун, а затем под треск барабанов в густых колоннах ринулся в атаку. Его готовились поддержать строившиеся по эскадронно конные егеря и пришедшие в себя драгуны. Люди в синих мундирах и киверах с яркими красными и зелеными султанами быстро заполняли поле перед русскими позициями. Примерно за сотню метров до них французы приостановились и дали ружейный залп. Почти одновременно ряды русских опоясались ответным огнем и рывкнули все четыре их пушки. Французы остановились, будто натолкнулись на каменную стену. Последовал второй пушечный залп из трех орудий. С небольшим запозданием выстрелила картечью четвертая пушка. И этот выстрел решил дело. Французы не выдержали и под прикрытием своих стрелков повернули назад. Кавалерия их не поддержала.

Когда дым немного рассеялся, Кузнецов увидел, какие большие потери понесли стороны от этого скоротечного огневого боя. Передний ряд бутырцев лежал на земле, напротив поле

было усеяно павшими французами. Часть из них лежало чуть ли не взводами – ужасное действие картечи, выпущенной в упор.

Французы выкатывали новые батареи.

Ординарец из штаба Дохтурова привез приказ генерала оставить позицию и присоединиться к армии. Магазины из Бешенковичей атаманцы под носом у французов успели переправить на правый берег. По броду в обмелевшей за последние жаркие дни Западной Двине вначале переправилась батарея, за ней бутырцы и егеря. После них реку переехали сумские гусары. Среди них виднелись два десятка пленных, судя по мундирам, конных егерей.

Кузнецов, которому было поручено прикрывать переправу, спросил у проезжавших гусар, где же они успели взять пленных? К нему подъехал гусарский офицер и представился командиром отряда – майором Самариним.

– Этих итальянцев мы взяли в разведке еще ночью на том берегу. Есаул, у меня к Вам просьба – не до них сейчас, мои люди очень устали, а надо догонять свой полк. Возьмите пленных под свой конвой и потом передайте их в штаб. Они из корпуса итальянского вице-короля и могут рассказать в штабе кое-что интересное. Я только что разговаривал с Вашим полковником и он согласен.

Кузнецов распорядился и казаки приняли у гусар пленных. Самарин улыбнулся, пожал Кузнецову руку и пришпорил коня. За ним рысью пошли его усатые молодцы.

На ночлеге итальянский лейтенант рассказал Кузнецову, что ночью не по правилам на бивак их 3-й конно-егерского полка со всех сторон напали русские гусары и казаки, разгромили три передовых эскадрона, взяли пленных и ушли на другой берег реки. Остальные эскадроны полка придти на помощь не успели...

Самарин погиб через несколько недель, но подвиг его отряда вошел в историю русской армии.

Утром, отправив пленных в штаб корпуса, Кузнецов нагнал свой полк, который со всей 1-й армией направлялся в сторону белорусского города Витебск.

ОДИН ПРОТИВ ДВУХ.

С началом войны 2-я Западная армия генерала от инфантерии князя П.И.Багратиона под натиском превосходящих сил французов была вынуждена отступать. Предписание царя об ударе во фланг центральной группировки наполеоновской армии в силу ее подавляющего численного перевеса было невыполнимым и тогда Багратион попытался через Минск прорваться на соединение с армией Барклая. Но этот город уже был захвачен французами и Багратион повел свою армию через Бобруйск на Могилев, чтобы оттуда выйти к Орше и соединиться с 1-й Западной армией. По пятам его преследовал 8 -й армейский (вестфальский) корпус Вандамма, 5-й армейский корпус Понятовского, 4-й корпус кавалерийского резерва Латур-Мобура под общим командованием вестфальского короля Жерома Бонапарта (брата Наполеона), с севера нависал 1-й корпус Даву в составе двух пехотных дивизий, двух бригад кавалерии и с подчиненным ему 3-м кавкорпусом Груши, а с юга угрожал саксонский корпус Рейнье.

2 июля атаман Платов, неожиданно, также как неделей раньше у Мира, когда он расстрепал несколько польских уланских полков, в местечке Романово атаковал авангард короля в составе 7 кавалерийских полков, нанес ему поражение, которое заставило Жерома прекратить преследование Багратиона. Операции против армии Багратиона возглавил Даву, а обиженный этим Жером уехал в столицу своего королевства Кассель.

2-я Западная армия вступила в Бобруйск, пополнила запасы продовольствия, усилилась шестью пехотными батальонами из гарнизона этой весьма важной крепости. После трех дней передышки она 8 июля двинулась к Могилеву, дошла до Быхова, но впереди у деревни Салтановка ее уже ждал Даву. Справа от дороги, вплоть до Днепра, протекавшего в нескольких верстах восточнее, лежало болото, слева – находился труднопроходимый густой лес, а поперек

протекал запруженный в нескольких местах глубокий ручей Салтановка, перебраться через который можно было только по узкой плотине. Плотина была защищена баррикадой. Ручей раздваивался у деревни Фатово на северо-запад от Салтановки и по всему своему течению являлся естественной преградой для русских. На его противоположном берегу уже располагались французские батальоны и были установлены батареи. Казаки атамана Платова накануне разгромили 3-й конно-егерский полк французов, взяли 200 егерей вместе с их командиром в плен и узнали, что Даву на неприступной позиции ждет Багратиона у Салтановки. Багратион думает либо прорваться через Могилев, либо связать боем и задержать Даву, а самому отойти немного назад, затем по мосту в Новом Быхове переправиться через Днепр и окружным путем идти к Смоленску. В прорыв на Могилев было решено двинуть 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.Н.Раевского.

Багратион, ошибочно полагая, что Даву на этот момент у Салтановки и Фатово имел лишь 6.000 человек (на самом деле там было сосредоточено до 21 тысячи человек с 60 орудиями), рассчитывал на успех Раевского и приказал ему атаковать противника. Командир русского 7-го пехотного корпуса располагал 10 полками в своих 12-й и 26-й пехотных дивизиях, двадцатью эскадронами, тремя казачьими полками и 72 орудиями, всего примерно 16 тысячами человек.

Орловский пехотный полк, годом ранее сформированный в Киеве генералом И.Ф.Паскевичем, до войны был не на лучшем счету в русской армии. Личный состав, собранный из гарнизонных батальонов, не отличался дисциплиной, нередкостью были случаи произвола офицеров. В первые же недели из полка сбежали 70 человек. Выведенный Паскевичем на три месяца в поле, полк преобразился. В гарнизоны были возвращены нерадивые и наиболее жестокие офицеры, вместо них пришла молодежь, было получено пополнение из рекрутов. Ежедневные занятия привели солдат в боеспособное состояние. Побег прекратился и к началу войны полк по своим качествам не уступал другим частям дивизии.

Егор Шишаков, паренек из новгородской деревни, раскинувшейся на берегу Ильменя, был сдан в рекруты летом 1811 года и через месяц очутился в Орловском пехотном полку. Все его братья обзавелись семьями и жребий послужить Отечеству выпал на его долю. После размеренной крестьянской жизни армейская служба ему показалась сущим адом. Постоянная муштра, зуботычины от свирепого унтера, недоедание, непривычная жара вызывали мысли о побеге. От опрометчивого шага Егора в последний момент спас Семен Калачев, взявший молодого солдата под свою опеку. Калачев четыре года назад за буйство и дерзость был сдан в солдаты и попал в Киевский гарнизонный полк и был уже опытным солдатом. Наблюдая за Шишаковым, Семен вспоминал свои первые месяцы в армии и пожалел парня. Его добрая шутка и вовремя поданный совет помогли Егору придти в себя и он постепенно стал постигать все премудрости армейской службы. Свою роль в этой истории сыграла и «темная», устроенная унтеру, когда тот возвращался в подпитии из одного из кабаков. Кто-то неизвестный недалеко от постоя пересчитал ему зубы, что резко снизило его прыть в обучении молодых рекрутов. Злоумышленника не нашли и посчитали, что унтер пострадал от какого – то ревнивца за свое пристрастие к слабому полу.

В июне 1812 года 26-я пехотная дивизия в составе 7-го корпуса генерала Раевского стояла неподалеку от белорусского городка Новый Двор. Впереди по польской границе вдоль Немана располагались казачьи полки. За рекой накапливалось все больше и больше французских войск и уже ни у кого не было сомнений в скором начале войны.

После вторжения Наполеона, русская 2-я Западная армия, а вместе с ней и корпус Раевского 6 дней стояла на месте и лишь 18 июня двинулась на соединение с Баркляем. До последнего момента Багратион надеялся, что ему будет дозволено нанести удар через Остроленку на Варшаву, но, с учетом тех громадных сил, которыми обладал неприятель, это вело к безусловной катастрофе и по настоянию Баркляя он начал отступление на восток.

Утром 11 июля авангард корпуса Раевского от деревни Дашковка через лес направился к Салтановке. Стрелки из 6-го и 42-го егерских полков постепенно вытеснили французских вольтижеров из леса, а затем вместе со своими гренадерскими ротами отбросили их за ручей к Салтановке. Русским даже удалось на плечах отступающих прорваться по плотине к самой деревне, но они были встречены картечью и тремя батальонами пехоты. Егеря остановились в низине на пятачке перед деревней, в которой каждый дом был превращен в укрепление с заранее прорубленными бойницами, откуда велся непрерывный огонь. 4 французские пушки из капониров на вершине холма безответно картечью поливали русских. Егеря, теряя много людей, были вынуждены вернуться на другой берег ручья. Были подтянуты орудия, подошел Смоленский пехотный полк, но все попытки сбить неприятеля оканчивались неудачей. Раевский решил направить левее через лес 26-ю дивизию Паскевича, чтобы у Фатово обойти французов и потом отбросить их с дороги на Могилев у Салтановки.

По одному батальону Орловского и Нижегородского пехотных полков шли в авангарде дивизии Паскевича. Дорога заросла и двигаться приходилось в разрозненных порядках по густому лесу. Вместе с пехотой по едва заметной колее продирались 18 орудий. Приказано было идти молча и не создавать лишнего шума.

Шишаков со своей ротой, выдвинутой в стрелки в голову колонны, первым заметил спускавшихся навстречу с лесного пригорка французов. Их он видел впервые и не сразу понял, кто это такие. Егор оглянулся, увидел поручика и показал ему рукой в сторону незнакомцев. Тот отреагировал мгновенно. Он развел руки в стороны, потом указал солдатам на французов шпагой и опустил на колено. Прозвучала команда «Целься!» и, почти сразу, «Пали!». Залп с 30 шагов уложил первую шеренгу французов, но остальные, почти не останавливаясь, ринулись в штыки. По всему лесу затрещали выстрелы, у французов ударили барабаны. В лесу началась свалка. Стрельба почти прекратилась – было несподручно среди деревьев вести огонь. В ход пошли штыки, тесаки, приклады и кулаки. С той и с другой стороны подбегали все новые группы солдат, но русские стали одолевать. Французы, отстреливаясь, попятились назад. Орловцы и нижегородцы выбили их из леса, переправились через ручей и ворвались в Фатово. Неожиданно перед ними стеной поднялись лежащие в хлебах 4 батальона французской пехоты и дали залп в упор.

Вокруг Егора со стонами валились на землю десятки людей, образовалась пустота. Кто-то пытался зарядить ружье и тут же падал пронзенный пулей. Французы быстро строились в шеренги, поднимались знамена, офицеры занимали места на флангах. Взгляд выхватил в их строю мальчишку в колпаке с гордо поднятой головой, выбивающего дробь на своем барабане. Рядом спорю, но без суеты строились молодцы в синих мундирах. Во всем виделась их непоколебимая уверенность в себе. Французы произвели еще один залп и быстрым шагом пошли вперед. Остатки русских батальонов не принимая боя начали беспорядочно отступать. У ручья остановились и приняли штыковой бой. Несколько французских гренадер разметали кучку орловцев и вырвали из рук умирающего подпрапорщика батальонное знамя. Отбивать знамя бросился какой-то унтер-офицер со своим отделением, но был убит. В драку ринулся Калачев, заколол одного гренадера и, вырывая знамя у другого, сломал древко. Подскочил полковой адъютант, выхватил полотнище и поволок знамя в тыл.

Потеряв половину состава оба батальона были отброшены французами в фатовский лес, где были усилены Полтавским пехотным полком, вместе с которым в ожесточенном бою сначала остановили противника, а затем прогнали в Фатово. Замысел Даву о скрытном выдвижении двух батальонов 85-го, набранного из жителей солнечной Италии, и 108-го линейных полков и их последующем ударе по левому флангу Раевского не осуществился из-за неожиданного столкновения в лесу с частями дивизии Паскевича, получившего приказ об аналогичном маневре против правого фланга французов. И та, и другая стороны вернулись в исходное положение, установили батареи и принялись истреблять друг друга артиллерией.

Раевский, посчитав, что у Паскевича дела идут успешно, решил еще раз атаковать французов в Салтановке. Генерал, спешившись, встал во главе Смоленского пехотного полка, знаменитого еще по итальянскому походу Суворова, и повел его в бой. Смоленцы по узкой плотине под сильнейшим огнем перешли разлившийся и глубокий ручей, ворвались в деревню и выбили из нее французов. Но этот порыв был совершен из последних сил. Полк пол дня простоял под огнем, понес большие потери, которые удвоились во время этой атаки и не смог удержаться в Салтановке.

На левом фланге на равнине за Фатово хорошо просматривались густые колонны французской пехоты 61-го и 108-го линейных полков, два батальона из 85-го полка, а за ними ряды всадников 5-й дивизии тяжелой кавалерии генерала Валанса и трех конно-егерских полков. Паскевич почему-то посчитал, что ему противостоят 20.000 французов и доложил об этом Раевскому. Командиру корпуса стало понятно, что дальнейшие его атаки бесперспективны. Наступление на Могилев закончилось неудачей. В этот момент от Багратиона поступил приказ об отходе 7-го корпуса к Новому Быхову, где 2-я Западная армия уже начала переправу через Днепр.

Французы попытались преследовать обе дивизии корпуса, пьемонтцы 111-линейного полка лихо двинулись за русскими, но были быстро отброшены в контратаках. Вечером сражение прекратилось, Даву от преследования отказался, стал укреплять Могилев будучи уверенным, что Багратион вновь будет атаковать. В городе уже собрались две пехотные дивизии из 1-го корпуса, кирасирская дивизия Валанса, несколько полков легкой кавалерии, прибыли дивизия Клаперада, отряд Пажоля и теперь у Даву в распоряжении было уже свыше 30 тысяч солдат. Кроме этого, маршала были готовы поддержать сторожившие Багратиона неподалеку две дивизии тяжелой и одна дивизия легкой кавалерии, вестфальский и польский армейские корпуса. Всего против 2-й Западной армии сосредотачивалось до 60 тысяч солдат. Но своей основной задачей на данный момент Даву считал недопущение прорыва Багратиона на соединение с Барклаем через Могилев и он ее уже выполнил.

Раевский беспрепятственно соединился с Багратионом. 14 июля 2-я Западная армия в полном составе переправилась в Новом Быхове через Днепр и направилась вдоль реки Сож к Мстиславлю и далее на Смоленск.

ОСТРОВНО.

Главные силы армии Барклая располагались в Витебске и поджидали Багратиона, который, пытаясь прорваться на север и соединиться с 1-й Западной армией, вел трудные, изматывающие непрерывные бои с войсками маршала Даву. Чтобы спокойно дожидаться Багратиона, требовалось задержать основную часть армии Наполеона и ее авангард в составе кавалерии Мюрата и корпуса Евгения Богарнэ. Было необходимо задержать французов как можно дольше, а для этого частью войск нанести по ним встречный удар. В ночь с 12 на 13 июля навстречу неприятелю был направлен отряд под командованием генерала А.И.Остермана-Толстого. В него входили 4-й пехотный корпус, 2 гусарских полка, бригада драгун и конно-артиллерийская рота. Этих войск было явно недостаточно, но Остерман решил использовать благоприятный для обороны рельеф местности. Дорога, по которой двигался французский авангард, втягивалась в обширный лес и с обеих сторон была стеснена густым кустарником, деревьям и болотами. Обойти русских с их правого фланга не позволяла также река Западная Двина. Надо было встать на дороге перед местечком Островно и как можно дольше сдерживать атаки, перемалывая скованные для маневра вражеские войска.

Рано утром 13 июля 1-й сводно-гренадерский батальон 11 пехотной дивизии, в который был откомандирован с ротой гренадеров 1-го егерского полка капитан Данилов, шел в голове отряда Остермана (в гренадерской роте еще в первых числах июня Данилов заменил ее командира, выбывшего по болезни). Сам же егерский полк, состоял в начале войны в отряде генерала И.С.Дорохова, который, действуя на границе, по упущению командования отстал от своего

корпуса, едва не погиб, попал в окружение, еле выбрался из него, в итоге 25 июня примкнул к армии Багратиона и воевал в ее составе вместе с казаками Платова вплоть до соединения с войсками Барклая в Смоленске. Тогда же и Данилов вернулся в свою роту егерей). Два дня назад батальон двигался по этой же дороге в Витебск, а теперь возвращался назад. На выходе из леса вперед проехали сначала лейб-гусары, а за ними нежинские драгуны. Они шли в походном порядке и, как заметил Данилов, не выслали вперед головного дозора. Данилов окликнул какого-то драгунского поручика и сказал, что впереди никого из русских нет. Драгун кивнул головой и ничего не успел ответить, так как впереди затрещали частые выстрелы и драгунский полк пошел вперед. За ним пронеслись в упряжках несколько орудий конной артиллерии. Дело разгоралось нешуточное.

Рота Данилова прошла еще немного вперед и рассыпалась по кустам слева от дороги. Впереди просматривалось поле, еще дальше три десятка домов – Островно. Перед ним в туче пыли шел кавалерийский бой и было видно, как в него вступали выезжавшие из Островно все новые и новые французские эскадроны.

Гренадеры проворно заряжали ружья, искали удобные места для стрельбы и старались укрыться так, чтобы их не было видно с поля и дороги (сказывались уроки егерского капитана). Их зеленые мундиры хорошо сливались с густой листвой. Сзади подходили пехотные части и одна за другой строились в каре. Перед ними занимали позиции орудия. Широкая дорога и опушка леса сразу заполнилась войсками. Впереди орудий рассыпались егеря, а сводно-гренадерский батальон занял левый фланг..

Через час показались отступающие лейб-гусары и драгуны. Их ряды заметно поредели и с ними уже не было пушек. Все 6 орудий стали первыми артиллерийскими трофеями французов в начавшейся компании. Едва пехота успела пропустить их через свои порядки, как показалась французская кавалерия. На нее бросился Сумской гусарский полк. Гусары плотным строем стремительно врубались в середину французов. Некоторое время слышались только звон холодного оружия, крики людей и ржание лошадей. Выстрелов не было. Сначала отдельные всадники и группы французов стали выходить из боя, а затем и все остальные ринулись назад к Островно. Гусары, разозленные разгромом двух гвардейских эскадронов, учиненным утром французами, яростно преследовали их до самых крестьянских дворов. Польские уланы попытались спасти положение, но они были сметены потоком отступающих.

У Островно накапливалось все больше и больше французской кавалерии, подошла многочисленная артиллерия. К войскам прибыл сам Мюрат. Явно ожидался подход новых войск. Мимо батальона Данилова в атаку неожиданно пошел Ингерманландский драгунский полк, но в его фланг ударили польские уланы и 8-й гусарский полк, смяли и окружили его. Половине драгун удалось вырваться, но за ними устремилась еще одна бригада французов. Вал кавалерии приближался к русской пехоте. По команде Данилова, не дождавшегo приказа батальонного начальника, который получил ранение, гренадеры открыли огонь, последовали залпы артиллерии и остальной пехоты Четвертого корпуса. Огонь был настолько эффективный, что уже через несколько минут кавалерийская бригада понесла тяжелые потери и повернула назад.

Вперед французы выдвинули шассеров 8-го легкого полка из дивизии Дельзона. Они бегом заняли позиции напротив русских и открыли частый огонь. Постоянно перемещаясь группами за мелким кустарником прицельной пальбой они наносили ощутимые потери русской пехоте. Гренадеры Данилова открыли ответный огонь и отогнали французов. Но те, немного отступив, сосредоточили уже весь огонь на мешавшем им сводном батальоне. Возобновила стрельбу и неприятельская артиллерия. Вокруг от летящего металла трещали стволы и ветви деревьев, осыпалась листва. Стало жарко. Необходимо было отбросить дальше французских стрелков. И в атаку пошли несколько батальонов из 11-й пехотной дивизии генерала Н.Н.Бахметева 1-го. Французы, отстреливаясь и не вступая в рукопашный бой, стали отходить. На помощь к ним выдвинулась кавалерия и русские вернулись на прежние позиции.

На правом фланге отряда Остермана также шел ожесточенный бой. Атака русской пехоты была отбита кавалерией. Французы, в свою очередь, скрытно, по лесу совершив обход, атаковали русских, но были отбиты штыками. Атаки и контратаки следовали одна за другой. Русские держались, но несли большие потери от более многочисленной артиллерии противника. Когда Остерману доложили о том, что выдвинутая на открытое место его пехота несет напрасные потери и спросили: что делать?, он, нюхая табак, внешне невозмутимо произнес: " Стоять и умирать " (прозвучало красиво, но, может быть, можно было поискать другие решения?). К кавалерии Мюрата подошли остальные полки пехотной дивизии Дельзона и превосходство французов стало двойным.

Вперед подтянулись полки 23-й пехотной дивизии генерала А.Н.Бахметева 3-го, стоявшие до этого во второй линии. Пехота запрудила всю дорогу и опушку леса. Французам стало ясно, что атаками кавалерии они не смогут сдвинуть с места эту массу людей, своей пехоты было мало и они еще более усилили артиллерийский огонь. Стоять на месте под таким огнем было невозможно и русские батальоны вновь пошли в атаку. Их остановили прусские гусары и польские уланы, во фланг ударили конные егеря. Шел ожесточенный бой пехоты с кавалерией. Гренадеры Данилова, засевшие в кустарнике в 100 метрах от схватки, метким огнем на выбор ссаживали с лошадей врагов, но дерущиеся перемешались и стрелять стало неудобно. Данилов приказал прекратить огонь, но когда перед ротой возникли два свежих эскадрона пруссаков, она открыла по ним частый огонь и сорвала их удар по левому флангу русской пехоты.

Справа пехота Дельзона, успевшая скрытно переправиться через реку, была атакована гвардейским драгунским полком из подошедших на помощь к Остерману войск гвардейского кавалерийского корпуса. В пешем и конном строю драгуны навалились на неприятеля, внесли панику и рассеяли его, заставив бежать частью за реку, а частью искать спасения в лесу. Другие гвардейские части в бой не вводились.

День подходил к концу. Начало смеркаться и низины стали покрываться клочьями тумана. Бой затих. Только изредка слышались одиночные выстрелы. Это вели перестрелку егеря. Рота Данилова понесла в бою потери, были убитые и раненые, но их было немного из-за правильно выбранной позиции и оба взвода оставались вполне боеспособными. Иначе сложилась судьба тех, кто сражался в поле, стоял под ядрами и картечью на лесной опушке и на дороге. Было много убитых и еще больше раненых. Корпус Остермана за день потерял несколько тысяч человек. Потери французов были не меньше, особенно у них пострадала кавалерия. Остерман не пропустил Мюрата, отразил все его атаки. Русские ни в чем не уступали неприятелю. Французы еще раз убедились, что им противостоит умелый и храбрый противник, а русские приобрели еще больше уверенности в своих силах.

Ночью к Остерману подошла присланная Барклаем 3-я пехотная дивизия П.П.Коновницына и встала в 8 километрах в тылу у деревни Куковьячино поперек дороги на Витебск, опираясь правым флангом на Двину, а левым – на болотистый лес. Перед фронтом дивизии рядом с дорогой пролегал довольно глубокий овраг. Корпус Остермана оставил поле сражения у Островно и встал за дивизией Коновницына. Батальон Данилова тоже был отведен назад.

Перед французами вновь возникла стена русских войск, занявших правильную оборону и готовых сражаться до последнего. Прибывший Наполеон оценил обстановку и понял, что иного удобного пути к Витебску нет, обход невозможен и отдал приказ утром атаковать русский отряд в лоб, смять его массой своих войск и потом искать встречи с основными силами Барклая.

На рассвете 14 июля французская пехота бросилась вперед. Их стрелки завязали через овраг ожесточенную перестрелку с егерями, а затем вместе с фузилерами и гренадерами потеснили их. В атаку по дороге пошла кавалерия корпуса Нансути. Кирасиры, драгуны, гусары, уланы, конные егеря волнами накатывались на порядки русской пехоты, которая хладнокровно

отражала их наскоки огнем и штыками. Перешедшие куковьячинский овраг французские пехотинцы из дивизии Гюара в рукопашном бою были отброшены назад. Снова активно действовала русская артиллерия, поражая атакующих картечью, а, в промежутках между атаками, ведя успешную дуэль с батареями противника.

Дивизия Коновницына весь день отбивала атаки французов, сама контратаковала и не дала врагу сбить себя с позиции. Егеря надежно обеспечивали фланги дивизии и вместе с Перновским и Кексгольмским пехотными полками отбили все попытки ее обхода. Три захваченные французами орудия были отбиты Черниговским пехотным полком.

Когда Коновницыну донесли, что сражением у французов руководит сам император Наполеон, то он сказал:

– Ну что ж, неприятеля все равно мы не пропустим.

Натиск все усиливался. 12 тысяч русских отбивались от 20 тысяч французов. Численное превосходство французов стало подавляющим, но русские держались. Батальон Данилова был сменен 20-м егерским полком подполковника Капустина. Атаки французов следовали одна за другой. Рукопашный бой шел в лесу и вдоль дороги. Французские стрелки попытались захватить господствующую высоту, но батальоны Капустина ударили с такой силой, что за несколько минут штыками и прикладами выгнали их не только с высоты, но и из леса и с дороги. Лишь новая атака французской кавалерии спасла пехоту от полного уничтожения.

Все время кипел кавалерийский бой. Лейб-гвардии гусарский и драгунский полки не только отбивали наскоки французских конно-егерей и гусар, но и сами неоднократно ходили в контратаки, рассеивали пехотные колонны, в конце боя дали возможность спокойно отойти всему русскому отряду.

Уже в сумерках Коновницын отдал приказ отвозить в тыл артиллерию, а затем отходить и всему отряду к Витебску, куда уже раньше пошли корпуса Н.А.Тучкова 1-го и Остермана.

В арьергарде был оставлен отряд генерала П.А.Палена, которому 15 июля на реке Лучоса предстояло сдерживать кавкорпус Нансути, а также пехотные дивизии Бруссье и Дельзона. Егеря, гусары, казаки, драгуны и уланы русского арьергарда с рассвета до вечера бились с французами. Большие потери понесли их 16-й конно-егерский и 9-й пехотный (т.н. «парижские стрелки») полки. Лейб-казаки, опрокинули конных егерей, атаковали неприятельскую батарею, а затем оказались напротив свиты самого Наполеона. Отбивать неожиданное нападение казаков свой эскорт повел лично Мюрат.

К вечеру французы стали обходить по берегу Двины правый фланг Палена и, чтобы не быть отрезанным от армии, он приказал переправиться через Лучосу и отходить к Витебску.

Барклай-де-Толли в Витебске ожидал подхода войск Багратиона и готовился дать генеральное сражение, но получил донесение- Багратион, которого непрерывно преследовали Даву, Жюно и Понятовский, пробиться не смог. Сражаться с 80 тысячами против 150 тысяч французов Барклай себе позволить не мог и 1-я Западная русская армия начала отход в коренные русские земли к Смоленску – воротам в Москву, надеясь уже там встретиться с Багратионом.

Жаркое июльское солнце клонилось к закату. Сильный короткий ливень, прошедший днем, лишь прибил пыль на дорогах, а к вечеру от него не осталось и следа. Полк Кузнецова, следуя в арьергарде 1-й Западной армии, вечером 27 июля устраивался на ночлег в поле у деревни Кострицино. В самой деревне расположился штаб командира арьергарда генерал-майора Василия Денисова 7-го.

Сотне Кузнецова посчастливилось первой выйти к небольшому озерцу у деревни и казаки, быстро раздевшись, с наслаждением ринулись в воду. Затем долго поили и купали лошадей. Усталость от многоверстного марша прошла, только саднили стертые о седла казачьи зады и ноги. Дело привычное. Знали, что утром и не вспомнят об этой беде.

Кузнецов отрядил в дозоры нескольких казаков, послал за распоряжениями вестового к полковнику. Вместе с другими офицерами поужинал испеченным в костре картофелем и куском баранины, накрылся буркой и тут же заснул. Мать-земля показалась мягче всякой перины. Не спал он уже двое суток, несколько раз дремал в седле, почернел, стал обрастать бородой. Французы ломили и стычки с ними возникали постоянно. В сотне осталось всего 70 человек. В других было и того меньше. Но полк вместе с другими частями арьергарда так и не дал французам ударить по главным силам армии.

Кто-то почтительно, но упорно тряс за плечо и голосом Вагина просил:

– Андрей Николаевич, господин есаул! Проснитесь! Приказ полковника – выступать.

Кузнецов с трудом сбросил сонную одурь, поднялся. Подбежал казак с ведром ледяной воды. Полными пригоршнями выплескивая ее на шею и лицо, Кузнецов слушал Вагина.

– До двух дивизий французской конницы идут по дороге на деревню Зарубенку. К атаману уже послали предупредить. Генерал приказал: до подхода господина атамана -батюшки Платова, держать француза.

Оба казачьих полка арьергарда встали в небольшой лощине у дороги, ведущей из села Лешня в Зарубенку и, как только показались французы, ринулись на них.

Атака казаков для гусар 5-го и 9-го полков корпуса Монбрена оказалась неожиданной, но храбрецы в синих и алых долманах успели перестроиться из походного порядка в боевой и на легкой рыси встретили донцов. Лава казаков врезалась в шеренги гусар. Ловко орудуя пиками («дротиками») донцы сбили на землю передних, после чего бой распался на отдельные схватки.

Кузнецов обратил внимание на гусара элитной роты, о принадлежности к которой свидетельствовала медвежья шапка с красным султаном. Гусар крутился волчком среди дерущихся и, ловко орудуя саблей, свалил уже нескольких казаков. Есаул дал шпоры коню и оказался рядом с французом. Гусарский пистолет дал осечку и был отброшен прочь. Зазвенели клинки. Враг оказался искусным и опытным, но он не успел среагировать, когда Кузнецов перебросил саблю из правой руки в левую и нанес разящий удар по его плечу.

Русские с каждым днем дрались все ожесточеннее, не щадили ни себя, ни врага. Слышали и видели сами как вели себя захватчики на их земле и воздавали им за это сурово. Казаки уступали в числе гусарам, но их атака была такой яростной, что блестящая французская легкая кавалерия была рассеяна и позорно бежала две версты до позиций своих главных сил. Было захвачено больше сотни пленных, которых сбили в толпу и погнали в тыл. Среди пленных выделялись своим нарядом двое. Кузнецов спросил у урядника Брускова :

– Кто такие?

– Говорят, поляки-проводники. Их насильно запрягли, да, не похоже. Рубились с нами не хуже гусар. Казачонка нашего, Сеньку, чуть не зарубили. Еле успели его отбить.

– Подведи-ка их сюда.

Пленные подошли. Старший заговорил.

– Пан офицер, я Казимир Куклевский, а это мой племянник – Стах. Мы – русские дворяне, помещики. Французы взяли нас в плен и заставили показывать дорогу.

– Невиданное дело, чтобы пленные своих же соотечественников рубили. К этому вас тоже принуждали? Не Вы ли, пан Куклевский, к Бонапарту сбежали в Вильно, чтобы вступить в литовский легион? Вы не русские дворяне, а отступники и предатели.

И столько ненависти увидел Кузнецов в глазах обоих шляхтичей, что ясно понял – таких прощать нельзя.

– Вздернуть бы вас, изменников, на той осине, да не по закону будет. Брусков, возьми мою записку и гони их к полковнику...

...Французская артиллерия под пехотным прикрытием выдвинулась вперед и начала обстрел возвращавшихся назад после атаки казаков, а затем их контратаковали французские

конно-егеря, прусские и вюртембергские уланы. Дело приняло серьезный оборот. Двух донских казачьих полков и нескольких сотен башкир не хватило для того, чтобы сдержать противника и теперь уже русская кавалерия показала тыл. Отступление продолжалось до деревни Молево Болото, где по преследовавшим казаков егерям и уланам открыла меткий огонь рота донской конной артиллерии, а во фланг сильный удар нанесли казаки и гусары. Атаман Платов бросил в бой все свои скромные резервы. Несмотря на свой численный перевес, французы и немцы не выдержали этой атаки, остановили преследование и повернули назад. В ходе боя они понесли тяжелые потери убитыми и ранеными, значительно превосходящие потери русских. Казаками были захвачены сотни пленных, пушки, часть обоза корпуса генерала Монбрена. Это была новая победа русских, но снова пришлось отступить – пока слишком неравные были силы.

МОСКОВСКИЕ ГРЕНАДЕРЫ.

Рядовые Михаил Казанцев, Петр Жуков и Василий Доборшин Московского гренадерского полка полковника Шатилова из 2-й гренадерской дивизии 8-го пехотного корпуса армии Багратиона расположились у костра рядом с умело собранным шалашом. Усталость после постоянных боев с войсками маршала Даву и пятидесятидневному труднейшему маршу то под проливными июньскими дождями, то по сильной жаре и безводью, исчезла после соединения 22 июля с армией Барклая. Пришло сознание своей возросшей силы, чувство гордости за героический переход, во время которого втрое большие французские силы не сумели уничтожить армию, владело людьми. Купание в освежающих днепровских водах, переодевание в чистое белье, обед с чаркой привели людей в блаженное состояние. Как много значит всего лишь один день отдыха! А, ведь впереди в Смоленске, пока генералы решали – начинать контрнаступление или продолжать отход, были еще почти две недели передышки от маршей и боев.

В котелке негромко побулькивал чай из кипрея, мешочек которого всегда находился в ранце Доборшина. Для вкуса в котелок были положены листья смородины и мяты, набранные в огородах предместья Смоленска. На западе виднелись мощные городские стены и башни. Постепенно опускались вечерние сумерки.

– Будто в ночном, – мечтательно проговорил Доборшин. – Куда далее пойдём? Если на восток, может на Тверь выйдем?

– Наверяд ли. Чего басурману в твоей Твери делать? – усмехнулся Казанцев. – Он на нашу матушку-Москву целится. Осталось-то всего ничего.

– А бить его можно- снимая котелок с огня, сказал Жуков. – Горячий он поначалу, смело идет. С французом слабинку нельзя давать. Если он увидит, что ты мяться начинаешь, на тыл оглядываться, то пиши пропало – как дьявол лезет. Но как по зубам получит, то и скисает. Наши наоборот, в драке расквасят нос, только ярятся больше. Нам только подавай!

– Больно много их. Одного прибьешь и сразу за ним двое лезут.

– А ты, Доборшин, не робей. Мы с Жуковым всегда рядом, поможем. Помнишь, Петро, как мы их в седьмом году зимой у кладбища в Прейсиш-Эйлау конопатили? Только перья летели.

– Помню. Два дня бились. В первый день нас было побольше и мы их выбили из города. Лично вел князь наш – Багратион. На второй день к французам подошли резервы и мы сравнялись. Сначала пол дня на левом фланге бились в лесу, потом басурман начал крепко жарить из пушек – еле держались. Потом повалила их пехота. Поднялась метель и снег несло французам прямо в лицо. Заблудились и вышли аккуратно на нашу большую батарею. Она их тысячами стала класть. Жуть! Мы их погнали на местное кладбище, где сам Наполеон со своей гвардией стоял. Схлестнулись с этой самой гвардией, дали им по их медвежьим шапкам! Потом на нас тучей налетела их кавалерия. Сразу столько конных я никогда раньше не видел. Земля затряслась, они летят не останавливаясь, хотя их картечь как косой косит. Храбрые ребята! Ну, да и мы не робкого десятка. Твердо стояли. Их конных гренадеров в штыки брали. Здоровые,

все как на подбор, красавцы! Стоишь, а он перед тобой как гора. Ну, да ничего – управились! Главное в таком деле спину не показывать, враз сомнут. И чтобы кучей стоять, товарища прикрывать. В тот бой я их офицера с лошади стянул и его в полон взяли. Потом всем взводом отбивались, когда французы к нему на выручку полезли, но мы его так и не отдали. Думаю, в том сражении наша виктория была. Но ночью наш командующий почему-то приказал отступить. – Жуков задумчиво посмотрел на огонь. – Только в тот же год летом они нам должок сполна вернули. Главную баталию проиграли с треском, пришлось вброд через реку бежать. Река Але под городом Фридландом называется. Вот через эту реку мы «алле!» и делали. Срамота. Так-то вот, брат, Доборшин. У нас с французами еще давние счеты. Да, Казанцев?

– Это правда. Меня в бок француз из карабина угостил, а Петра палашом по плечу, да и не раз.

– Досталось вам. А я только раз с французом дрался.– Доборшин помолчал.– Куда нас, православных, все-таки завтра поведут?

– Скажут. Чаю попили, сухарь пожевали, а теперь – спать. Слышите, господин унтер соседям внушает, – Казанцев залез в шалаш, укрылся шинелью и тут же заснул.

Жуков последовал за Казанцевым, а Доборшин остался у костра и еще долго смотрел в звездное ночное небо. Перекликались часовые, кто-то тихо пел, все никак не мог утомониться унтер, из офицерской палатки доносился негромкий разговор и бречание гитары.

Доборшин подбросил в огонь сучьев, лег рядом и натянул на себя шинель. И еще некоторое время вспоминал, как год назад мать и отец благославляли его, а потом братья и деревенские дружки шли с ним в Тверь на пункт сбора рекрутов, а в придорожных кустах выводили свои нескончаемые трели соловьи.

ВСПОМИНАЯ ФРАНЦУЗСКИЕ УРОКИ.

Сражения с наполеоновской армией, о которых рассказывали Жуков и Казанцев, состоялись во время войны России и Франции 1806—1807 годов. Потерпев поражение вместе со своими союзниками – австрийцами в чешской Богемии при Аустерлице в декабре 1805 года, русские отступили за Неман. Царь отказался подписывать уже было согласованный сторонами мирный договор и предложил прусскому королю свою помощь в назревавшей войне с Наполеоном. Разгромив Россию и Австрию, император Франции чувствовал себя к этому времени полновластным хозяином в немецких землях. Игнорируя интересы Пруссии, он создал вассальный Рейнский Союз ряда немецких государств, возвел на голландский и неаполитанский престолы своих братьев, лишил владений мужа родной сестры прусского короля принца Оранского, душил налогами свободные купеческие города Гамбург, Любек и другие. Британский Ганновер, подаренный Наполеоном Пруссии за ее неучастие в военной коалиции с Россией и Австрией, был слабым утешением и не восполнял материальные и нравственные потери, причиняемые тевтонам шустрым узурпатором. Возмущение пруссаков нарастало, офицеры по ночам точили сабли о каменные пороги французского посольства. Вспоминали подвиги сорокалетней давности своего короля Фрица и самоуверенно считали, что без особого труда смогут одолеть Наполеона.

Пруссия выдвинула условия Франции убраться свои войска за Рейн и в ответ ожидаемо получила объявление войны. Пройдя Тюрингский лес, разделявший стороны, 2 октября 1806 года наполеоновские корпуса последовательно атаковали у Иены и Ауэрштедта армии Гогенлоэ и герцога Брауншвейгского и, несмотря на мужественное сопротивление, наголову их разгромили. При Ауэрштедте несчастья обрушились на пруссаков в самом начале сражения. Сразу были ранены герцог Брауншвейгский, 2 дивизионных и 2 бригадных командира, войска лишившись управления, запаниковали и не выдержали мощных ударов дивизий маршала Даву.

В двух битвах были потеряны 200 орудий, 60 знамен, в плен попали 25 тысяч солдат, в занятом французским отрядом Лейпциге были захвачены огромные запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов. Спесь с пруссаков слетела моментально. 3 октября без боя по пер-

вому требованию маршала Нея капитулировал Эрфурт. Толпы бегущих солдат заполнили дороги к Веймару и Магдебургу, без сопротивления одна за другой сдались 8 мощнейших крепостей, среди которых Шпандау, Штеттин, Магдебург, Кюстрин. Комендант Кюстрина, заведя проходившую мимо французскую бригаду, услужливо послал осведомиться у ее командира – не хочет ли тот взять крепость? Француз опешил, даже обиделся и свое движение мимо неприступной твердыни продолжил. Комендант вновь стал приставать к нему с неожиданным предложением. Бригадир вернулся и уважил, наконец, желание настойчивого вояки – Кюстрин занял.

Наполеон был беспощаден. Его войска стремительно продвигались на северо-восток королевства громя последние корпуса противника. У Галле состоялся неудачный дебют будущего героя Войны 1812 года Евгения Вюртембергского – его 15-ти тысячный резервный корпус был наголову разгромлен, сам генерал с трудом избежал плена.

13 октября Наполеон торжественно вступил в Берлин. В Париж были отправлены трофеи – шпага, шарф и орден Черного Орла, носимые когда-то королем Фридрихом Вторым Великим. Его племянник, сбежавший из Берлина, теперь униженно, желая сделать приятность, справлялся у Наполеона – достойно ли тот принят в своем же собственном королевском дворце, хорошо ли в нем его кормят? Раздавленный поражением несчастный король вдобавок получил еще и незаслуженное и по-женски жестокое порицание от своей супруги – королевы Луизы. Потом, уже начиная с 1815 года, чтобы быстрее загладить позор разгрома, пруссаки будут трубить на весь мир, что именно благодаря им Европа избавилась от Наполеона, а русские, оказывается, в этом противостоянии были всего лишь их подмастерьями.

Наполеон вошел в польские земли, отошедшие после последнего раздела страны к Пруссии. Поляки восторженно встречали французов как своих избавителей. В Познани Наполеон объявил о начале войны против России и двинул вперед 150 тысяч солдат. 18 ноября 1806 года в ответ был провозглашен Манифест Александра I об объявлении войны Франции.

Русская 125-ти тысячная армия в составе корпусов генералов Бенигсена и Буксгевдена под общим командованием старого и немощного графа Каменского занимала пространные рубежи по восточному берегу Вислы. Корпус Эссена 1-го численностью 37 тысяч человек находился в Белоруссии. В подчинение русским был передан единственный оставшийся не разгромленным прусский 14-ти тысячный корпус Лестока.

Наполеон ударами с юга и запада рассчитывал зажать самые многочисленные в русской армии корпуса генералов Л.Л.Бенигсена и Ф.Ф.Буксгевдена между устьями рек Вкра и Нарев и уничтожить их. В первом бою у Чарново на реке Нарев русская дивизия генерала Остермана-Толстого 11 декабря сразилась с корпусом маршала Даву – триумфатором битвы при Ауэрштедте. Сражением руководил сам Наполеон. Оставив в резерве дивизию Фриана, корпус Ланна, гвардию и кавалерию Мюрата, он посчитал, что для атаки хватит и двух пехотных дивизий Гюдена и Морана. При свете пожара горящей деревни Помихово французы, окрыленные победами над пруссаками, пошли в наступление на семь пехотных батальонов и два гусарских полка Остермана. Бой шел 10 часов, русские отбили 5 атак противника и только по приказу в полном порядке отошли к основным силам Бенигсена у Пултуска. Благодаря стойкости Остермана, французам не удалось отрезать Бенигсена от переправ на Нареве.

Каменский прокомандовал 7 дней. Часть армии завязла в страшной грязи и заблудилась. Выходя к месту сбора, русские использовали разные дороги и появлялись в самых неожиданных местах, приводя французов в недоумение. Сначала Наполеон подумал, что они выполняют какой-то мудреный план и даже приостановил свое движение, чтобы разобраться в обстановке. Когда же понял в чем дело, продолжил наступление на Голымин к намеченному месту сбора всех своих корпусов. Каменский вовсе ослаб умом, приказал армии отступить бросая пушки в родное Отечество и, несмотря на уговоры своих генералов, самовольно покинул войска и уехал в Россию.

Ланн с двумя пехотными и двумя кавалерийскими дивизиями у Пултуска неожиданно для себя наткнулся на весь корпус Бенигсена, атаковал, но был отброшен. Большие потери понесла его драгунская дивизия. Драгуны, рьяно бросившиеся на русских гусар, когда те, как на учении, разъехались в стороны, прямо перед собой увидели в засаде большую батарею и были встречены сокрушительным огнем.

В это же время у Голымина дивизии генералов Дохтурова и Голицына мужественно сдерживали главные силы французов во главе с Наполеоном и не позволили им поддержать Ланна. Отбросив французов, русские переправились через Нарев. Бенигсен поторопился и сжег за собой мост, оставив в спешке в окружении две дивизии Буксгевдена, что послужило основанием для последнего несправедливо обвинить Бенигсена в предательстве. Свои дивизии Буксгевден благополучно все-таки вывел, но царь посчитал конфликт недопустимым и счел за лучшее удалить его с благодарностью из действующей армии.

Наполеон прекратил преследование и ушел за Вислу. Непролазная грязь, названная им пятой стихией Польши, и утомление обеих армий стали причинами приостановки войны. Кампания 1806 года закончилась вничью, хотя победы в сражениях себе приписывали обе стороны.

В начале января 1807 года, русские войска, которые возглавил генерал Л.Л.Бенигсен, возобновили боевые действия. Они начали наступление на стоявшие на зимних квартирах корпуса Нея и Бернадота, чтобы разгромить того или другого. Оба военачальника вышли из-под удара. Узнав о движении Бенигсена, Наполеон, пользуясь своим численным перевесом, решил отрезать его войска от российской границы и нанести им сокрушительный удар. План попал к русским и они, выдержав два кровопролитных арьергардных боя у Янкова и Гофа, начали уходить от превосходящих сил французов в сторону Кенигсберга – второй столицы прусского королевства. Было необходимо прикрыть этот город и легко проходимые пути в Россию из Пруссии на их границе.

26 января обе армии сошлись у города Прейсиш-Эйлау. Багратион в ожесточенном арьергардном бою пресек все попытки неприятеля помешать развертыванию главных сил Бенигсена. На следующий день Наполеон с гвардией, корпусами Сульта и Ожеро, кавалерией Мюрата решил завязать сражение. Корпусу Даву он приказал зайти в тыл русским, а корпусу Нея – перерезать дорогу на Кенигсберг и затем ударить по связанной боем армии Бенигсена. Император располагал примерно 70-ю тысячами солдат. Ему противостояла 68-и тысячная русская армия. Три часа стороны вели ожесточенный артиллерийский огонь, потом в центре на позиции Остермана-Толстого в бой пошли две пехотные дивизии Ожеро. Внезапно разыгралась метель, французы заблудились и неожиданно для себя вышли на 72-х пушечную русскую батарею генерала К.Ф.Левенштерна. Невиданно жестокий артиллерийский огонь в упор начал выкашивать ряды французской пехоты. Были ранены Ожеро и оба дивизионных генерала, один из них – Дежарден, смертельно. Французы попытались добраться до батареи, но были атакованы русской пехотой, среди которых были и московские гренадеры. Пальба стихла и воздух наполнился страшными звуками рукопашного боя. Французы были смяты, потеряли пять знамен и начали беспорядочный отход к городскому кладбищу, где под огнем в окружении гвардии находился сам Наполеон со своей свитой. Русская контратака была остановлена лишь введенной в дело французской гвардейской пехотой.

На правом фланге французов еще одна их пехотная дивизия – генерала Сент-Илера, также потеряла ориентиры и попала под удар русской кавалерии. Ней и Даву опаздывали и над Наполеоном стали сгущаться тучи. И в этот критический момент выручил Мюрат. Гвардейская кавалерия Бессьера, драгунские и одна кирасирская дивизии в двух огромных колоннах по приказу императора бросились выручать солдат Ожеро и Сент-Илера. В первых рядах гарцевал сам горячий гасконец. Французы остановили русскую пехоту и кавалерию, потом, в свою очередь, были отброшены русскими драгунами и кирасирами, снова атаковали и были вновь

отброшены пехотой и кавалерией. Благодаря одновременному вводу в сражение огромных масс кавалерии Мюрата угроза прорыва фронта французской армии была снята.

В это время появился Даву и атаковал русский левый фланг. Русские начали отходить и их фронт принял вид прямого угла, насквозь простреливаемый с обоих флангов французской артиллерией. Положение выправил подполковник А. П. Ермолов, взявший по приказу начальника артиллерии 23-летнего генерала А.И.Кутайсова с правого фланга свободные 36 конных орудий и направивший их против колонн Даву. Прибывшие на место все три конно-артиллерийские роты под общим командованием Ермолова сразу, едва снявшись с передков, начали осыпать французов картечью. Лично руководя действиями артиллерии, Ермолов остановил наступление маршала.

Отбившись от наседавшего Нея, в это время весьма кстати подоспел корпус Лестока. Пруссаки вместе с Выборгским мушкетерским полком яростно атаковали французов, выбили их с занятых позиций и заставили Даву начать отвод своих войск. План Наполеона рушился на глазах.

Бенигсен приказал начать наступление и на своем правом фланге. Нарастающая стрельба в тылу на кенигсбергской дороге возвестила о приближении корпуса Нея и атака была остановлена. Наступала ночь и сражение затихало. Обе стороны потеряли примерно по 20—25 тысяч человек, но русские, имея все шансы разгромить французов, были готовы продолжать битву. На военном совете все генералы высказались за наступление, но Бенигсен сдерживал и приказал ночью отходить к Кенигсбергу. Наполеон, в свою очередь, был не в состоянии продолжать битву, отошел к городу и через 10 дней начал общее отступление. Армии, оставив на заснеженном поле сражения груды убитых, разошлись. Такого мощного отпора Наполеон не получал еще никогда. Хотя в реляции о сражении он уже по традиции нагнал о своей победе и о, якобы, 15 тысячах пленных и 18 захваченных знаменах, на самом деле пленных было в разы меньше, никаких знамен отбито не было и в помине, а его армия была обескровлена.

К несчастью для русских, следующее и решающее сражение с французами в июне 1807 года при Фридрихсберге закончилось их крупным поражением. Бенигсен неудачно расположил войска в тесном пространстве, разделенном по центру озером и ручьем Меленфлюс, а в тылу ограниченном рекой Алле и они лишились возможности для маневра. Маршал Ланн сумел сдержать атаки превосходящих сил русской армии до прибытия к месту сражения Наполеона с гвардией и остальными корпусами. Наполеон, взглянув на неудачное расположение войск Бенигсена, не поверил своим глазам и моментально воспользовался трагической ошибкой русского Главнокомандующего, который до этого довольно успешно вел войну с ним. Численное преимущество теперь уже было на стороне французов. Маршал Ней при поддержке кавалерии и 35-ти пушечной батареи обрушились на русский левый фланг, где держал оборону Багратион. Геройские контратаки конной гвардии и пехоты разбились о массы французов. Русские не выдержали мощных ударов, отступили в тесные улицы города и под огнем где вброд, где по рушившимся мостам, неся серьезные потери, беспорядочно переходили реку. На правом фланге войска Горчакова также не удержали позиции, начали хаотичное отступление, превратившееся в бегство, и были прижаты к Алле. Спасти на другом берегу удалось лишь благодаря найденным в реке бродам. Русские потеряли 2/3 своей артиллерии, 12 тысяч убитыми и ранеными, 10 тысяч пленными. Возможно, что этот урон преувеличен, так как сам Бенигсен оценил его в 4. 830 человек. Потери французов были в два раза меньше и они торжествовали свою полную победу. В Тильзите царю пришлось заключать с Наполеоном унижительный мирный договор.

В ходе войны французский император во всем блеске продемонстрировал свой полководческий талант. Он действовал решительно и быстро, его четкие распоряжения были понятны подчиненным, предписанные движения мобильных и, при этом, многочисленных корпусов выполнялись почти безошибочно, практически всегда создавая на нужном участке перевес

в своих силах. Великолепно была организована разведка, делалось все возможное для снабжения армии всем необходимым. Солдаты и офицеры боготворили своего командующего и свято верили в его звезду. Кроме этого, Наполеон сумел внушить своей армии, что она по-прежнему, как и во времена революции, защищает свою Родину от неспровоцированной агрессии коварных соседей. А мужества, умения и предприимчивости французскому солдату в те времена было не занимать.

Серьезные неудачи русской армии были вызваны в первую очередь тем, что после плеяды ярких полководцев – Румянцева, Потемкина, Суворова, во главе ее не оказалось вождя, достойного Наполеону. Ни Кутузов, ни Бенигсен, ни Багратион перед столкновением с ним не обладали опытом самостоятельного командования целой армией и не имели таких громких побед, как, например, Маренго или Ульм. В ряде боев эти генералы сумели дать отпор Наполеону и его маршалам, но в решающих сражениях проиграли. При Аустерлице неопытный в военном деле Александр проигнорировал мнение осторожного Кутузова о нежелательности сражения до соединения с резервами и доверился неоднократно битым Наполеоном австрийцам. Кутузов не решился переубедить царя и был разбит. При Фридланде Бенигсен неграмотно расположил войска, упустил шанс разбить французов в начале сражения, когда еще имел перевес в силах. Багратион, когда к Наполеону вечером пришли резервы, не смог подавить сильно досаждавшую французскую артиллерию и потом сдержать атаку Нея.

Несмотря на заключенный мир, «братские» лобызания обоих императоров, мало кто сомневался, что их спор будет продолжен. Русской армии и её военачальникам предстояло извлечь уроки из тяжелых поражений и успеть это сделать до новой войны.

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ.

2-я Западная армия князя Багратиона после решения продолжить отступление, вышла из Смоленска и остановилась в 12 верстах восточнее. Армия Баркляя оставалась на северном, правом, берегу Днепра у Петербургского предместья города. А в это время к Смоленску с запада стягивалась почти вся центральная группировка наполеоновской армии. Случилось так, что в этот момент из города ушли все русские войска и, после его захвата французами, создалась бы реальная угроза нового разобщения обеих русских армий. Перед Наполеоном оставался единственный заслон – 27-я пехотная дивизия генерала Неверовского, несколько полков казаков и драгун. Русская дивизия, состоящая в большинстве своем из молодых и необстрелянных рекрутов, находясь в арьергарде у города Красный по дороге в Смоленск, целый день героически отбивала многочисленные атаки 36 полков кавалерии Мюрата. Сначала французы опрокинули казаков и харьковских драгун, захватили 8 орудий, а потом в чистом поле обрушились на пехоту. Четыре раза к русским подъезжал то ли храбрец, то ли наглец, польский офицер, и предлагал сдаться, но в конце концов был снят метким выстрелом унтер-офицера 50-го егерского полка Колмачевского. Построив дивизию в два ряда батальонных каре в шахматном порядке, которые в ходе атак мюратовской кавалерии постепенно превращались в ошестившиеся штыками просто толпы солдат, Неверовский отбил все атаки значительно превосходящих сил неприятеля. Наконец к вечеру вышли на дорогу, вдоль которой были проложены глубокие канавы и в несколько рядов росли березы, высаженные еще при Екатерине. Под их защитой отразили еще несколько атак и французы отстали. Дивизия потеряла артиллерию, не менее 2000 человек, но задержала неприятеля, не позволив ему сразу прорваться в Смоленск. По признанию французов, Неверовский «отступал, как лев». Неаполитанский король, опытный кавалерийский военачальник, маршал Мюрат, получивший нагоняй от Наполеона, в свое оправдание сказал: "Я никогда раньше не видел пехоту, действовавшую с такой неустрашимостью и решительностью».

Корпус генерала Раевского по приказу Баркляя, успевшего оценить нависшую над армией страшную угрозу, с Московской дороги развернулся назад и ускоренным маршем вернулся в Смоленск. Невероятно, но защищать город от 185-тысячной наполеоновской армии до под-

хода главных русских сил должны были всего 15 тысяч солдат (корпус Раевского и 27-я пехотная дивизия Неверовского).

Пройдя город, войска 7-го пехотного корпуса вышли в Красненское предместье и расположились вдоль довольно глубокого оврага, но затем, после осмотра местности Раевским и командиром 26 пехотной дивизии генералом Паскевичем, вернулись и, по предложению Паскевича, заняли позиции непосредственно у крепостных стен и в Королевском бастионе, имея перед собой в виде рва тот самый овраг. День прошел в обустройстве позиции, а поздно вечером с запада из-за леса стали выползать массы французской пехоты и кавалерии и располагаться перед Красненским предместьем.

Утром 4 августа французы завязали перестрелку во фланкерской цепи, затем заговорила артиллерия и пошли в атаку пехотные дивизии маршала Мишеля Нея. Командир 3-го армейского корпуса, считая, что в Смоленске лишь одна русская 27-я пехотная дивизия Неверовского, решил взять город штурмом схода, но сразу получил жесткий отпор.

Бой шел уже несколько часов. Только что была отбита атака французской пехоты и по множеству тел убитых и раненых, лежащих перед русскими позициями, было видно, как дорого она заплатила за свою дерзость. Неприятелю не помогло и то, что их атаку возглавил лично бесстрашный Ней. Снова отличились русские артиллеристы, громя атакующих жестоким огнем.

Через четверть часа резко участилась стрельба французских орудий, что свидетельствовало о близком начале очередной атаки. Целые батальоны французов и вюртембергцев быстро рассыпались в стрелки и сразу обрушивали на русских град пуль. После жаркой перестрелки в атаку двинулись несколько мощных колонн пехоты неприятеля. Стоящие у Королевского бастиона воины 26-й пехотной дивизии генерала Паскевича открыли по наступающим залповый огонь. Со стен бастиона вели стрельбу пехотинцы Полтавского полка, а также егеря. В деле были все 70 русских орудий. Противник был отбит. Бесплодными были и его последующие атаки. Во время одной из них, многочисленная французская колонна, перейдя глубокий овраг, бодро подошла к самим крепостным стенам и была уже готова ворваться в город. Тогда генерал Паскевич с Орловским пехотным полком ударил по этой колонне в штыки. В ожесточенном бою французы, понеся большие потери, были отброшены за овраг. Нижегородский и Ладужский пехотные полки довершили разгром. Паскевич едва смог остановить своих разгоряченных солдат, бросившихся преследовать французов.

На подмогу Раевскому были направлены кирасиры и 4 полка из 2-й гренадерской дивизии, в том числе и московцы. Гренадеры заняли позицию на правом берегу Днепра и были готовы немедленно перейти мост и вступить в бой. Солдаты и офицеры рвались на помощь изнемогавшим в неравном сражении героям корпуса Раевского, но к этому времени атаки французов уже прекратились и шла только активная артиллерийская перестрелка. Гренадеры, по воспоминаниям генерала Ермолова, не успели вовремя прибыть в Смоленск и не были введены в дело, поскольку шеф московцев и командир дивизии Карл Мекленбургский позволил себе перебрать лишку и не смог своевременно отдать приказ своим полкам о марше. Солдаты потом втихомолку беззлобно посмеивались и простили своего командира, поскольку всегда видели его в самом пекле сражений и чувствовали его заботу о дивизии.

Отбив первые атаки войск Нея, Орловский пехотный полк оставался между крепостной стеной и оврагом. Французская пехота еще несколько раз пыталась атаковать, но каждый раз ее останавливали батальным огнем. С крепостных стен и Королевского бастиона непрерывно вели стрельбу егеря. Было видно, как к городским предместьям с запада все подходят и подходят густые колонны французской пехоты и кавалерии, разворачиваются батареи многочисленной артиллерии. Бой завязался в Мстиславском предместье и с той стороны внезапно на левый фланг орловцев налетела вюртембергская легкая кавалерия, пожелавшая, видимо, на плечах русской пехоты ворваться в Смоленск. Вюртембергцы поддерживали атаку пехоты

своего 3-го армейского корпуса. Всадники в зеленых мундирах на вороных конях сначала оттеснили стрелков Нарвского пехотного полка, а потом появились перед орловцами. Первый батальон на небольшом пространстве между крепостной стеной и рвом моментально перестроился в подобие каре и встретил немцев залпом и штыками. Началась свалка. Кавалеристы носились вдоль строя, теснили пехотинцев конями, доставали саблями, несколько десятков прорвались внутрь каре, но их тут же перекололи штыками. Со стен бастиона на атакующих обрушился разящий ружейный огонь егерей.

На рядового первого года службы Егора Шишакова, стоявшего не по принятым в русской армии правилам вместе со своими более опытными товарищами в первой шеренге, налетел рыжий вюртембержец. Егор увернулся от свистнувшей над головой сабли и отбил ее ружьем, а в бок кавалериста вонзился штык Семена Калачева. Немец, выронив саблю, прохрипел —

– Mein Gott!, – и сполз с рванувшего в сторону коня на землю.

После этого Калачев отбивался сразу от двоих и не уберег свой кивер от сабельного удара, упал, но его сразу загородили свои и отогнали вражеских кавалеристов. Их горнисты заиграли отход и они, втягивая головы в плечи, так же быстро как и атаквали, ускакали прочь.

У ног жалобно стонал вюртембержец. Лицо его побледнело, между пальцев, которыми он зажимал рану, сочилась кровь. Калачев хмурился :

– Помирал бы, уж, скорее.

Откуда-то появился конь. Осторожно, шагом он подошел к строю незнакомых ему людей, потом сделал шаг к раненому, раздул ноздри, опустил морду к его лицу и тихо заржал. Разговоренные боем солдаты затихли. Калачев поймал повод и сказал:

– Давай-ка его, ребята, на коня. К лекарю надо доставить. Ишь, конь-то тоже страдает, жалеет немца.

Подошли два легко раненых солдата и с помощью Егора и Калачева взвалили немца на коня и с разрешения унтера повезли в лазарет, раскинувшийся за крепостной стеной.

Унтер покачал головой:

– Балуешь... Дурью маешься, Калачев. Их сюда никто не звал. Видел, как они нашего брата сейчас крошили? А ты его пожалел...

– Скотинку жалко, господин унтер – офицер. Страдает по своему хозяину, хоть еще разок ему послужит. Вовремя к лекарям довезет, глядишь, и починят парня, – улыбнулся Семен и пошел занимать свое место в строю.

Ближе к ночи орловцы вместе с другими частями отряда генерала Раевского покинули позиции, были отведены за город и влились снова в армию Багратиона. Им на смену Барклай направил войска 6-го пехотного корпуса генерала Дохтурова и 3-ю пехотную дивизию генерала Коновницына из 3-го пехотного корпуса Тучкова. Дохтуров сильно недомогал, но от просьбы возглавить этот отряд защитников города не отказался, заявив, что лучше уж умереть на поле боя, чем в кровати.

У Смоленска против 110 тысяч русских сосредоточилось 180 тысяч французов. Ранним утром 5 августа по приказу Наполеона войска Нея возобновили атаки Красненского предместья Смоленска и Королевского бастиона, корпус Даву начал наступление на южные окраины города, поляки корпуса Понятовского бросились на штурм восточных предместий и одновременно поддерживали Даву. Поляки, почему-то считавшие Смоленск исконно своим городом, а себя его освободителями, шли в бой с особым воодушевлением. Как неоднократно с ними случалось, рассудок уступил место поспешности и легкомыслию. Разгром казаками Платова целой их уланской дивизии под командованием генерала Рожнецкого у белорусского местечка Мир, поляков ничему не научил. Также безоглядно и картинно они двинулись на смоленские стены. Их натиск можно было бы посчитать и геройским, если бы необоснованно огромные потери, понесенные в неподготовленной и безрезультатной атаке. Понятовский большую часть своей артиллерии выставил не против стоящих перед ним русских частей, а направил ее про-

тив батарей, расположенных на северном берегу Днепра и беспокоивших в основном только правый фланг атакующих. Поляки занялись бесполезной перестрелкой и пальбой по мосту, а, в итоге, их более малочисленные батареи были подавлены мощными полупудовыми (современный калибр 155 мм) гаубицами (при необходимости они могли стрелять ядрами на расстояние до 2.000 метров), а наступавшая пехота – отражена пушками легких артиллерийских рот, расположенных вдоль городских стен. Понятовскому помог Даву, перенацеливший часть своих орудий, что позволило полякам повторно атаковать и оттеснить русских егерей из предместья к Молоховским воротам города.

Генерал Коновницын отвел свою пехоту от оврага ближе к смоленским стенам. Солдаты отходили без паники, отгоняя метким огнем напавших французов и поляков. Но тех было значительно больше и волей-неволей приходилось постепенно оставлять первоначальные позиции. Поляки, видя, что русские подаются назад, осмелели. С ревом» Виват польска!», " До брони! «яростно бросались на наших, иногда сразу по несколько человек на одного и, если уж доставали его, то пиши пропало – пощады не было.

Понятовский, желая на плечах русских ворваться в город, на поддержку пехоты бросил в атаку свою легкую кавалерию. Нарядные уланы, выставив пики, эскадрон за эскадрон высыпали словно из огромного мешка и неслись на порядки русской пехоты. Но доскакать не успели, поскольку им во фланг ударили драгуны. Появление русской кавалерии было неожиданностью, так как все внимание улан было обращено на русскую пехоту, которую они уже считали своим призом. Внезапная контратака заставила их сначала сбиться в кучу, а затем показать тыл.

Прогнав улан, драгуны врезались в ряды польской пехоты. Фузилеры остановились, пытались отбиться, а потом побежали. На их преследование сил уже не нашлось.

Окончательно оставив смоленские предместья на левом берегу Днепра и устраиваясь на новой позиции под крепостными стенами, солдаты делились впечатлениями.

– Что за народ такой, эти ляхи? Сколько зла Руси-матушке принесли и все им мало.

– Ладно они сегодня шли...

– Да, гонору много. Так ведь только в морду ему дашь, он и мягчает. Первый напор надо выдержать, а потом уже легче. Поляк скисает быстро и тыл показывает – к своим жаловаться бежит. А гурьбой-то на одного и любой может.

– Перед французом поляк лебизит.. Тот ему пол России обещал, вот он и старается.

– Француз-то помягче будет, добрее. В бой весело идет, дерется без подлости. У лежащего, бывает даже, пардон просит. А эти все скопом с перекошенной рожей. Люто воюют. Штык в горло и без разговоров.

– Э-э, ребята, тут длинная история. Я молодой еще был и нам старик капрал рассказывал. Наши в тот год стояли в их столице – Варшаве, гарнизоном. Ночью, на святой праздник, ляхи подло вырезали его. Никому пощады не дали. Убивали даже в храмах, куда привели само-собой безоружными на молитву. Командующий наш, Суворов Александр Васильевич, повелел взять эту Варшаву штурмом. Очень уж разозлились солдатки на кровопийцев. Пошли и взяли. Били всех без разбора, да так, что ляхи к вечеру оробели и сдались с позором. Суворову ключи от города на бархатной подушке принесли. Но злобу затаили. Вот сейчас они эту злобу-то и выливают.

– У нас на Полтавщине злее барина, чем поляк не найдется. Всю шкуру спустит с хлопа и все ему мало. Только и слышишь: " пся крев» да «пся крев». Мало их казаки при Богдане порубали.

– Ты потише, а то тебе наш барин шкуру спустит...

Проезжавший мимо генерал Коновницын сделал вид, что не слышал, а про себя подумал – " Правы солдаты. Злы поляки на нас. Только свои обиды помнят. Да, ведь, матушка Ека-

терина и батюшка Александр Васильевич им лишь долг вернули, а забрали свое, православное. И сегодня правда за нами».

Умело расставленная маршалом Даву артиллерия причиняла русским серьезный вред и под градом ядер они были вынуждены отступить под самые крепостные стены. Шел ожесточенный рукопашный бой. Волны французской пехоты захлестывали защитников города. Французы, вломились уже было в ворота, но были отброшены подошедшими частями 4-й пехотной дивизии. Контратаку, встав впереди егерского полка, возглавлял сам командир дивизии Евгений Вюртембергский. Последующие атаки французов были бесплодны.

Третий французский корпус маршала Нея сумел захватить Красненское предместье, но от штурма Королевского бастиона был вынужден отказаться – русские встали твердо и отдавать укрепление не собирались.

Около шести часов вечера корпус Понятовского начал новый штурм южных и восточных окраин Смоленска. Древний истинно русский город еще со времен Мономаха поляки нагло считали своей «отчизной» и яростно лезли вперед. Полк за полком, бригада за бригадой, дивизия за дивизией поляков остаток дня упорно бросались на стены города и везде были отражаемы русскими. Прорвавшиеся в крепостные ворота толпы польской пехоты тут же истреблялись. Польский генерал Грабовский был заколот штыком гренадера Тобольского пехотного полка. Ожесточение было столь велико, что в плен почти никого не брали.

Сотни вражеских орудий громили городские стены, но так и не смогли пробить в них брешь. Крепостные укрепления и успешные действия своей артиллерии сыграли для русской армии важнейшую роль в смоленском сражении. Русские в нем потеряли от 6 до 10 тысяч человек, французы – в полтора раза больше. Особенно пострадал корпус Понятовского.

Смоленск оставался в руках русской армии. Ворваться в него, и, тем более, разгромить русских Наполеону так и не удалось. Он приказал прекратить дальнейшие атаки и усилить огонь артиллерии. Город пылал и защищать его уже не оставалось возможности. Русская 1-я Западная армия оставила Смоленск и, забирая в сторону от опасных, простреливаемых французами берегов Днепра, двинулась на север по дороге на Поречье, а затем свернула на восток. Дорога на Москву была открыта, но Наполеон, досадуя, что вновь не удалось уничтожить русских, все же решил сделать в Смоленске краткую остановку, привести армию в порядок, а уже затем продолжить преследование Барклая.

Последней из горящего Смоленска по мостам на северную сторону Днепра выходила дивизия Петра Петровича Коновничина. Генерал, сам получив в бою пулю в руку, подбадривал раненых, помогая несчастным горожанам покинуть город, приказывал рассаживать стариков, женщин и детей по армейским повозкам, раздавал собственные деньги нуждающимся. И, конечно, деятельно руководил отходом своих войск. Среди пылающих, рушащихся зданий, в темноте, под французскими ядрами делать это очень не просто, но отставших почти не было. Попытки мародерства тут же строго пресекались. Крайне уставшие, голодные, обожженные, без глотка воды солдаты покидали город с уверенностью, что скоро они вернуться. Дивизия отходила в полном порядке. Из храма была вынесена икона Смоленской божьей Матери. Мосты за отступившими войсками сожжены, все что можно было вывести из города, было эвакуировано.

Французы, наконец, проникли в Смоленск и сразу стали искать броды в реке. Для обоза и артиллерии саперы споро возводили мост.

Ночью по этому мосту и отысканному рядом с ним броду французы начали переправляться через Днепр в Петербургское предместье. Русские егеря мужественно сдерживали их натиск, но под градом картечи отступили.

На выручку к егерям вновь подоспела 3-я пехотная дивизия генерала Коновничина. Мощной атакой она не только остановила неприятеля, но и отбросила его обратно за реку в пылающий Смоленск. Все попытки французов вновь овладеть предместьем были пресечены.

Наполеоновские войска остановились и 1-я Западная армия уже более спокойно продолжила отступление. Чтобы избежать флангового удара с юга и обстрела с противоположного берега Днепра неприятельской артиллерией, Барклай, разделив свою армию на две части, поручив командование над ними генералам Тучкову 1-му и Дохтурову, направил их сначала по безопасной дороге на север и затем на восток, чтобы затем перейти Днепр у Соловьевой Переправы и соединиться с Багратионом.

НА МОСКВУ!

Наполеон въехал в оставленный русскими Смоленск 6 августа и приказал армии отдыхать. Он осмотрел разрушенный на три четверти город, приказал затащить в церковь Божьей Матери две пушки, лично навел их и повелел открыть огонь по русским на другом берегу Днепра. Затем он с интересом зашел в храм, где молились укрывавшиеся от разбойничавших солдат Великой армии старики, женщины и дети, снял шляпу, оглядел храм и молящихся людей и с презрительной гримасой вышел наружу, направился в подобранный для него уцелевший дом губернатора. В Смоленске он пробыл несколько дней.

Посланный вдогонку русским маршал Ней столкнулся с ними у деревни Геденово. Создалась серьезная угроза окружения пехотного корпуса генерала К.Ф.Багговута и русского арьергарда генерала Ф.К.Корфа, отставших от основных сил армии Барклая. Воспрепятствовать этому был направлен принц Евгений Вюртембергский. Удачно расположив свои войска, он отбил атаки Нея, дождался прохода Корфа и стал отходить мимо Валутиной Горы по Московской дороге в направлении к деревне Лубино.

Между деревень Топоровщино и Латышино на Московской дороге с Неем неожиданно для себя встретился отряд генерала П.А.Тучкова 3-го в составе бригады генерала И.Л.Шаховского (20-й и 21-й егерские полки по два батальона в каждом), одной конно-артиллерийской роты, а также Ревельского пехотного и Елисаветградского гусарского полков. Увидев, чем грозит русской армии наступление Нея, генерал самостоятельно изменил предписанный ему маршрут движения на восток, повернул свой отряд и стеной встал перед французами и, по сути, спас войска, которые выводил от Смоленска его брат – командир 3-го пехотного корпуса Тучков 1-ый, заслонив их с правого, южного фланга. Отряд Тучкова 3-го занял берег речки Строгань, разобрал через нее мост, на дороге поставил батарею и пехоту и успешно присекал все попытки французов сбить его с этой позиции. Позднее, по его просьбе, братом- Тучковым 1-м, ему в поддержку были направлены 2 гренадерских полка, а затем, по приказу Барклая, пришла дивизия Коновницына.

Узнав от перебежчиков о движении южнее Московской дороги на деревню Лубино многочисленной кавалерии Мюрата, Барклай направил туда 1-й кавалерийский корпус, который временно, вместо заболевшего генерала Ф.П.Уварова, возглавил генерал В.В.Орлов-Денисов. Корпус был оставлен в резерве перед Лубино, а дополнительно приданные Орлову-Денисову 4 гусарских и 5 казачьих полков заняли позицию за лесом, имея позади себя непроходимое болото, тем самым исключая саму возможность отступления. Для того, чтобы кавалеристы сами увидели, что хода назад нет, Орлов-Денисов от каждого эскадрона выслал, якобы, для осмотра путей к отступлению по несколько человек. Люди убедились – отход невозможен, надо стоять до последнего.

Полки были построены в 4 линии, так, чтобы каждая линия попеременно меняясь отбивала атаки кавалерии Мюрата, не давая ей после выхода из леса построиться для атаки. Но сначала из леса на поляне появились два французских пехотных полка и сходу пошли в атаку. Французы почему-то возомнили, что им по плечу справиться с кавалерией, за что и были наказаны. Казаки и гусары первой линии врубались в их ряды, остановили, а затем погнали. Оба полка были наголову разгромлены. Настал черед французской кавалерии, но и ее все атаки были отбиты. К Орлову-Денисову подошли два пехотных полка, к 4-х орудийной батарее были добавлены еще 12 орудий. Атаки подошедшей вестфальской пехотной дивизии из корпуса

Жюно были успешно отражены огнем пехоты и артиллерией. Бой на левом фланге русской армии завершился.

Уже шесть часов русские отбивали ожесточенные атаки неприятеля. Поздним вечером Ней предпринял последнюю атаку в центре. Направленная к нему для усиления маршалом Даву пехотная дивизия Гюдена атаковала отряд Тучкова 3-го. Внезапно замолчала русская артиллерия – кончились боеприпасы. Французы быстро перешли речку Строгань и были готовы прорвать центр русской позиции, но в этот момент их атаковал Екатеринославский гренадерский полк, который лично повел Тучков 3-й. Гренадеры остановили французов и штыками скоро проводили их за речку. В бою Гюден был смертельно ранен ядром, а его пехота отброшена. Уже в самом конце боя французы, привели себя в порядок и с новым командиром – генералом Жераром, вновь ринулись в атаку, пользуясь своим численным преимуществом, стали теснить русских grenадер. Павел Алексеевич Тучков, потеряв лошадь, находясь в первых рядах своих солдат и увлекшись, получив при отходе штыковую рану, затем несколько сабельных ударов от французского офицера, добивавшего его, был взят в плен. Француз в темноте, наконец, разглядел генеральский мундир. Представленный Наполеону, раненый Тучков выслушал длинную речь императора, который оправдывал свое нападение на Россию и предложил генералу написать письмо царю о своем желании заключить мир. Уже в этот момент Наполеон чувствовал, что война не принесет ему желаемого результата и перевозимые в обозе два его скульптурным изображения (от великого до смешного – один шаг, как, правда, по другому поводу заметил сам император) предназначенные для установки в Москве, если он ее займет, вряд ли надолго там станут предметом поклонения.

Тучков, естественно, писать Александру Первому отказался, но написал о предложении Наполеона своему брату. Ответа не последовало, хотя содержание письма и было доложено российскому императору.

Сражение у Лубино окончилось для французов безрезультатно: понесла большие потери (почти 9.000 человек), они не смогли отрезать от главных сил и уничтожить арьергард русской армии, были везде отбиты. По-существу, французы потерпели поражение. Русская 1-я Западная армия с честью вышла из трудного положения, не дала себя окружить, опередив французов, вышла на Московскую дорогу. Потеряв в полтора раза меньше людей, она отступила в полном порядке и лишь по приказу своего Главнокомандующего, убежденного, что час для генерального сражения еще не настал.

Прибывший на следующий день на поле сражения, Наполеон был поражен большими потерями своих войск и отсутствием результата. Только одна 3-я пехотная дивизия Гюдена потеряла в бою 2.300 человек. Тягостное впечатление от неудачи Наполеон попытался скрасить массовым награждением солдат и офицеров, участвовавших в сражении. Свое крайнее неудовольствие разозленный император выразил генералу Жюно, не поддержавшему вовремя в сражении Нея и Мюрата. Еще раз он убедился в стойкости и мужестве русских войск. Вновь возникло сомнение в правильности своего решения о начале войны против России и целесообразности дальнейшего наступления.

Отбивая непрерывные атаки авангарда французов, Первая русская армия у деревни Соловьево по четырем понтонным мостам, наведенным местными крестьянами и матросами Гвардейского морского экипажа, переправилась на левый берег Днепра и направилась к Дорогобужу, где ее уже ждал Багратион и где Барклай решил дать Наполеону генеральное сражение. Соловьевские мужики укрепили мосты через быстрюю в этих местах реку припрятанными еще со времен русско-литовских войн якорями и они выдержали переправу не только армии, но и многочисленных беженцев. Когда на правом берегу почти не осталось войск, мосты были разобраны. Кавалеристы арьергарда перешли Днепр по бродам.

Вражеские атаки стойко сдерживали казаки атамана Всевеликого Войска Донского М. И. Платова и регулярные части под командованием генерала Г.В.Розена. Попытки

французов сходу захватить мосты провалились из-за контратак русской кавалерии и огня орудий донской конной артиллерии, расставленной по левому берегу реки.

9 августа егерский полк капитана Данилова получил приказ занять кустарник за переправой и своим огнем не дать французам навести мост через Днепр. Отстреливаясь он наседавших вольтижеров, перешли вброд реку последние сотни казаков и рассыпались в кустарнике вдоль берега. Спешившись, они присоединились к егерям и активно начали перестрелку с французскими стрелками.

Рота егерей Данилова разместилась в кустарнике и за ивами, которыми зарос берег. Лишь небольшая песчаная полоса отделяла их от воды. На противоположном берегу мелькали французские гусары и конные егеря, перестреливавшиеся с русскими и время от времени пытавшиеся перебраться через реку. Делали они это не очень охотно и явно ожидали подкреплений. Данилов приказал своим егерям попусту не стрелять и беречь патроны. Бить только по его приказу или если неприятель приблизится на верный выстрел. Сзади в двух сотнях метров артиллеристы изредка посылали одно-два ядра по группам французских кавалеристов.

Вечером егерей отвели в резерв к деревне Михалевка. Было приказано быть готовыми в любой момент отразить атаку врага, которого могли навести на бивак за собой казаки, если не удержат неприятеля.

Ночь прошла спокойно, только у реки изредка слышались отдельные ружейные выстрелы.

Утром 10 августа четыре егерских полка расположились рядом с Михалевкой и в лесу рядом с ней. Перед лесом у дороги протекал довольно глубокий ручей, мост через который защищали два орудия. За егерями на высотах встали еще 22 орудия и кавалерия. Рота Данилова заняла деревенские дома и огороды. Цепочка из нескольких прудов отделяли деревню от леса.

Капитан осмотрел позиции русских войск, которые были перед ним как на ладони. С удовлетворением отметил, что его полк, другие егерские полки, казаки, драгуны, уланы, гусары, артиллеристы заняли удобные позиции и французам будет очень непросто их атаковать. Вот, только по-прежнему, слишком уж много этих французских, немцев, поляков, итальянцев. Враги нападали с Запада и раньше – немецкие псы-рыцари, поляки с литовцами, шведы с непобедимым до этого королем Карлом XII, но вот так, чтобы всем скопом, такого не бывало. Вся Европа ополчилась на Россию. И воюют незваные пришельцы отважно, умело, дерзко, жестоко. Особенно усердствуют французы и поляки. Хорошие бойцы, да чего-то все-таки им не достает. Не выходит у них побить русских! Вот и сегодня ничего не выйдет у Бонапарта. Егеря Данилова устали, но их движения ловкие и спорые, лица сосредоточены и серьезны, нет ни тени страха или нерешительности. Каждый рядовой в любой момент может заменить унтера, а любой унтер-офицер может повести за собой и взвод, и роту. Они давно узнали себе цену и без приказа не отступят.

Все нарастающие звуки пушечной и ружейной пальбы говорили о том, что французам наконец удалось перейти Днепр и потеснить казаков.

После полудня в клубах пыли показалась французская кавалерия, преследующая казаков. Донцы особенно не торопились показывать свои тылы, уворачивались от длинных палашей и метко отстреливались. Кирасиры, не привыкшие к такому маневренному бою, в правильном строю безуспешно пытались достать казаков и от их пуль сами один за другим валились на землю.

Показались французские гусары и сразу атаковали казаков. Их не остановил огонь двух пушек донской конной артиллерии. Началась рубка. Завязался серьезный кавалерийский бой. Избегавшие до этого таких схваток казаки на этот раз сражались как настоящая регулярная кавалерия – бились до конца, серьезно. Много полегло казаков, но и не меньше гусар. Не выдержав такого яростного отпора, гусары повернули назад. Вслед им понеслась картечь двух казачьих пушек.

На дорогу стали выходить густые толпы французских вольтижеров, которые, быстро растекаясь по фронту, открыли частый огонь по казакам. Те попытались отстреливаться, но град пуль заставил их отойти в лес, а затем за Михалевку и встать в резерв.

Как только вольтижеры подошли ближе к лесу и стали переправляться через ручей, в дело вступили егеря первого батальона полка Данилова.. Их огонь был таким неожиданным и смертоносным, что через несколько минут французы, оставляя убитых на берегах ручья, ринулись назад. Было хорошо видно, как яркие зелено-желтые султаны на их киверах, подпрыгивая над невысоким прибрежным кустарником, быстро удалялись прочь.

Данилов видел, как поле за этим кустарником заполняется французской кавалерией и пехотой. Вот на пригорок артиллеристы втащили полтора десятка пушек и вражеские ядра обрушились на лес, в котором засели егеря. Редкий лес слабо защищал от обстрела, но егеря, постоянно меняя позиции, держались и огнем отбивали вылазки французской пехоты. Русские гаубицы, расставленные за лесом, прямо через головы пехотинцев вели артиллерийскую дуэль с батареями неприятеля, которые были видны как на ладони.

Бой шел уже два часа. Французы постепенно вытесняли егерей из леса. Генерал Розен приказал отойти назад под прикрытие 34-го егерского полка. Этот полк пропустил через свои порядки отступающих и достойно встретил вражеских пехотинцев. Те, не ожидавшие встречи с новым противником, попытались штыковой атакой отбросить русских, но огонь егерей был настолько сильным, что французы, не добежав до их позиций, сначала остановились, потом попятились назад и скрылись в только что отвоеванном ими лесу. Теперь уже русская артиллерия стала поливать картечью и ядрами еще более поредевший лес и мечущихся в нем низкорослых, но в несоразмерно высоких киверах, французских стрелков.

Но к ним постоянно подходили подкрепления и теперь лес почти полностью был занят вражеской пехотой. Сил для ее сдерживания уже не оставалось. В этот момент Розен приказал подкрепить 34-й полк свежим батальоном егерей и совместно штыками отбросить французов.

Данилов поднял роту :

– Ребята, пойдем выручать соседей. Бегом!

Через сотню метров рота встретила свой отступающий из леса батальон и уже все вместе егеря, сломав строй, толпой бросилась к опушке, где всюду шел страшный штыковой бой. Данилов скорее почувствовал, чем увидел, как сзади споткнулся, хватаясь за окровавленную ногу, его денщик Ефрем. Промелькнуло в голове: " Говорил же старику, чтобы был в обозе. Суворовец...».

Увлекая за собой отходящих егерей, батальон врезался в гущу свалки. Понимали, что надо бить стремительно и как можно сильнее.

Данилов едва успел отбить штык французского grenадера, которого тут же свалил ударом приклада кто-то из егерей, как перед лицом мелькнул чужой клинок. Уклонившись, капитан не глядя отмахнулся шпагой и почувствовал, как она наткнулась на живую плоть. Под ноги, схватившись за голову, рухнул французский офицер. На его груди мелькнул крест ордена Почетного легиона. Данилов нагнулся и увидел открытые глаза француза. Слабой рукой он протянул Данилову свою шпагу...

Егеря бились остервенело. Французы не уступали, нашла коса на камень. Одним не хотелось уступать уже, казалось бы, такую близкую победу, другим, видевшим, как в первых рядах шли их командиры и сам полковник, не резон было отдавать эту самую победу равному по мужеству неприятелю.

В итоге все решил залп трех русских орудий, накрывших спешащих на подмогу к своим французских grenадеров. Картечь провизжала над головами дерущихся и ударила точно в середину колонны. Французы побежали. Егеря гнали их штыками и прикладами до леса. Четыре десятка пленных, в том числе, и французского майора, взятого Даниловым, казаки отконвоировали в штаб егерской бригады. Оба батальона 1-го егерского полка весь день были в деле

и потеряли более двухсот солдат и офицеров, но настроение у людей было приподнятое – в очередной раз они дали отпор врагу.

Сражение завершилось только ближе к полуночи. Атаки французов были везде успешно отражены. Их дивизии остановились. Задача арьергарда была выполнена – армия получила такую необходимую после непрерывных боев передышку и почти двое суток оставалась на месте между селом Усвяты и Дорогобужем. Штабные офицеры разъезжали по окрестностям и искали подходящую позицию для генерального сражения.

Казачьи полки Платова, проходя мимо Соловьево и Михалевки и посадив на своих лошадях раненых и оставших, вывезли их с поля боя и помогли им избежать плена. Донские полки постоянно имели стычки и перестрелки с преследовавшим их авангардом наполеоновской армии под командованием неаполитанского короля Мюрата. Его легкая кавалерия из дивизии генерала Брюйера – прусские гусары, польские уланы, французские конные егеря, состязалась с казаками в удали и воинском мастерстве. Брюйер был хорошо знаком с русской армией еще с 1799 года по проигранному французами великому Суворову сражению при Нови в северной Италии и по кровопролитной битве при Прейсиш-Эйлау в 1807 году. В эту компанию его дивизия под Островно сильно потрепала увлекшийся Ингерманландский драгунский полк. Он уже неплохо знал сильные и слабые стороны русских, но ничего не мог сделать с их казаками. Казаки в эту войну уже громили целые полки и даже дивизии (сражения у Мира и Романово) французской кавалерии, сами же не потерпели ни одного поражения, оставаясь надежной заставой для своей армии. Вот и сейчас, они появляются то тут, то там, не ввязываясь в большой бой, связывают бесполезной перестрелкой и не дают его дивизии подойти к главным силам русских. Эта игра в кошки – мышки уже осточертела. Когда же, наконец, русские остановятся и император даст им генеральное сражение?

КУТУЗОВ.

С первых же недель войны тучи над головой Барклая-де-Толли все более и более сгущались. Генерал Багратион, честолюбивый и действительно превосходный, военачальник, которого выделял сам Наполеон, конечно, был обижен решением императора Александра поручить общее руководство русскими войсками незаметному и уступающему ему ещё недавно в генеральском звании Барклаю-де-Толли. Он понимал, что силы русских и французов несопоставимы и победить захватчиков сейчас шансов почти не было, но обида жгла и толкала на несправедливые заявления в адрес главнокомандующего. Их несправедливость после Бородина признал сам выдающийся генерал в обращении к Барклаю. Но сейчас, Багратион буквально исходил ненавистью. Досталось от него и царю. «По-моему, видно Государю угодно, чтобы вся Россия была занята неприятелем. Думаю, что русский и природный царь должен быть наступательный, а не оборонительный – мне так кажется» – пишет он московскому губернатору Ростопчину, после того как узнал от Барклая, что отступление санкционировано Александром.

На Барклая клеветали флигель-адъютанты императора шляхтичи Потоцкий, Любомирский, Браницкий, брат царя-великий князь Константин и его окружение. Даже начальник штаба армии Барклая генерал Ермолов, прекрасно понимая критическое положение наших войск, интриговал за его спиной и вливал в поток несправедливых обвинений свою порцию желчи. При этом у каждого был свой резон. Багратион считал вправе занять место Барклая, шляхтичи не были бы таковыми, если бы не гадили России, Константин слишком доверял своему окружению, а Ермолов, умный и храбрый генерал, горячий патриот своей Родины («Никогда неразлучно со мной чувство, что Я – Россиянин» говорил генерал), в силу характера и при остроте своего языка язвил всегда.

Царь, понимая, что его военный министр с учетом подавляющего численного превосходства наполеоновской армии действует разумно, все-таки в душе надеялся на чудо. Очень хотелось верить, что его храбрая армия совершит невозможное – остановившись и дав генеральное

сражение, погонит французов на запад. Но чуда не происходило, а Наполеон уже занял Смоленск – ворота к Москве.

Уступая мнению своего окружения о смене командующего и учитывая недовольство армии и общества действиями Барклая, Александр 8 августа 1812 года по представлению специально созданного Чрезвычайного комитета в составе шести высоких сановников государства утвердил в должности главнокомандующего армией генерала от инфантерии князя М.И. Голенищева-Кутузова. Члены комитета отмечали, что «недеятельность в военных операциях» происходит от отсутствия единоначалия в действующей армии, сочли неправильным фактическое подчинение Барклаю старшего его по званию Багратиона и соединение должности военного министра и Главнокомандующего. Кандидатуры генералов Бенигсена, Палена, Багратиона и Торماسова Чрезвычайным комитетом были отвергнуты и император с этим согласился. В письме к своей сестре Великой княгине Екатерине Павловне от 8 августа он несколько лукаво жалуется на нерешительность Барклая, досадует на ссору военного министра и Багратиона, на опасно возрастающее негодование общества положением в армии. Позднее, в другом письме ей же, царь свое решение перед войной о назначении Барклая фактическим Главнокомандующим оправдывает его заслугами в предыдущих войнах с французами и шведами, тем более, что второй претендент – Багратион, «понятия не имеет о стратегии». Самому же Михаилу Богдановичу в ноябре 1812 года государь объяснил свое решение о его отставке недовольством оставлением Смоленска.

В обществе, в войсках назначение Кутузова было воспринято с восторгом. Важно, что Кутузов был русским, его хорошо знали в армии по участию в войнах против Турции под руководством Румянцева и Суворова. Удачно действовал Кутузов в Польше. Горький осадок от поражения русской армии, которой командовал Кутузов при Аустерлице, сглаживался его победой над турками на Дунае и заключенным выгодным миром с ними за несколько месяцев до вторжения Наполеона.

Как часто бывает, приход нового человека вселял надежду. Многоопытный, мудрый Кутузов мог остановить французов. Помнили, как он в 1805 году в тяжелейшем положении, уступая французам в численности войск, отходя к Аустерлицу, не только сохранил свою армию, но и успешно громил их части при Кремсе.

Неоднозначно назначение Кутузова было воспринято генералитетом русской армии. Барклай был обижен, но благородно воздержался от оценок и поклялся, что и впредь будет все делать для победы русского оружия. Позднее, правда, после Бородинского сражения, во многом незаслуженно стал критиковать Кутузова за его распоряжения во время битвы. Его оценка стала основанием для появления версии о поражении русской армии при Бородине. Багратион, целивший на пост главнокомандующего, был взбешен и в послании к московскому губернатору Ростопчину дал злобную и уничижительную характеристику Кутузову. Генерал Раевский в письме к жене намекал, что смена командующего может ухудшить положение армии. Генералов Милорадовича и Дохтурова смущал в Михаиле Илларионовиче талант ловкого царедворца. Что касается чинов, генералы вообще народ очень ревнивый. Поэтому не будем их судить слишком строго. Все они были героями и внесли огромный вклад в разгром наполеоновских полчищ, но за победу в войне 1812 года почетнейший титул – «Спаситель Отечества», по праву получил именно М. И. Кутузов.

Утром 11 августа, отстояв на коленях молебен в Казанском соборе, Кутузов выехал в армию. Весь путь он изучает карту, отдает распоряжения и твердит: " Господи! Донеси меня здорового до места моего назначения, сохрани армию до того времени в целости! Об одном молю, благоволи мне застать Смоленск еще в наших руках, и врагу России тогда не бывать в первопрестольном граде ея!»

По дороге он встречает Бенигсена, направлявшегося в Петербург с жалобой на Барклая и тайной надеждой на свое назначение на должность Главнокомандующего, упрощает его

вернуться и возглавить Главный штаб. Служить под началом, по убеждению Бенигсена, как минимум равного себе Кутузова не очень приятно, но он согласился. Однако, с этого момента отношения между двумя генералами постепенно начинают портиться.

Узнав о сдаче Смоленска, Кутузов воскликнул: "Ключ от Москвы утерян!"

В субботу, 17 августа, прибыв в Царево-Займище, где Барклай решил дать генеральное сражение, Кутузов принял от него командование армией. Осмотрев вместе с ним выбранную для сражения позицию, выслушав доклады генералов, поняв, что войск все еще недостаточно, а позиция негодна, новый главнокомандующий отдал приказ об отступлении на восток навстречу к пополнениям, которые вел к армии генерал Милорадович.

Этот приказ войсками был воспринят спокойно. Армия верила Кутузову – он был свой. Каждый день вступая в ожесточенные схватки с противником, солдаты и офицеры видели насколько еще силен Наполеон и многочисленны его силы. Но уныние от отступления пропало и все больше в людей вселялась убежденность в грядущей победе над врагом.

Три потока французских войск сдерживали арьергарды: на севере – генерала Крейца, в центре – генерала Коновницына, на юге – генерала Сиверса. 1-я армия отступала по Новой Смоленской дороге, Вторая – по Старой Смоленской дороге.

Два егерских полка арьергарда, в том числе и полк капитана Данилова, получили приказ выдвинуться вперед и занять оборону в лесу за Гжатском и удерживать неприятеля до тех пор, пока по мосту через реку Гжать, протекавшей по городу, не пройдет весь арьергард генерала Коновницына. Рота Данилова вначале расположилась как раз у этого самого моста. Егеря срубили несколько толстых берез, чтобы после прохода своих войск перегородить деревьями дорогу и въезд на мост. Помогали солдаты из пионерной роты, которые должны были переправиться последними и зажечь мост. Потом полк вышел из города и занял позиции у дороги в лесу.

Прошла артиллерия, пехота, гусары. Проехал сам Коновницын со своим небольшим штабом. Лицо его было спокойно. Из-под шляпы выглядывал неизменный ночной колпак. Спросил у егерей:

– Удержите француза, ребята?

Солдаты загалдели:

– Не впервой, Ваше высокоблагородие. Понимаем. Подсыпим ему угольков, чтобы покрутился как черт на сковородке!

– Надо потерпеть. Вот вам и казаки с драгунами помогут- показав своей потухшей трубкой на строящуюся справа конницу и проезжая дальше, сказал генерал. Отец пятерых детей, нежно любящий свою супругу Анну Ивановну, беззаветно храбрый, и в то же время разумный и распорядительный в бою, Петр Петрович никогда не уступал поле сражения врагу, не будь на это приказа.

Уже через четверть часа перед полком показались французы. Они сразу на небольшом пригорке развернули батарею и выпустили несколько картечных залпов по лесу, в котором засели егеря. Затем большими группами в лес втянулись их стрелки, а на дороге появилась французская кавалерия.

Вольтижеры быстро наводнили лес и он посинел от их мундиров. Казалось, за каждым деревом и кустом, за каждой кочкой засел француз. Невысокие, смуглые стрелки, очень ловко и быстро перезаряжая свои ружья, постоянно меняя позиции, обрушили град пуль на егерей. Две из них сбоку прошли ранец Данилова. Французы стали обходить роту. Их штыками отогнали соседи. Огневой бой прерывался короткими рукопашными схватками. Стволы ружей и нарезных штуцеров егерей раскалились от частых выстрелов и их огонь стал не столь метким. Французов же становилось все больше и больше. Егеря начали откатываться назад. Чтобы не оказаться в окружении, Данилов распорядился отходить к предместью, где полк начал зани-

мать новую позицию. Отстреливаясь, рота бегом покинула лес. Пробежав две сотни метров, егеря залегли у реки. Отдышавшись, кто лежа, кто с колена, кто стоя солдаты на выбор начали отстреливать выходящих из леса французов. Те отвечали, правда, без особого успеха и готовились сходу захватить мост. В этот момент по ним и ударили казаки и московские драгуны, которые были спрятаны до поры, до времени за домами у моста. Французы побежали. Кавалеристы преследовать их не стали, тем более, что на их фланг стали выезжать не менее двух бригад французских гусар, драгун и конных егерей. Ускоряя свое движение, они вышли к реке и старались отрезать от нее казаков и драгун. Закипел неравный кавалерийский бой. Удалось отбиться, но пришлось вброд уходить на другой берег Гжати. Город уже стал затягиваться дымом, кое-где над крышами домов показались языки пламени. Лишь главную улицу, по которой уходили войска, пожары пока не затронули.

Данилов увидел на мосту командира полка, о чем-то говорившим с пионерным офицером. Потом полковник замахал рукой, показывая, что надо переходить мост, а рядом стоявшие с ним барабанщики ударили «сбор». Вестовой галопом поскакал вдоль позиции полка оповещая об отходе. Полк по мосту быстро стал переходить реку и втягиваться в горящий город.

Егеря выволокли на дорогу березы и свалили их перед мостом. Французская кавалерия пошла было в атаку, но наткнулась на препятствие, замешкалась и под огнем егерей откатилась назад. Вперед побежали пехотинцы, стали разбирать завал. В это же время пионеры под прикрытием егерей залили мост горючей жидкостью, забросали мешками с паклей и щепками и зажгли. Французы вели по ним шквальный огонь, но никто из героев не был убит. Лишь их командир – молоденький поручик, ухившийся последним получил пулю в плечо.

Французские кавалеристы вброд стали переходить Гжать и вслед за егерями вошли в центр города. Оставив пушки и повозки на своем берегу, неприятельская пехота через полуразрушенный и продолжавший гореть мост стала пробираться через Гжатск. Почерневшие от дыма егеря, цепляясь за каждый дом и переулок, отстреливаясь от наседавших врагов вышли из города. Там, у деревни Лескино, их ждала смена – пехотный, Сибирский драгунский и два казачьих полка с артиллерией.

На этот отряд вывел свою часть арьергарда дважды до этого избежавший окружения генерал барон К.А.Крейц. Преследовавшие его 13 эскадронов баварской кавалерии у Лескино попали в мешок, были разгромлены и отброшены.

Поздним вечером, объезжавший расположившихся на ночевку егерей полковник, поздравил Данилова с представлением к награждению за участие в боях к ордену Св. Владимира 4-й степени.

Бои у Гжатска задержали французов и позволили русской армии немного отдохнуть и привести себя в порядок, а Кутузову – осмотреться, оценить реальное положение дел в войсках.

18—19 августа в Гжатск генерал М.А.Милорадович привел 15 с лишним тысяч рекрутов, которые были распределены по полкам. Численность армии возросла до 113.000 человек и она стала готовиться к битве. Но, осмотрев ранее избранную Барклаем позицию для генерального сражения у Гжатска, Кутузов и ее счел невыгодной. Последовал новый приказ об отходе.

---

21 августа армия подошла к Колоцкому мужскому монастырю. Заложенный в 1413 году на земле Можайского княжества, он много повидал на своем четырехсотлетнем веку. Проходили мимо, осаждали, рушили его стены татары, литовцы, поляки, свои русские князья во времена междоусобиц, но он стоял, расширялся заботами монахов и окрестных крестьян. Теперь пришло время повидать новых пришельцев.

Армия прошла мимо обители. Солдаты и офицеры задерживали шаг, с восхищением разглядывали ее разноцветные, блестящие на солнце купала, стены, крестились, некоторые

про себя просили у Господа удачи в ратном деле, спасения от ран и смерти, другие обещали скоро вернуться.

Гренадер Казанцев вспомнил, как отец и мать водили его с братьями и сестрами в храм в соседнем селе, когда-то принадлежавшим фавориту Петра Великого – Александру Даниловичу Меньшикову. Перед глазами встали заросшая по берегам ивами тихая речка Абица (современная Битца) под горой, табун пасущихся на заливном лугу лошадей из расположенных у села царских конюшен, желтые поля ржи и овса в округе, подмосковные дали с синеющими на горизонте лесами. На холме над рекой возвышаются старинная церковь Святителя Николая с колокольной под голубыми куполами. Вспомнилось, как причащал его строгий, но с добрыми глазами батюшка, а в окна храма пробивались снопы солнечного света и высвечивали потемневшие от времени, в золотых и серебряных окладах лики святых. Потом он, вернувшись в свое Жуково, сидя на бревнышках под раскидистым, пламенеющим гроздьями кустом бузины со своими босоногими друзьями, рассказывал им, как батюшка читал молитву, потчевал его сладким виноградным вином и просфорой, а где-то наверху красивыми голосами пели невидимые певчие... Казанцев даже плечами передернул от этих сказочных воспоминаний. Вытер кулаком увлажнившиеся глаза и тайком осмотрелся – не видел ли кто его слабины. Сейчас не до этого. До Москвы осталось совсем немного. Надо быть строже и сильнее, нельзя давать спуску ни себе, ни французам, которые поганят родную землю.

Теплая ладошка дотронулась до мозолистой пятерни Казанцева.

Рядом с корзиной яблок в руке шагала синеглазая девушка – Люба Звонарева.

– Возьмите, – предложила Люба, протягивая корзинку Казанцеву. – Не так пить будет хотеться. Мне их сейчас целую корзинку в селе дали.

– Спасибо тебе, «василек».

Растроганный неожиданной заботой, Казанцев осторожно выбрал самое зеленое и захрустел. Остальные все до единого Люба раздала другим солдатам...

Еще под Смоленском рота Доборшина приняла в свои ряды «нежных рекрутов», как, посмеиваясь, солдаты называли двух особ женского пола – голубоглазую шестнадцатилетнюю Любу Звонареву и ее тетку Варвару Степановну, женщину крупную и строгую. Обе выходили из горящего Смоленска. Французская граната убила родителей Любы и спалила их дом. Тетка была вдовой, приживала в этом же доме у своего брата – отца Любы. Когда случилась беда, обе женщины собрали в узлы вещички, которые успели вынести из пожарища, и ушли из города вместе с армией. Через три дня они, смертельно уставшие и голодные, сидели у обочины дороги и безразлично взирали на проходившие мимо войска.

Полк остановился. Было приказано варить кашу и отдыхать. К женщинам подошли унтер-офицер Сеницын, Доборшин, Жуков и Казанцев. Сопровождал их лохматый пес. Солдаты поздоровались. Сеницын спросил:

– Куда путь держите, горемычные?

– Три дня уже идем. Из Смоленска к родне в город Гжатск – отвечала Варвара Степановна, – спасаемся от басурманов.

– А далеко ли этот Гжатск будет? Мы, вроде, туда же направляемся.

– Уж пол пути прошли. Наверное, не дойдем. Сирота вот, совсем из сил выбилась.

И тетка, плача, стала рассказывать о пережитом за эти страшные дни.

Солдаты слушали и у них темнели глаза и невольно сжимались кулаки.

Сеницын подошел к поручику и попросил разрешения накормить несчастных.

Слышавший весь разговор, офицер распорядился накормить беженков и довезти их, если они не возражают, на обозной телеге до города.

Всеобщий любимец – ротный кобель, получивший от солдат, к неудовольствию Сеницына, кличку Кузя, никогда не упускавший случая подраться с деревенскими собаками, а во время боя околачивавшегося в боевых порядках гренадеров и убежавшего в тыл лишь

при близком грохоте артиллерии, сразу проникся теплыми чувствами к женщинам, взял их под свою опеку. Сперва он несколько раз лизнул Любину руку, а когда получил ответную ласку, весело замел хвостом. Он внимательно следил за проходящими мимо чужими, иногда даже начинал рычать и лаять. Снисходительно относился лишь к знакомым солдатам и особенно выделял унтера Сеницына, по странному совпадению носившего имя Кузьма. Пес всегда ночевал рядом с унтером, с удовольствием выполнял его команды, угощение позволял себе брать только из его рук, все понимал. Одно время, пока обоим это не надоело, почему-то даже пристрастился сопровождать унтера, когда того прихватывала нужда. Солдаты ржали и втихомолку судачили – «скоро Кузя и Кузьма разговаривать начнут друг с другом.» Но мало кто знал, что любовь Кузи к унтеру возникла после того, как прошлой осенью Сеницын вытащил этого бродячего пса из-под еще неокрепшего льда, куда, направляясь в соседнюю деревню к своим друзьям и подружкам, тот провалился, неосторожно перебегая речку.

С появлением женщин хвостатый Кузя на время оставил тезку. Кузя на удивление не пришел к своей глиняной миске с кашей. Унтер даже стал слегка ревновать. Считая, что никто не видит, незаметно для женщин он похлопывал рукой по своей мускулистой ляжке и манил кобеля рукой, округлял глаза, улыбался, даже слегка посвистывал. Кобель туманил грустью свой взор, но не шел. Не помогла и здоровенная кость, показанная ему Кузьмой по совету Казанцева.

Унтер подошел к женщинам. Посматривая на пса, спросил:

– Поели?

– Спасибо, служивый. Кашей накормили. Слава богу. Даже, вот, собачку угостили – Варвара Степановна потрепала ухо Кузи.

– Наш командир разрешил подвести вас на телеге, если вы, конечно, не против. Отдохнете, а там видно будет. Вы ведь в Гжатск идете?

– Туда. Ой, спасибо, родимые. Обузой не будем. Еду вам сготовим, бельишко постираем, если надо.

Кузьма под наблюдением пса усадил беженок на телегу, протянул им пол каравая хлеба, кусок сала. Фурштатному наказал особенно не трясти.

Прозвучала команда строиться. Полк двинулся на восток. Рядом с Сеницыном привычно рядом бежал Кузя, гордо поглядывавший на своего доброго хозяина.

Прошли Царево-Займище, потом покинутый жителями Гжатск. Как-то само-собой получилось, что Люба со своей теткой стали своими, занимались хозяйством в роте, чинили и стирали солдатское белье, научились на костре готовить еду и даже одним своим присутствием повышали у солдат и офицеров настроение. Батальонное и полковое начальство как бы их и не замечало – было полно других забот. Правда, командир батальона как-то на привале намекнул своим орлам – «беженок не обижать, а то шкуру спущу.» Мог бы и не говорить. Каждый солдат стремился словом и делом угодить Любе и ее тетке. А те уже и привыкли к армейской жизни, а уходить было некуда и не к кому.

Казачий полк арьергарда генерала Коновницына, в котором служил есаул Кузнецов, последние дни проводил в постоянных стычках и боях с наседавшими французами. Два дня они простояли у Гжатска, а затем навалились на арьергард русской армии. Когда 24 августа показались колокола Колоцкого монастыря и казаки отбивали яростные атаки кавалерии корпуса генерала Груши и пехоты Богарнэ, основная армия уже располагалась на бородинских позициях. Было необходимо дать ей время на построение укреплений и размещение войск, позволить принять подходящие из тыла полки Московского ополчения (Москва вообще в 1812—1814 годах выставила 72 тысячи ополченцев или почти четверть всех русских ратников, Тула и Калуга – по 16 тысяч, С.-Петербург – 15 тысяч).

С запада грозно надвигались колонны неприятельской пехоты и кавалерии. В лучах солнца живописно сверкали латы, каски, колыхались знамена, рябило в глазах от разноцветных нарядных мундиров. Некоторые колонны шли с музыкой под барабанный бой. Впереди катились цепи стрелков и легкая кавалерия. После Гжатска французы стали заметно торопиться – манила Москва, а там и конец победоносного похода. Так говорил император и армия ему верила.

Французы наседали как никогда раньше. Русские егеря отстреливаясь, откатывались к стенам монастыря и дальше. Поддерживающие их казаки в пылу ожесточенного боя нередко теряли позиции, перемешивались с уланами, гусарами, драгунами, бывало стреляли и по своим. Не было никакой возможности отдышаться. Бились уже не полком и не сотнями, а отдельными группами. Лишь благодаря невозмутимости Коновницына порядок восстанавливался и перед французами снова возникала непробиваемая стена русских.

Вот и сейчас, после злой сшибки с саксонским шеволежерским полком, казаки собрались, выдвинули на дорогу полуроту своей конной артиллерии и вместе с пехотой полк вновь был готов к отражению атаки.

С пригорка перед деревней Валуева в эскадронных колоннах стали сползать вниз французские кирасиры, а за ними – итальянские конно-егеря. Набирая ход и не обращая внимания на град пуль кавалерия приближалась к русской батарее. В этот момент ей во фланг ударил второй батальон Изюмского гусарского полка. Гусары, одетые в красные доломаны с накинутыми на левое плечо синими ментиками, похожие формой на французских гусар, врубались в ряды конно-егерей. Удар был неожиданным. За спинами кирасиров и поднятой ими пылью итальянцы не видели поле боя и не сразу рассмотрели атаку гусар. А когда поняли кто перед ними, было уже поздно. Гусары сразу смяли не успевших перестроиться конно-егерей, рубили саблями и кололи пиками, а затем и погнали вспять, полностью разгромив эскадрон 3-го итальянского конно-егерского полка.

Кирасир приняли казаки, которых повел в атаку лично донской генерал Краснов. Генерал сразу был сражен ядром, которое оторвало ему ногу. Разъяренные этой потерей казаки не только остановили французов, но и вместе с изюмскими гусарами отбросили их до порядков итальянской пехоты. Попутно были разгромлены 2 эскадрона 11-го гусарского полка французов, пытавшихся помешать преследованию казаками их тяжелой кавалерии. Трофеем Кузнецова стал мушкет великолепной работы, который уронил ускользнувший от есаула гусар.

Очень эффективно действовала русская артиллерия, расстраивая французские колонны и срывая их попытки атаковать. С господствующих высот пушки и единороги вели огонь по всему фронту неприятеля.

Коновницыну было приказано отходить. Офицер-квартирмейстер из Главного штаба указал генералу направление движения в сторону села Бородино.

Получив отпор на центральном участке, французы остановились. Центр русского арьергарда начал отступление по Новой Смоленской дороге по указанному направлению. Его северная группировка под командованием генерала барона Крейца, избежав окружения значительно превосходящими силами итальянского вице-короля Богарнэ, направилась в сторону села Бородино; южная, генерала Сиверса 1-го, отбивая атаки польского корпуса и смещаясь к северу, отходила через деревню Ельня к Шевардину.

Казачий полк, оставляя разъезды, повернул на восток. Сотня Кузнецова шла за снятой с позиции артиллерийской ротой. Французское ядро с воем пронеслось рядом с Кузнецовым. Тугая струя горячего воздуха сбросила есаула с лошади. От сильной боли в левом плече и удара о землю Кузнецов потерял сознание. Очнулся он в телеге. Сразу почувствовал запах свежей травы, охапками набросанной в телегу. Рядом шагом ехали его казаки.

– Ожили, Ваше высокоблагородие?

– Вроде бы, да.

– Француз Вас ядром слегка зашиб. Еще наших двоих убил. Так что, Вас Бог миловал. Вы лежите пока. У нас порядок. Скоро уже до наших дойдем. Вон, видите, у той деревни стоят? – Вагин показал рукой вперед на два десятка изб в версте от дороги.

За деревней на небольшом пригорке возводилось укрепление, вокруг которого колыхались большие массы людей. Войск было много и чувствовалось, что армия основательно готовится к большому сражению.

«Ну, вот и дошли. Надо идти в строй " – ощупывая плечо, подумал Кузнецов и приказал подвести коня.

ШЕВАРДИНО.

С 22 августа 1812 года русская армия в составе 120 тысяч человек, из которых 10 тысяч (некоторые историки говорят о 25.000 -33.000) были слабо обученные и плохо вооруженные ополченцы, а также 7.000 казаков, стала постепенно занимать позиции южнее Москвы-реки от деревни Маслово и далее на юго-запад до деревни Шевардино. В центре, на Новой Смоленской дороге и берегу реки Колоча, расположилось село Бородино. Левый фланг армии опирался на деревню Доронино. Примерно в 800 метрах восточнее нее и южнее деревни Шевардино был спешно возведен пятиугольный редут на 3 орудия. По его сторонам расположились примерно 30 орудий из трех артиллерийских рот. На редуте, сзади и левее него в батальонных колоннах встали 4 пехотных полка 27-й дивизии Неверовского (первая бригада генерала А.Я.Княжнина -Симбирский и Виленский полки, вторая бригада генерала М.Ф.Ставицкого – Одесский и Тарнопольский полки). За ними в резерве выстроились батальоны 2-й сводно-гренадерской дивизии генерала М.С.Воронцова. Левее пехоты во второй линии уступом выстроились полки 2-й кирасирской дивизии. По линии Доронино-Шевардино-Алексинки, а также на дороге из села Ельня в деревню Утица, протянулись стрелковые цепи нескольких егерских полков, в том числе 49-го и 50-го из дивизии Неверовского. Справа и слева редута расположились две драгунские бригады по два полка в каждой Четвертого резервного кавкорпуса генерала К.К.Сиверса. У Шевардино в кустарниках и в самой деревне позиции занимал 5-й егерский полк полковника Ф.Г.Гогеля 2-го. Южнее редута уже в ходе сражения под прикрытием двух эскадронов Ахтырского гусарского полка были установлены 8 орудий девятой конно-артиллерийской роты из арьергарда Сиверса. Еще 4 орудия 21-й легкой артиллерийской роты во время боя были размещены за редутом примерно в одной версте к востоку. Эти войска, 8.000 пехоты и 4.000 кавалерии, составившие крайний левый фланг 2-й Западной армии Багратиона, возглавил генерал -лейтенант А.И.Горчаков 2-й (племянник Суворова, участник Итальянского и Швейцарского походов. В 1807 году при Фридланде, его брат командовал правым флангом русской армии и до последнего отбивал атаки французов). Наготове в качестве ближайшего резерва перед деревней (или, судя по окончанию названия, селом) Семеновское стояла 2-я гренадерская дивизия (5.300 человек).

Одновременно с шевардинским редутом многочисленные укрепления для артиллерии и пехоты возводились у Маслово, Бородино, Горок, на Красном, так издавна его называли местные жители, холме (Курганная батарея или Батарея Раевского). Примерно в версте западнее Семеновского строились несколько люнетов, чаще называемых Багратионовыми флешами. В самой деревне и за ней также оборудовались серьезные укрепления. В обширном и болотистом утицком лесу рубились труднопроходимые засеки. Кутузовым, великолепно разбиравшимся в правилах фортификации, создавалась продуманная и мощная оборонительная линия. Работа шла медленно, в первую очередь, из-за нехватки шанцевого инструмента и усталости войск. Тяжелая, с камнями, почва еле-еле поддавалась киркам и лопатам, но дело, все-таки, подвигалось.

После боев в районе Колоцкого монастыря главные силы наполеоновской армии, двигаясь по Новой Смоленской дороге, каждый день ожесточенно атаковали арьергард русской армии под командованием Коновницына. Его правое, северное, крыло генерала Крейца между

дорогой и Москвой-рекой теснили войска Богарнэ, а левое – отряд генерала Сиверса, на Старой Смоленской дороге с трудом отбивалось от поляков Понятовского. Армия Кутузова с 22 августа встала на бородинских позициях и через два дня войска Коновницына, уже не в силах сдерживать массы неприятельской кавалерии и пехоты, присоединились к ней. Центральная группировка французской армии вслед за русским арьергардом вышла к Колоचे и двигалась по ее левому берегу по направлению к Бородино. Русская артиллерия и егеря с правого берега реки начали обстрел французских колонн. Непредвиденные потери разозлили Наполеона и, осмотрев местность, оценив угрозу своему правому флангу, он приказал отбросить русских. Кавалерия Мюрата, 3 пехотные дивизии из корпуса Даву (30.000 пехоты и 10.000 кавалерии) к полудню 24 августа форсировали Колочу, последовательно вышли на ее правый берег. С юга, свернув со Старой Смоленской дороги, со стороны деревни Ельня наступал Понятовский. В два часа дня поляки сходу пошли в атаку, но были отбиты орудийным огнем, несколько их колонн были смяты киевскими драгунами и ахтырскими гусарами. Казаки генерала А.А.Карпова на Старой Смоленской дороге несколько раз прогоняли польскую кавалерию. Новороссийский драгунский полк по приказу командира 4-го кавалерийского корпуса генерала Сиверса неоднократно атаковал вражескую пехоту, не давая ей приблизиться к редуту с левого фланга.

Французская пехотная дивизия Компана (10.400 человек) из корпуса Даву, вытеснив после ожесточенного боя русских егерей из Доронино, заняла возвышенность напротив редута и с 250 метров начала интенсивный обстрел его защитников. Выдвинутая на высоту батарея из 8 орудий наносила серьезные потери русским, сносила брустверы редута, выводила из строя пушки и прислугу. Всего же огонь по защитникам редута вели 136 орудий и удерживать позиции под непрерывно посылаемыми ими тучами ядер, гранат и картечи было невероятно трудно. Четыре пехотные полка Компана атаковали дивизию Неверовского. Еще две французские пехотные дивизии ударили с северо-запада в стык между редутом и Шевардино и после ожесточенного штыкового боя сумели захватить деревню. Навстречу французам, граду пуль и снарядов с музыкой и песнями пошел Тарнопольский пехотный полк. Зрелище было невиданное! С переменных успехом закипел жестокий рукопашный бой. Но силы были неравны и Компан занял редут. Дважды русские пытались выбить врага, но безуспешно. Около 7 часов вечера подоспевшие полки 2-й гренадерской дивизии вместе с егерями и пехотой Неверовского бросились снова отбивать укрепление. А кирасиры, драгуны и Ахтырский гусарский полк атаковали французов у деревни. Особенно отличились кирасиры Глуховского и Малороссийского полков из Второй кирасирской дивизии генерала Дуки, которые не только выбили неприятеля из Шевардино, но и захватили несколько его пушек. Гренадеры мощной штыковой атакой очистили редут и деревню, полностью истребив один из французских пехотных батальонов. Несмотря на серьезное численное превосходство противника, русские войска вернули свои прежние позиции.

Бой шел и севернее Шевардино на правом берегу реки Колоча. Пехотная дивизия генерала Паскевича несколько раз ружейным и артиллерийским огнем отбивала атаки французов, которые со стороны деревни Алексинки пытались отрезать защитников шевардинского редута от главных сил русской армии. Получив серьезный отпор, неприятель свои попытки был вынужден прекратить.

Вторая гренадерская дивизия стояла у деревни Семеновское. Грохот боя у шевардинского редута звучал все сильнее. Было понятно, что в сражение вступают все новые и новые войска. Жарко горела деревня Шевардино, клубы порохового дыма застилали все пространство вокруг редута. Периодически ветер доносил гул людских голосов, русское «ура» смешивалось с французским «Vive l'empereur». Что происходило у редута было почти не видно, но все отчетливо понимали – там очень жарко и бой кипит не на жизнь, а на смерть.

В сторону командира дивизии галопом проскакал гусар-ординарец. Уже через несколько минут мимо москвовцев ускоренным шагом в сторону редута пошел Фанагорийский гренадерский полк. Офицеры торопили солдат, которые на ходу поправляли амуницию, оружие и уже почти бежали.

– Пошли, соколики, крестить француза, – проговорил Жуков. – Поди и до нас дело скоро дойдет».

– А мне уж не терпится, – отозвался Казанцев. – Кулаки чешутся. Надоело бегать. Доборшин, ты португею ослабь немного, легче будет идти. А то задохнешься, когда вперед двинем. Доборшин послушался бывалого солдата, ослабил ремни.

Подошел унтер-офицер Синицын. Солдаты поднялись с травы. Унтер придиричиво осмотрел солдат, особенно молодых. Проверил, хорошо ли укреплены штыки на ружьях. Сделал общее наставление:

– Если пойдем на француза, не отставать. Помните, стрелять только по команде. Наше главное дело – штык. Помните как турок гоняли в последнюю компанию? Бить как учили – на коротком выпад сверху в живот или в грудь под ремни. Потом, если сможешь, еще и приклад дерни вниз. Самый верный удар. Чувствуй локоть товарища. Иначе окружат и либо убьют, либо возьмут в полон, что не лучше.

Прошел командир роты и встал перед своими гренадерами. Крикнул:

– За первой ротой! В колонну! Стройся!

А через минуту:

– Вперед! Шагом! С Богом, ребята!

Справа, слева, сзади двинулись остальные колонны Московского гренадерского полка. Впереди с небольшой свитой шагом ехал сам князь Багратион и рядом с ним – командир всей бригады и одновременно Московского гренадерского полка генерал-майор И.Я.Шатилов.

К Шевардину под грохот барабанов ринулись также Сибирский, Малороссийский, Киевский и Астраханский гренадерские полки. В какой-то момент они сравнялись с москвовцами и вышли вперед.

Перешли вброд мелкую речушку Каменку. Навстречу гренадерам группами отступали пехотинцы 27-й дивизии и егеря. Офицеры быстро навели порядок и поставили их в строй. Прошли расположенную на небольшом пригорке батарею, которая вела огонь по захваченному редуту и сразу после этого попали под вражеский артиллерийский огонь. Завизжала французская картечь. Неприятельская пехота вокруг редута строилась в боевой порядок. Зачастили ружейные залпы. Все чаще падали гренадеры.

Вперед выехал командир шевардинского отряда генерал -лейтенант А.И.Горчаков, указывая шпагой направление атаки – Шевардино и редут. Метров за сто до противника москвовцы остановились и дали ответный залп. Тотчас забили барабаны, взметнулись развернутые батальонные знамена с черным крестом, красными углами и знаками отличия, в том числе за компанию с Суворовым в Италии в 1799 году и взятие французских знамен. Гренадеры бегом устремились на врага. Французы попытались вступить в рукопашную, да куда там! Остановить гренадер уже было невозможно. Работали штыками как учили. Отборная тяжелая русская пехота смела французов с редута, выгнала из догоравшей деревни. Был полностью уничтожен один из батальонов французского 61-го пехотного полка. С фланга гренадер поддержали кирасиры и драгуны, успешно атаковавшие несколько каре 111-го линейного полка из дивизии Компана. Лишь подоспевший испанский пехотный полк «Жозеф Бонапарт» ружейным огнем смог спасти французов от полного разгрома. Русские прекратили преследование неприятеля только тогда, когда справа на фланге вновь показались густые колонны сразу двух неприятельских пехотных дивизий Морана и Фриана из корпуса Даву и кавалерия Мюрата, а путь перегородил глубокий овраг у западной окраины Шевардино.

Расположившиеся по-соседству фанагорийцы подходили, рассказывали :

– Вовремя вы, братцы. Здорово нас француз зажал. Невмоготу было. Беда. А тут – вы! Да еще кирасиры с драгунами примчались. Побили нехристей – страсть. Вон их сколько лежит. Хорошо им поддали! Нашего брата тоже много переколотили.

Во Второй гренадерской дивизии в шевардинском бою наибольшие потери понесли Сибирский и Киевский полки, а Фанагорийский гренадерский полк в этот день потерял убитыми и ранеными вообще треть людей, были переранены почти все офицеры, некоторые – по несколько раз. Но свою задачу полк выполнил. Также как выполнили ее пехотинцы Неверовского, драгуны и гусары генерала Сиверса, кирасиры Дуки и казаки Карпова, полки всей Второй гренадерской дивизии генерал-майора принца Карла Мекленбургского. Двадцать тысяч русских сдержали атаки 40 тысяч наполеоновских солдат. Потери у обеих сторон были примерно равны. Храбро сражались наполеоновские солдаты, несколько раз вступали в редут. Но они так и не смогли захватить его до тех пор, пока русские по приказу сами не покинули его, не удалось им прорвать фронт русской армии, которая, благодаря героическим действиям войск Багратиона, успела утвердиться на основных бородинских позициях.

Шевардинский редут был разрушен. Брустверы из-за попаданий сотен снарядов оплыли, корзины с землей разбиты, ров, все пространство внутри и снаружи укрепления завалено телами людей и лошадей, сломанным оружием, обломками зарядных ящиков и лафетов орудий. Защищать, по-существу, уже было нечего.

Уже поздним вечером французская пехота и «красные» польские уланы вновь попытались атаковать отходившие русские войска. Догоравшие стога сена на полях и тлеющие развалины шевардинских изб лишь слабо освещали окрестности. В полумраке неожиданно где-то рядом ударили барабаны, зазвучало «Ура», послышался топот марширующих войск. Французы застыли на месте, не понимая, что происходит и откуда ожидать удар. На самом деле, это один из батальонов Одесского пехотного полка по приказу Горчакова, устроил спектакль, маршируя на месте, стуча в барабаны и издавая громкий боевой рев, ввел храбрых французов и улан в ступор. Одураченные наполеоновские солдаты, не видя противника, стали беспорядочно отстреливаться в разные стороны, убивая и ранив друг друга. В этот момент в них врезались русские кирасиры Глуховского и Малороссийского полков и в штыки ударил Симбирский пехотный полк. Оставляя пушки, французы отхлынули к Шевардину, уланы поспешили укрыться за редутом.

Вероятнее всего, после скоротечного отступления арьергарда Коновницына, быстрого выхода войск Мюрата и Даву на правый берег Колочи и начала боя у Доронино, Кутузов стал расценивать шевардинскую позицию как промежуточную. Основные укрепления возводились в паре верст восточнее. Ввязываться в генеральное сражение сейчас было преждевременно и в бою за шевардинский редут было использовано относительно немного войск. Главной задачей становилась теперь защита фронта по линии Маслово – Горки – Бородино – Семеновское – Утица. Шевардинский редут свое предназначение выполнил – стремительное наступление Наполеона последних дней было остановлено, время для укрепления главной позиции выиграно. Главнокомандующий отдал приказ шевардинскую позицию оставить.

– Насилу нашел Вас, барин! Столько солдат кругом, да пушек, да лошадей, господ – голова кругом идет. Хорошо служивые подсказали, где егеря стоят. – перед Даниловым со снятой шапкой, в армяке, из-под которого горела ярко-красная рубаха, стоял его дворовый Алешка, с которым в ребячьих играх он провел все детство, набил много шишек и постигал науку жизни, которой после очередной проказы не скупясь розгами обучал батюшка, положив обоих на одну скамью. Отец, будучи унтер-офицером гвардии, за проявленную храбрость в войне с пруссаками еще при матушке-императрице Елизавете заслужил офицерский чин. Потом в битве при Кагуле под знаменами фельдмаршала Румянцева-Задунайского был ранен янычарской пулей во время турецкой войны, в сорок лет вышел в отставку и женился на милой

и доброй дворяночке, проживавшей вместе с родителями в Москве у Никитских ворот. Зимой те всегда на лето уезжали в ближнее подмосковье, где владели деревней Жуково с полусотней дворов. Место было живописное. Под окруженным полями холмом, на котором раскинулась деревня, протекала тихая и чистая, поросшая по берегам ивами, река Абитца. С другой стороны деревни, в полуверсте, начинался большой смешанный лес. Несмотря на размеры, в нем не было буреломов, протекали ручьи, били родники, вкуснее воды из которых было трудно себе представить. Грибной дух, ароматы цветов, листьев, земляники на опушках, сладко кружили голову. Путешествия по лесным тропинкам наполняли душу радостью. Обширное поле и овраг с ручьем отделяли Жуково от села Ермолино с церковью Николая Чудотворца, купола которой с золочеными крестами были хорошо видны из господского дома Даниловых.

Жуково чудом устояло во времена Смуты после погромов, учиненных по всей округе поляками и ватагами казаков. По причуде барина, насмотревшегося разных диких в Германии, было решено разбить фруктовый сад. Из-под Курска был привезен целый воз саженцев яблонь, груш и вишен и теперь каждую весну Жуково утопало в бело-розовом облаке цветения. Там и родился, под перезвон призывавших к заутрене церковных колоколов, Сашенька Данилов, ныне капитан и командир роты егерского полка русской армии. А тремя годами позже Бог дал счастливым родителям еще одного сына, нареченного ими гордым именем – Владимир.

– Как же ты сюда попал-то, Алешка?

– Вчера пришел с ополчением. В Москве знают, что армия рядом, вот ваша матушка и направила проведать Вас. Вон и телега моя с припасами стоит – и кивнул на стоявшую под начинавшей кое-где желтеть липой запряженную рыжей лошадкой повозку с уложенными сверху разными корзинками и кульками. Из-под холста выглядывала перина и подушка.

Данилов рассмеялся:

– Ну, теперь заживем. А где матушка, в Москве?

– Когда уезжал, собиралась в Жуково. Из Москвы народ потянулся от греха подальше. Если позволите, барин, я пока на день, на два у вас останусь, а потом в деревню махну.

– Ну что же, оставайся. Только если вдруг бой будет – сразу уезжай. А телегу – в обоз, вон видишь стоит? Скажешь, что я прислал – они распорядятся.

Подумал, что до выздоровления своего денщика Ефрема, из-за большой убыли в полку нового вряд ли дадут. В предстоящем бою всякое может случиться, ранят, так рану перевяжет или, не дай Бог, что похуже случится, горькую весть матушке принесет. Пусть пока остается за денщика.

Смотря вслед уходившему Алешке, Данилов вдруг вспомнил, как в детстве он, держа за руку маленького Володю, загребавшего ногами толстый слой приятной теплой пыли, вместе с Алешей шел по тропинке среди нежно зеленеющих озимых на реку, а высоко в синем небе пели жаворонки. На душе от этого пения было очень легко, свободно и чуть-чуть грустно.

На следующий день после контузии, Кузнецов, по настоянию полковника, отлеживался в телеге. Полк встал в тылу армии недалеко от деревни Татариново у Новой Смоленской дороги. Казачьи войска Платова получили отдых и приводили себя в порядок после непрерывных боев. Сотня Кузнецова утром была отправлена в дозор на правый фланг русской армии. По фронту иногда вспыхивала ружейная перестрелка, слева и впереди периодически раздавались и пушечные выстрелы. Здесь же было тихо. Когда стало смеркаться, пришел урядник Брусков, неся в руках миску с едой.

– Вот, господин есаул, отведайте ухи. Были сегодня у реки – Москвы, она совсем рядом здесь. Наблюдали, как французы пригоняли поить своих лошадей. Вся их кавалерия была. В бой не вступали. Французы веселые, все показывали, как будут нас в реке топить. Ну, мы двух драгун с собой утянули пока они веселились.

– А откуда рыба взялась?

– В деревне забытый бредешек нашли. Вот с ним, пока было тихо, вдоль берега и походили. Не рыба, а слезы – мелочь, но на ушицу набрали.

– Ну, если бы француз налетел? Так бы без портков казаков и ополонил.

– Не ополонил бы. Они уже ушли. У них никого у реки нет. Полковник сразу направил вестового об этом дать знать к командующему. А нас там егеря с уланами сменили.

Кузнецов покачал головой и принялся за уху, черпая ее деревянной ложкой и чувствуя как постепенно прибывают силы. Брусков улыбнулся:

– Мы с батей, Ваше высокоблагородие, в Дону как-то раз белугу в полторы сажени подняли...

– Так уж и в полторы? – подзадорил есаул.

– С места не сойти, в полторы, а, может, и более. Когда уже в лодку ее затянули, она бату так хвостом саданула, что он в воду так и слетел. Еле вылез, в том месте водовороты река крутит. Вот из той белуги уха была, так уха! Отец с соседом ее под калганную пустили. Бутыль выдули, а не в одном глазу. Ночью в снях застыла, так ее хоть ножом режь. Пол зимы солонину ели. А здесь так, ершики, да окуньки. На Дон вернемся, первым делом рыбалить пойду.

– Спасибо тебе, Брусков, вроде и болеть стало меньше. Пойдем к сотне. Готовиться надо – завтра француз в бой пойдет. И до нас обязательно дело дойдет.

БИТВА ГИГАНТОВ.

1. Подготовка.

К Бородинскому полю Наполеон привел 135 тысяч солдат. Это были самые выносливые, храбрые, опытные и боеспособные воины. Только такие смогли выдержать изнурительный, сопряженный с постоянными боями поход от границы. Ни суровый и непривычный климат, ни недостаток продовольствия, ни ожесточенное сопротивление русских не остановили их. Были неудачные бои, серьезные потери, но они неудержимо продвигались вперед. К генеральному сражению подошел цвет наполеоновской армии. Французы верили, что им необходимо сделать последнее усилие и Россия будет повержена.

После взятия Шевардинского редута, Наполеон 25 августа дважды в этот пасмурный день со своим штабом объезжал позиции, очень внимательно рассматривал расположение русских войск, их укрепления, рельеф местности, часто останавливался, беседовал с начальником штаба маршалом Бертье, другими маршалами и генералами, давал распоряжения о размещении своих корпусов, дивизий и полков, указывал позиции для артиллерии. К вечеру план сражения был готов – атаковать первому, обрушить на слабый левый фланг русских всю мощь корпусов Нея, Даву (три пехотные дивизии из пяти), Жюно, Понятовского и трех резервных кавалерийских корпусов Мюрата, всего, примерно, до 70.000 человек, создав подавляющее численное превосходство, разгромить армию Багратиона, окружить и, призвав к Москве-реке остальные войска Кутузова, уничтожить их. Большие батареи снесут русские укрепления. Многочисленная и умелая кавалерия будет содействовать пехоте и стремительно сама атаковать большими массами, лишит противника маневра и довершит его разгром. План маршала Даву о скрытном обходе левого фланга русских был отвергнут из-за большого риска ослабить фронт и опасности движения по лесистой местности, малоприспособной для такого обхода. Наполеон остался верен своим традициям. Местность и расположение русских войск не давали возможности для поиска других вариантов действий и был избран наиболее приемлемый. Штабные офицеры нанесли на карты отсутствующие на них деревни, овраги, ручьи, леса и кустарники и императору была представлена очень подробная карта места предстоящего сражения. Вечером войскам было зачитано воззвание Наполеона, которое было встречено с восторгом. Все было готово к битве.

Поле сражения представляло из себя равнинную сильно пересеченную речками, ручьями и оврагами местность с несколькими пологими возвышенностями. Вся русская позиция

прикрывалась естественными преградами для наполеоновских войск. Одновременно лесами от них были скрыты русские резервы и их перемещения в ходе сражения.

Правый фланг русской армии в районе деревни Маслово, занятой отрядом казаков Власова, упирался в берег Москва-реки. К югу от Маслово и до деревни Горки расположились русские Второй генерала Багговута и Четвертый генерала Остермана пехотные и Второй кавалерийский генерала Корфа корпуса. За ними встали Первый кавалерийский корпус генерала Уварова и казаки Платова. Подходы к Горкам защищали редут и несколько мощных батарей, под огнем которых находилось Бородино, Новая Смоленская дорога и промежуток между рекой Колоча и Курганной батареей.

Дальше на юго-запад позиция шла по небольшим перелескам и крутому высокому (до 15 метров) берегу реки Колоча до села Бородино. Через эти населенные пункты с запада на восток проходила Новая Смоленская дорога. Село Бородино, лежащее на левом берегу Колочи напротив впадения в нее ручья Стонец, занял Лейб-гвардии Егерский полк. В Горках, на высотах, защищенных несколькими укреплениями и батареями, Кутузов расположил свой командный пункт. Шестой пехотный корпус Дохтурова и Третий кавалерийский корпус Крейца встали на фронте от Горок до северных скатов Курганной высоты.

Далее позиция от слияния ручья Стонец с Колочей шла строго на юг. За этим местом на холме, получившим название Курганная высота или позднее – батарея Раевского, был построен редут с двухметровыми брустверами, широким семиметровым рвом и высоким контрэскарпом. С фронтальной части редута и на его флангах были вырыты в несколько рядов «волчьи ямы» и местами врыт деревянный частокол из затесанных бревен – палисад. Редут защищали 46 орудий, 12 из которых, принадлежащих 26-й батарее роты подполковника Шульмана 2-го, были размещены внутри укрепления у амбразур. На кургане были выставлены 26-я пехотная дивизия генерала Паскевича из Седьмого пехотного корпуса генерала Раевского.

Восточнее, у деревни Князьково, расположились гвардейская и сводно-гренадерская дивизии Пятого пехотного корпуса генерала Лаврова, а также Первая кирасирская дивизия.

Курганную высоту от противника отделял кустарник и заливном луг, который с юга на север пересекали обмелевшая за лето речка Каменка и Семеновский ручей, протянувшийся от Колочи до Утицкого леса. Ручей протекал по дну одноименного глубокого, местами заболоченного оврага и являлся весьма серьезной естественной преградой для французов, особенно для их кавалерии. Дополнительное неудобство для противника представлял приток Семеновского ручья – Свитенский ручей, мешавший развертыванию войск для атаки Курганной батареи. Этот участок фронта был прикрыт егерями бригады Гогеля, частью войск Раевского (12-я пехотная дивизия генерала Васильчикова, расположенная у южного подножия Курганной высоты) и резервной артиллерией. За ним встал 4-й кавкорпус.

Еще южнее на левобережье Семеновского оврага были построены три люнета (чаще встречающиеся определение этих укреплений – флешы, то есть, земляные укрепления в форме тупого угла с почти незащищенным тылом), расположенные таким образом, что могли поддерживать ружейным и артиллерийским огнем друг друга. Были вырыты широкие, до 4 метров, рвы, насыпаны валы, амбразуры для орудий укреплены плетеными турами с землей. Этот участок фронта защищали войска 8-го пехотного корпуса генерала Бороздина (три пехотные дивизии) и 52 орудия. Северная и Южная флешы, а также названная Багратионом «Ближняя» (к Семеновскому) флешь были построены еще 23—24 августа. Причем «Ближняя» с 4 орудиями, от взора неприятеля была закрыта Северной и дополнительно хорошо замаскирована. Она держала под обстрелом пространство между Южной и Северной. Наличие этой флешы для французов стало неприятным сюрпризом. О ее существовании они узнали только утром уже после начала наступления. Перед боем со стороны французов просматривались только Северная и Южная. Флешы заняли Вторая сводно-гренадерская и 27-я пехотная дивизии. чуть

сзади и немного левее них расположились Ахтырский гусарский и Новороссийский драгунский полки.

Немного севернее и в 500 метрах сзади флешей на правой, восточной стороне Семеновского оврага, перпендикулярно ему на небольшой возвышенности раскинулась деревня Семеновское. В середине деревни было построено серьезное укрепление с амбразурами, рвом, валом. В нем разместились 24 орудия. Слева и справа деревни были расставлены дополнительно 12 и 6 орудий. По кромке оврага были оборудованы дополнительные позиции. Такое размещение артиллерии позволяло держать под сильным обстрелом подступы не только к флешам, но и южные скаты Курганной батареи.

Заранее разрушенное Семеновское заняла Вторая гренадерская дивизия. Левее нее встала Вторая кирасирская дивизия генерала Дуки. Позднее сюда же подошла бригада из 1-й кирасирской дивизии. За кирасирами, между Семеновским и Утицким лесом, встали драгуны и уланы из корпуса Сиверса.

За восточной околицей деревни на двух невысоких холмах были устроены еще две батареи и дальше начинался довольно густой березовый лес.

К югу от флешей лес, становившийся все гуще и болотистее, подходил к деревне Утица, за которой на холме было возведено укрепление. Утицкий лес был занят егерскими полками Шаховского, которые являлись связующим звеном между войсками на флешах и крайней оконечностью левого фланга русской армии, где располагались Третий пехотный корпус Тучкова 1-го со своей артиллерией, казаки Карпова и Московское ополчение.

Протяженность русской позиции от Москва-реки до деревни Утица с севера на юг составляла примерно 8 километров. От ставки Кутузова до Семеновского было 3 километра, до Утицы – 5, основные позиции и расположение русских войск вплоть до Утицкого леса из Горок просматривалось достаточно хорошо.

Французская армия с севера на юг расположилась в следующем порядке.

От деревень Беззубово до Валуево по берегам рек Колоча и Война напротив села Бородино встал корпус итальянского вице-короля Евгения Богарнэ, усиленный двумя дивизиями из корпуса Даву, занявших позиции напротив Курганной батареи русских, и резервным кавалерийским корпусом Груши. У Шевардино расположились гвардейские дивизии, перед ними – армейские корпуса Жюно и Нея, за разрушенным шевардинским редутом – артиллерийский резерв. Южнее, перед лесом, прикрывающим русские флешы, выстроились пехотные дивизии Дессе и Компана из корпуса Даву. Дивизия Фриана, наиболее многочисленная и боеспособная в этом корпусе, и гвардейская дивизия Клапереда – «Легион Вислы», оставалась в резерве Даву и Нея напротив левого фланга русской армии. Южнее Шевардинского редута были размещены резервные кавалерийские корпуса Латур-Мобура, Нансути и Монбрена. Разноцветные бесчисленные ряды конницы, освещаемые августовским солнцем, представляли грозное зрелище. невозможно было себе представить, как вообще возможно будет остановить эту громаду. Мощные батареи объединенной корпусной и приданной артиллерии Фуше (3-й корпус маршала Нея), Пернети (1-й корпус маршала Даву) и Сорбье между ними с гвардейскими гаубицами, заняли позиции на правом фланге напротив флешей.

Еще южнее, на Старой Смоленской дороге напротив деревни Утица встал корпус Понятовского, который должен был действовать вдоль дороги, а также через лес во фланг русским войскам на флешах.

В сражении должны были быть задействованы все 587 артиллерийских орудий. Наполеон, демонстрируя свой талант великого полководца, сумел расположить войска таким образом, что до начала активных боевых действий было достаточно сложно определить, где будет нанесен основной удар – в центре или на флангах противника. Войска были расставлены почти равномерно по всему фронту и чуть более компактно чем русская армия.

Постройка французами 24 – 25 августа на своем левом фланге укреплений для размещения в них значительного числа артиллерийских орудий, что могло свидетельствовать об избрании здесь оборонительной тактики, переход на правый берег Колочи и постепенное смещение основных сил наполеоновских войск в ночь с 25 на 26 августа южнее, уступом, по сравнению с русской, все-таки давали Кутузову основание считать, что их главный удар будет нанесен по войскам Багратиона. Как показал ход сражения, умудренный многолетним боевым опытом, военный инженер по образованию, хорошо изучивший тактику Наполеона и знавший о значительном численном преимуществе французской армии, русский полководец достаточно точно оценил позицию и рассчитал возможные действия сторон. Еще 22 августа, когда русская армия только пришла на бородинское поле, Кутузов от Колоцкого монастыря осмотрел окрестности. До сражения он еще несколько раз на коляске и верхом объезжал позиции. Был немногословен со своим декоративным начальником штаба Бенигсеном, которого не мог терпеть и игнорировал все его советы, выслушивал предложения других генералов, соглашался с ними, но все сделал по-своему. Квартирмейстер армии полковник Толь развел войска в точном соответствии с его планом. Была допущена лишь одна ошибка. Не предупрежденный Кутузовым о скрытном расположении в засаде у деревни Утица корпусе Тучкова, Бенигсен, объезжавший вечером перед битвой позиции русской армии, посчитав, что ее левый фланг в районе флешей недостаточно прикрыт от возможного обхода, самовольно вывел этот корпус из молодого леса вперед ближе к Утице на открытую местность, сорвав план внезапного удара во фланг французов. О своем распоряжении начальник штаба армии главнокомандующему, по неустановленным причинам, не сообщил. В итоге передислокации корпус был сразу скован войсками Понятовского и, стоя на виду противника, понес от его огня значительные потери уже в начале сражения.

Русская армия была выстроена в три линии – пехота, кавалерия, резервы, в том числе артиллерийские. От Маслово до Курганной высоты, а также в Утице, встали войска Барклая, в центре и южнее до Утицы – Багратиона. 103-тысячная русская регулярная армия (72 тысячи пехоты, 17 тысяч кавалерии, 14,3 тысячи артиллерии, пионеров и прочих) противостояла 135 – тысячной регулярной французской (90,2 тысяч пехоты, 28,2 тысяч кавалерии и 16 тысяч артиллеристов, саперов и прочих). 7.000 казаков были расположены на флагах и, кроме участия в демонстрационном рейде русской кавалерии против войск Богарнэ, активных действий в сражении не предпринимали. 10.000 (или 25.000, или, по подсчету историка С. Шведова, даже 33.000) ополченцев – 7.000 москвичей и 3.000 смолян, стояли на тыловых позициях и использовались на строительстве укреплений, подносе боеприпасов, эвакуировали раненых. У французов эти функции выполняли 15.000 некомбатантов, т.е. нестроевых.

Глубина боевых порядков противников была сравнительно одинаковой. Кавалерия обеих сторон была хорошо обучена, обладала большим боевым опытом и великолепными командирами. У неприятеля особенно выделялись французские и немецкие полки. Конский состав русской армии превосходил французский, сильно пострадавший от бескормицы и изнурения.

Русские обладали преимуществом в числе артиллерийских стволов (640 против 587) и имели больше, чем противник крупнокалиберных батарейных орудий. Русские орудия были маневренны, быстро и точно наводились и, в целом, не уступали по своим качествам весьма хорошим французским, системы Грибоваля. Более удобные зарядные ящики были у русских. Их высокую подвижность отметил сам Наполеон. Огнестрельное и холодное оружие по своим свойствам было примерно равнозначным. Русская пехота была вооружена ружьями отечественного производства, а также английскими и австрийскими; французская – имела ружья образцов 1777 и 1801 годов произведенных на французских заводах. Ружья обеих сторон имели прицельную дальность 150—200 метров, оснащались трехгранными штыками. Равным русским и французам в штыковом бою не было. Боевое мастерство солдат и офицеров, за исключением 15.000 неопытных русских новобранцев, приведенных генералом Милорадо-

вичем и влившихся в армию в Гжатске, оценивалось как одинаковое. Французские маршалы, большинство генералов и офицеров являлись участниками многочисленных победных сражений своего императора. Командный состав русской армии также обладал большим опытом боевых действий, в том числе под руководством великого Суворова, на счету которого были блестящие победы и над французами. Полезны для него были также две неудачные компании против Наполеона, хотя в итоге и проигранные, но позволившие реально оценить возможности противника.

25 августа по распоряжению Кутузова в войсках носили спасенную из смоленского пожара икону Смоленской Божьей Матери. Русские солдаты, в подавляющем большинстве бывшие крестьяне, в полной мере познавшие до службы тяготы крепостничества, а затем армейскую муштру, шпицрутены и унтер-офицерские зуботычины, казалось бы, должны с тупым безразличием относиться к судьбе своей Родины, на что надеялся и Наполеон, начиная войну против «русских варваров». Но, несмотря на все несчастья, унижения и несправедливость, выпадавшие на их долю, эти на самом деле глубоко религиозные люди в бою не щадили своей жизни, отдавая ее «За Бога, Царя и Отечество», что совсем несвойственно для рабов и варваров. Русская душа никогда не могла смириться с тем, что враг топчет родную землю. Внутри сидело чувство – «вначале надо выкинуть супостата за порог, а там видно будет, если уж совсем прижмет, то и со своего барина спросим». Еще был памятен пугачевский бунт.

Русский солдат был храбр, дисциплинирован, незлопамятен, сметлив, то есть, обладал качествами, свидетельствующими о его внутренней свободе и природном уме. Ну, а свои несчастья оправдывал – «Бог воздаст за грехи мои». Битые наполеоновские захватчики впоследствии рассказывали, как при их приближении влачащие нищенское существование «дикие» русские крестьяне и горожане жгли свои убогие жилища и убегали, что для европейцев было нехарактерно и непонятно. Что-то подобное происходило в Испании, но совершенно в других масштабах. Противопоставляли своих предприимчивых, свободолюбивых, храбрых и высоко просвещенных солдат покорным, забитым и безинициативным русским рабам (генерал Пеле). Дело, конечно, не в дикости русских. По своим моральным качествам, уму и свободолюбию они, конечно же, не уступали ни французам, ни другим народам. Просто наученные большим и горьким историческим опытом люди знали, что ничего хорошего незванный пришелец им не принесет, а оденет на мужицкую шею новое ярмо, как это было при диких татарах и при, якобы, «просвещенных» поляках и шведах. Поэтому надо бить незваных гостей так, чтобы помнили веками.

Сейчас же перед иконой солдаты и ополченцы, офицеры, генералы истово молились. Среди войск, тяжело опустившись на колени перед ликом Богоматери, старый главнокомандующий, русский православный верующий человек, осенил себя крестом, поцеловал икону и руку священника, растроганно прослезился. Он знал, какая предстоит страшная битва, сколько погибнет людей. Он также был уверен, что его солдаты, офицеры и генералы не подведут, сражаться будут достойно и молил Святую об их защите.

2. Бой на берегу Колочи.

Егерский полк Данилова, после вялых дневных перестрелок с французскими фланкерами, в ночь с 25 на 26 августа был отведен назад и расположился в овраге у ручья недалеко от деревни Горки. На высотах у Горок были возведены несколько укреплений, в которых размещены орудия нескольких артиллерийских рот. Ретраншементы (окопы для пехоты с бруствером и рвом) опоясывали горкинскую позицию, проходили вдоль правого берега Колочи и километровой глубокого Щербинского мельничного пруда. За рекой Колочей в Бородино позицию занимали лейб-егеря, которые два дня при поддержке кавалерии успешно отбивали попытки французов завладеть этим селом. Они защищали село и мосты через реку, хотя было понятно, что при более сильном натиске свою позицию вряд ли удержат. Было удивительно, что сегодня лейб-егеря перед лицом неприятеля расслабились и ведут себя беспечно – все были на виду,

окопы и баррикады почти покинули, село укреплять перестали, стрелковая цепь была редкой. Солдаты ходили по улице, обрывали ветки берез, вязали веники и повзводно с гоготом исчезали в банях, стоящих на берегу. Из печных труб вылетали снопы искр, солдаты выбегали наружу, бросались в реку, неторопливо одевались. Не брезговали баней и господа офицеры. Данилов с завистью посматривал на лейб-егерей, досадовал, что их полк не решился и себе устроить праздник, но на душе было тревожно – успеют ли гвардейцы напариться до боя.

Алеша, который упросил Данилова оставить его при себе до конца сражения, уже успел устроить шалаш, сварить кусок говядины и заварить чай. Капитан пригласил на ужин офицеров роты. Все были спокойны, посмеялись над лейб-егерями и после ужина улеглись спать кто в шалаше, кто снаружи под шинелями на охапках соломы. Данилов подошел к костру, где сидели и лежали солдаты его поредевшей роты. Закурил трубку, отсыпав добрую половину своего ароматного малороссийского тютюна егерям. Попросил их: во время боя не робеть, друг друга выручать, слушать команды офицеров. Заметил, что солдаты были трезвы и серьезны. Почувствовал, что завтра врагу они не уступят.

Перед рассветом, еще затемно, Данилова, как и многих других, разбудил пушечный выстрел. В ночной тишине он прозвучал особенно громко. Выстрелил русский пушкарь, которому показалось, что в опустившемся на поля тумане неприятель пошел в наступление. Ответных залпов не последовало и опять стало тихо. Но уже через час лагерь начал просыпаться, двигаться и тут же у Бородино затрещали частые ружейные выстрелы. Полк поднялся» В ружье!», вышел из оврага и стал строиться за гребнем небольшой высоты напротив бородинского моста. Из села доносился шум боя, победные крики французов, восхвалявших своего императора и русская солдатская брань. Поднявшись на этот гребень, Данилов и другие офицеры сквозь ключья утреннего тумана видели частые вспышки выстрелов, рукопашные схватки. Из бань выбегали в чем мать родила гвардейцы, хватали ружья, тесаки и патронные сумки, исчезали среди изб, бегали по селу, стреляли, вступали в штыковую и еще долго вместе со своими уже успевшими попариться до боя товарищами сдерживали изумленных французов.

Туман стал быстро рассеиваться. Окрестности осветило яркое солнце. По всему фронту с обеих сторон сразу загремела артиллерия. В Бородине еще шел бой, но с севера и запада к нему устремились новые французские части. Наконец, лейб-егеря не выдержали и стали по двум мостам быстро отходить из села. Не отпуская их, через мосты повалили густые толпы французов. Открыли огонь горкинские батареи, но синие мундиры все больше и больше заполняли наш берег.

Последовала команда полковника, егеря с уже заряженными ружьями поднялись на гребень и почти в упор дали залп, а затем вместе с другими егерскими полками и матросами Гвардейского морского экипажа ударили в штыки. Славный 106-й пехотный полк (до 2.200 человек до начала боя) из дивизии генерала Дельзона, потерял половину своего состава, из 80 офицеров осталось 30, бригадный командир – генерал Плезонн, был убит. Егеря отбросили французов в Бородино, а затем вместе с матросами разобрали и подожгли мосты. Активные боевые действия на этом участке. Русские гвардейские егеря потеряли половину своего состава. Потери армейских егерей и матросов были несущественными.

После великолепной атаки егерей и наступившего затишья на правом фланге русской армии, полк Данилова был переведен южнее и занял позицию у северного ската Курганной батареи и в ретраншементах (окопах с брустверами) вдоль южного берега Щербинского пруда.

3. Герои левого фланга.

Вторая гренадерская дивизия 25 августа занимала позицию за деревней Семеновское. От деревенских 25 изб осталось всего два дома, в которых разместился командующий армией Багратион со своим штабом. Остальные избы, сараи, овины и заборы по бревнышкам были разобраны на устройство батарей, мостков через ручей, на шалаши и костры. После боя за Шевардинский редут московские гренадеры, за исключением нескольких команд, направ-

ленных на строительство правой флешей, отдыхали. Многие переодевались в чистое белье, приводили в порядок мундиры и кивера, осматривали и готовили к бою оружие. Среди солдат пересказывали обращение Кутузова к армии. Простые слова главнокомандующего с призывом постоять за свою Родину были понятны каждому. Бодрило души обещание в бою менять полки свежими каждые два часа.

По позициям проехал со свитой и командирами дивизий князь Багратион, поговорил с солдатами и офицерами. Любимый и уважаемый в армии генерал, ученик великого Суворова напомнил ветеранам о былых сражениях и походах. Его появление вселяло дополнительную уверенность в своих силах. Ночевать командующий уехал в еще не разоренное Псареве.

К вечеру поднялся ветер и напоззли тучи. Жуков, Казанцев и Доборшин вместе с другими солдатами, набросив шинели, сидели вокруг жаркого костра.

Пес Кузя устроился тут же и не мигая смотрел на огонь. Солдаты вяло переговаривались между собой, коротко посмеивались при удачной шутке, курили трубки. Штатный рассказчик таинственным голосом рассказывал выдуманную на ходу какую-то сказку. Его вроде бы и слушали, но каждый думал о своем. Все понимали, что завтра будет сражение еще невиданное, жесточайшее, но были уже давно готовы к нему и ждали с нетерпением.

На рассвете сначала у Бородино, а потом по всей линии аванпостов затрещали ружейные выстрелы. Почти сразу же в дело вступила артиллерия. Из Семеновского было хорошо видно, как из кустарника к флешам и утицкому лесу откатываются русские егеря. Вслед за ними появились густые цепи французских стрелков.

На опушке леса стали выстраиваться батальоны в синих мундирах, на фланги выкатывались полковые пушки, музыканты заиграли бравурные марши и под своими трехцветными знаменами пехота с кличем “*en avant!*” бесстрашно ринулась в атаку.

Русские позиции опоясались огнем. Картечь стала укладывать французов ряд за рядом, метко по ним стреляли егеря бригады Шаховского из Утицкого леса, но они продолжали бежать к флешам. Тот километр поля, отделявший позиции французской пехоты от флешей, стал быстро покрываться телами убитых и раненых вольтижеров, гренадеров и фузилеров обеих дивизий Даву. Багратионовские батареи успевали сделать по 5 – 7 залпов. Открыла огонь русская пехота из Сводно-гренадерской дивизии Воронцова и 27-й дивизии Неверовского. Наступающие дивизии Компана и Дессе замедлили свое движение, задор спал. На поддержку своей пехоты под убийственным огнем стали выдвигаться две легкие кавалерийские бригады Бермана и Мурье. Здесь были голландские гусары, вюртембергские шеволежеры, французские конно-егеря из дивизии легкой конницы корпуса Нея. Перед южным укреплением неприятеля стремительно атаковали гусары Ахтырского полка и новороссийские драгуны. Французы не выдержали контратаки русской кавалерии и шквального огня от флешей. Еще не достигнув русских укреплений и понеся большие потери, они в беспорядке отошли к лесу.

С обеих сторон резко усилился артиллерийский огонь. Перед первой атакой снаряды не долетали до русских позиций – в ночном мраке французские орудия были установлены слишком далеко от них. Пришлось уже под огнем менять позицию и заново расставлять батареи. Проведено это было образцово быстро и вот уже неприятельский огонь обрушился на плотные ряды русской пехоты у флешей.

В семь утра обе французские дивизии снова пошли в атаку. Замолчали, чтобы не задеть своих, все 102 орудия поддержки. Перед Южной и Северной флешами некоторые батальоны из колонн развернулись в трехшерезежный линейный строй. Французы остановились, с 60 шагов дали залп и, перепрыгивая через рвы и окопы, ринулись в рукопашную. Русская артиллерия не только от флешей, но, когда атакующие подошли к укреплениям почти вплотную, и из Семеновского обрушила на них буквально шквал огня. Будто огромная коса выкашивала ряды французов. Повалился с лошади пораженный картечью в руку генерал Компан, тут же был ранен командир другой дивизии – Дессе. Почти одновременно выбыли из строя

генералы Рапп, Дюпелен и Тест. Сам командир корпуса маршал Даву на глазах своих солдат был серьезно контужен в пах и бедро картечью. Пролежав несколько минут без движения под убитой лошастью без сознания, он не подавал признаков жизни, что стало поводом для командира батареи Сорбье сообщить Наполеону о смерти маршала. Даву наконец с трудом поднялся, но продолжительное время не мог командовать наступлением.

Сильный огонь из укреплений по французам вели русские гренадеры и егеря из Утицкого леса. Уже тысячи французов лежали перед флешами, но вместо них вперед бежали другие смельчаки. Они, пользуясь своим двухкратным численным преимуществом, смогли выбить русских из Южной флешы и окружить Северную. Им навстречу несколько своих батальонов лично повел командир 2-й сводно-гренадерской дивизии генерал Воронцов. В ожесточенной схватке гренадеры отбросили французов, но и сами понесли огромные потери. Среди раненых был их храбрый командир, сражавшийся в первых рядах своих солдат.

Снова отличились ахтырские гусары и новороссийские драгуны, несколько раз решительно атаковавшие вражеские пехоту и легкую кавалерию.

Обескровленную сводно-гренадерская дивизию на флешах сменила 27-я пехотная дивизия генерала Неверовского. По требованию Багратиона, видевшего, что наличными силами нельзя сдержать многочисленного противника, к нему направлялись от Утицы 3-я пехотная дивизия генерала Коновницына из корпуса Тучкова 1-го, а от Курганной высоты – егерские полки из корпуса Раевского. По приказу Кутузова ускоренным маршем подходили два полка лейб-гвардии – Измайловский и Литовский и их передовые взводы уже после семи утра начинали выстраивать несколько батальонных каре слева от деревни на восточном берегу Семеновского оврага. От Горок к флешам и Утице двинулись 4-я и 17-я дивизии из корпуса генерала Багговута. Из Псаревы были переброшены дополнительно 100 орудий. Стоявший сзади и немного севернее Семеновского гвардейский Финляндский полк выдвинулся ближе к деревне. Линия обороны на левом фланге русской армии была восстановлена.

Не прошло и получаса, как французы предприняли третью атаку. Маршал Ней, видя безрезультатность действий Даву, направил к нему на помощь сразу свои три пехотные и одну кавалерийскую дивизии. В бой по приказу Наполеона были введены два кавалерийских корпуса Мюрата и дополнительная артиллерия. Число орудий было доведено до 160.

Пока шла перегруппировка сил, артиллерия с обеих сторон крушила противника. Пехота и кавалерия стремились как можно быстрее пойти в атаку, чтобы вплотную сойтись с врагом и избавиться от опустошающего действия орудий.

К этому времени в районе Утицы поляки, наконец, вытеснили русских егерей из леса и обезопасили от них с фланга наступление Даву и Нея на Багратионовы флешы. Ослабленные, после ухода к флешам дивизии Коновницына, войска Тучкова также были вынуждены отойти назад и оставить деревню, а за ней, временно, и Утицкий курган. Однако, держа активную оборону, они не позволяли корпусу Понятовского ударить Багратиону во фланг и тыл. Первая гренадерская дивизия при поддержке подошедшей позже бригады из 17-й дивизии 2-го пехотного корпуса Багговута несколько раз ходила в атаку и, несмотря на полуторакратное численное превосходство десятитысячного корпуса поляков, отразила все их дальнейшие устремления. Павловский полк, в сохраненных за ним за доблесть в былых сражениях головных уборов павловских времен – "гренадерках», колотил неприятеля. Польские солдаты и офицеры уже видели перед собой Москву, представляли свое торжественное вступление в Кремль и расплату с русскими за взятие Суворовым Варшавы почти два десятка лет назад и с особой яростью бросались на русских. Но здесь нашла коса на камень и каждый раз поляки с большими потерями откатывались назад. Лишь вечером по приказу Багговута Утицкий курган был оставлен для выравнивания линии фронта. Рапорт Понятовского по итогам сражения о своих успешных действиях и, якобы, преследовании разгромленных русских на протяжении 12 километров, был благосклонно воспринят Наполеоном и он был единственным, который французский

император не заставил переписывать в отличие от рапортов других своих генералов и маршалов по итогам Бородинского сражения. Наполеон снисходительно закрыл глаза на то, что в рапорте польский генерал позволил себе пофантазировать.

Под уже начинавшую забываться музыку времен французской революции на флешах торжественно двинулись пехота Даву и Нея, легкая кавалерия дивизий Жирардена и Мурье, кирасиры, гусары и уланы Нансути. Пехота атаковала обе флеша, батальонные колонны шли в затылок друг другу. Нансути поддерживал ее с правого фланга. 30.000 французам противостояли 15.000 русских. Ядра и картечь кромсали ряды наступающих, но офицеры быстро наводили порядок и солдаты мужественно продолжали идти вперед. Людское море затопило русские укрепления. Снова удалось захватить Южную флеш, окружить Северную и подойти к Ближней, которая, наконец, предстала перед глазами французов. Торжество продолжалось всего лишь минуты – русская артиллерия буквально вымела их из незащищенных с тыла укреплений, а завершила поражение контратака кирасир генерала Дуки, нескольких батальонов 12-й дивизии Васильчикова, пехоты Неверовского и оставшихся в живых гренадер Воронцова.

Русские батареи, ахтырские гусары, новороссийские драгуны и уланы Литовского полка не позволили кирасирам и легкой кавалерии Нансути преодолеть топкий Семеновский овраг и зайти в тыл русскому отряду на флешах. Донская 1-я конно-артиллерийская рота войскового старшины Петра Тацына, отличившаяся еще под Смоленском, метким огнем своих 12 орудий опустошала толпы вражеской пехоты, а затем активно мешала перестроению французской тяжелой кавалерии.

4. Гренадеры в бою.

Московский гренадерский полк вместе со всей своей дивизией по-прежнему занимал позиции в Семеновском. До гренадер долетали французские ядра и они несли потери. Но отойти назад было нельзя, поскольку в случае необходимости трудно было бы вовремя поддержать своих на флешах. Продвинуться вперед, где было самое пекло, означало понести неоправданно большие потери еще до схватки. Нужно было стоять на месте и ждать своего часа. Перед строем, ободряя своих солдат, проехал командир полка полковник Шатилов.

Хотя временами налетал довольно свежий ветер, августовское солнце припекало. Стоять который час на жаре в полном парадном обмундировании, хотя и по команде «вольно», было, особенно для неопытных солдат, нелегко. По шеренгам ходили ополченцы и в кадушках разносили воду, уносили или уводили раненых.

Гренадерам было хорошо видно, что происходило на флешах. Понимали, что уже скоро придет и их черед. Посматривали в сторону Багратиона и своего командира дивизии, которые верхом в окружении штабных и ординарцев наблюдали за боем от семеновских батарей.

Справа вдруг зачистили орудийные выстрелы. Курганную высоту затянул плотный пороховой дым, сквозь который мерцали оранжевые всполохи ружейных и пушечных залпов. Все новые и новые колонны французов появлялись из кустарника, переходили Семеновский овраг, разворачивались в шеренги и быстрым шагом шли на высоту. На некоторое время пальба затихла и доносился приглушенный сплошной гул человеческих голосов. На восточном склоне заматались, а потом стали скатываться вниз группы русских. Но там их встретила и остановила спешившая на подмогу большая колонна пехоты. Через мгновение вся эта масса людей с криком «ура!» ринулась отбивать редут.

– В рукопашную схватились, – проговорил Жуков, стараясь рассмотреть, что происходит на высоте.

– Здесь не получилось, теперь там пробуют, – отозвался Казанцев.

– Отбили, кажется. Вон, французы вниз посыпались! И там им поддали, смотрите! – возбужденно закричал Доборшин. – Сейчас бы добить их!

– Кому добивать? Войск за курганом кот наплакал. Если только мужиков с топорами из ополчения напустить.

– Кирасиры у нас за спиной все-равно без дела стоят.

– Так, они – наш резерв. Сзади-то, видишь, больше никого нет. Кавалерия скоро и у нас понадобится.

У Шевардина вновь к атаке стали выстраиваться неприятельские полки. Справа от него, сливаясь с лесом, синели французские колонны, слева строилась вюртембергская пехота в касках, похожих на драгунские, яркими разноцветными пятнами колыхались эскадроны кавалерии. И вот вся эта масса вначале замерла на месте, а потом двинулась вперед. Началась третья атака Багратионовых флешей.

Затрещали барабаны, взвизгнули флейты, запели волторны и Вторая гренадерская дивизия полк за полком быстрым шагом направилась к флешам. В ее рядах возвышался на коне князь Багратион. Рядом находился командир дивизии Карл Мекленбургский. В первых рядах мелькала черная ряса полкового священника москвичей – отца Мирона. Правее гренадер двинулись батальоны Новоингерманландского и Алексопольского полков из 12-й пехотной дивизии генерала Васильчикова 1-го. Перейдя на противоположный берег Семеновского ручья, русские выровняли ряды и, все ускоряя шаг, продолжили движение. Когда они подбежали к флешам, вокруг них уже шел бой. Сильно разрушенные укрепления снова захватили французы. Они разворачивали орудия, чтобы открыть огонь по русским. Легкая кавалерия корпуса Нея пыталась раздавить кучки русских пехотинцев. Те отбивались штыками, времени для перезарядки ружей не оставалось. Французские саперы, быстро орудуя лопатами и кирками, принялись срывать русские реданы.

Вместе с пехотой по французам ударили Вторая кирасирская дивизия генерал И.М. Дуки и 1-я бригада Первой кирасирской дивизии. Тяжелая русская кавалерия смяла вюртембергских конно-егерей, прогнала их до кирасир Нансути, отбросила и латников, рассеяла полторы тысячи французских конно-егерей и польских улан из дивизии легкой кавалерии Жирардена корпуса Даву, а затем, развернувшись назад, налетела на вюртембергскую и французскую пехоту. С другой стороны накатился вал гренадеров. Вражеские солдаты не знали куда им бежать. Во флешах, не находя выходов, металась вюртембергцы. В их толпу, отстреливаясь из пистолетов, успел юркнуть неаполитанский король Иоахим Мюрат, возглавивший атаку своей кавалерии и чудом избежавший плена. Под ним была убита лошадь и он едва успел соскочить с нее. Увидев отступающих французов, он стал отчитывать их полковника. В этот момент и налетели русские кирасиры, готовые зарубить короля. Немцы продержались еще десяток минут, дали вырваться Мюрату, и опрометью покинули флешь.

Троице гренадеров почти не пришлось драться с уже отступающими французами. Их рота ворвалась на флешу, когда те уже побежали. Казанцев успел кого-то в синем мундире прикладом спровадить в ров, а Жуков с Доборшиным схватили старика в петушином наряде с разукрашенной палкой в руке и в треуголке с огромным красным султаном. Думали – генерал. Но тот закричал :

– Мюзик, мюзик! Рюсс, пардон!

Взяли его под руки и подвели к своему взводному. Подпоручик объяснил что это – музыкант, тамбурмажор французских гренадер, и распорядился отвести его в Семеновское. Туда же понесли раненых, в том числе тяжело контуженого ядром в ногу отца Мирона. Побледневший от боли батюшка держался и, даже, пытался ослабевшей рукой осенять крестом разгоряченных боем солдат.

Московскому и Астраханскому гренадерским полкам было приказано возвратиться назад и встать на прежних позициях в деревне. Остальные полки дивизии остались на Северной, Ближней и Южной флешах. Справа от гренадер стояли поредевшие батальоны новоингерманландцев и алексопольцев из 12-й пехотной дивизии генерала И.В. Васильчикова корпуса Раевского, готовые, несмотря на потери, снова поддержать войска на флешах, сзади них – уже несшие потери от огня гвардейцы Финляндского полка. Подошли дивизия Коновницына и сводно-

гренадерская бригада полковника Г.М.Кантакузена и, готовясь вступить в бой, сосредоточились в Семеновском овраге.

На свой правый фланг Наполеон направил дополнительные войска – вестфальский корпус под командованием своего старого боевого соратника генерала Жюно. Вестфальцы должны были помочь Понятовскому захватить участок Старой Смоленской дороги и одновременно атаковать во фланг войска Багратиона. Углубившись в Утицкий лес и сразу понес чувствительные потери от огня егерей, они с трудом выбрались на открытое пространство и натолкнулись на русскую линейную пехоту и 1 легкую батарею гвардейской конной артиллерии капитана Ростислава Захарова из бригады полковника П.А.Козена. Захаров, увидев выходящих из леса хорошо заметных в своих белых мундирах вестфальцев, уже готовых неожиданно ударить в стык между левым флангом войск Багратиона и отрядом Тучкова, вылетел со своими орудиями на картечный выстрел и, не имея пехотного прикрытия, открыл беглый огонь. Сразу были разгромлены передовые батальоны немцев, остатки которых побежали обратно в кусты. Остальные были атакованы тремя кирасирскими полками, обратились вспять и до конца сражения вели себя пассивно. Все попытки развернуться для атаки пресекались полками Первой гренадерской дивизии и егерями бригады генерала Шаховского, а позднее ими же совместно с прибывшими Рязанским и Брестским пехотными полками 17-й дивизии.

Два часа до подхода подкреплений крушила неприятеля батарея капитана Захарова, не допуская прорыва вражеской пехоты. Затем она переместилась правее, ближе к Семеновскому, и вступила в бой с 30 французскими орудиями. Выбыли из строя две трети артиллеристов, был смертельно ранен и их командир, один из ярчайших героев этого великого дня. Место Захарова занял поручик Гербель, собравший из разных рот батарею в 11 орудий и до конца дня поражавший неприятеля.

Впервые в сражении, по свидетельствам некоторых очевидцев, приняли участие ратники Московского ополчения – 500 человек, имевших ружья, вместе с пехотой Рязанского и Вильманстрандского полков пошли в штыковую атаку и рассеяли одну из вражеских колонн. В Бородинском сражении вестфальский корпус Жюно понес огромные потери. были убиты и ранены 3.000 солдат и офицеров.

На крайний левый фланг русской армии взамен дивизии Коновницина, брошенной по приказу Багратиона на защиту флешей, командир 2-го пехотного корпуса Багвут привел 17-ю дивизию генерала З.Д.Олсуфьева из своего корпуса, одна бригада из которой билась с вестфальцами, а другая вместе с Первой гренадерской дивизией П.А.Строганова отбросила поляков от Утицкого кургана, вновь установила на нем батарею и весь остаток дня защищала курган.

К этому времени Наполеон с удивлением вдруг стал осознавать, что уже введенные в бой 2/3 его армии ничего не могут поделать с русским левым флангом. Значительно уступающие французам в численности войска Багратиона твердо занимают свои позиции на реданах (так называли французы флешы). А за ними выстроена еще более грозная линия обороны вдоль оврага у деревни Семеновское. Кутузов компактно держит на своем правом фланге еще много пехоты и гвардейский кавалерийский корпус, тысячи казаков и сотни орудий. «Старый лис» эти войска может бросить в бой на любом участке фронта, всей массой прорвать французскую линию. Необходимо усилить натиск на Багратиона, для этого войск вполне хватает, атаковать непрерывно, ввести в дело новые батареи, заставить Кутузова двинуть свежие дивизии на свой левый фланг. Иначе исход сегодняшней бойни предсказать невозможно. Но, вспомнив о своей еще нетронутой гвардии, мощной группировке войск Богарнэ, Наполеон немного успокоился. Раздражение от действий Нея, самовольно оголившего центр построения армии и бросившего свои войска на реданы, а не в промежуток между Семеновским и «Большим редутом», как предполагалось диспозицией, стало проходить. В конце концов, Даву без поддержки всего корпуса Нея вряд ли один смог бы взять эти самые реданы. Если бы Ней атаковал между ними и»

Большим редутом», то он попадал под мощный артиллерийский обстрел сразу с трех сторон. Перед ним стояла русская пехотная дивизия (12 -я – генерала Васильчикова), за ней – 3 полка русской гвардии и гренадеры в Семеновском, в любой момент могли быть переброшены казаки и целый кавалерийский гвардейский корпус, несколько егерских полков и артиллерийских рот. Совсем не факт, что наступление Нея было бы успешным. Чем все это могло закончиться – угадать сложно. Вначале надо брать реданы, атаковать без остановки и во что бы то ни стало прорвать русский левый фланг. Был послан приказ генералу Фриану подготовить свою дивизию к вводу в сражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.